ВЕСТНИК
МОСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Общая тетрадь

Москва 2002

Общественно-политическое издание
Выходит раз в квартал
Наш электронный адрес:
e-mail: mspskniga@co.ru
http: //www.msps.ru

Журнал зарегистрирован в министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № 77-7311 от 19.02.2001 г.

Редакционный совет:
А.Н. Архангельский
Е.В. Барабанов
Р. Брейтвейт (Великобритания)
И.М. Бусыгина
С.А. Васильев
М. Мертес (ФРГ)
Б.Н. Миронов
Е.М. Немировская
Д. Пинто (Франция)
Б. Рубл (США)
В.А. Рыжков
А.М. Салмин
Ю.П. Сенокосов
Л.П. Скопцов
А.Ю. Согомонов
А. Хиль-Роблес (Испания)
Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор: *Ю.П. Сенокосов*
Заместитель главного редактора: *Ю.А. Гиренко*
Ответственный секретарь: *А.А. Захаров*

Художественный редактор: *Людмила Иванова*
Корректор: *Ольга Скрипалёва*
Верстка: *Ольга Козак*
Фото: *Олег Начинкин*

Издание осуществлено при поддержке
Совета Европы и Европейской Комиссии

Содержание

№ 4 (23) 2002

К читателю 5

Семинар

Проблемы борьбы с коррупцией в России
Сергей Степашин 7

Заметки с семинара
Юрий Гиренко 16

Тема номера

Россия как нация
Джеффри Хоскинг 18

Россия как империя
Доминик Ливен 23

Россия как Европа
Дмитрий Тренин 30

Россия как демократия
Владимир Рыжков 35

XXI век: вызовы и угрозы

Россия, США и вызовы XXI века
Александр Вершбоу 43

Геополитика после 11 сентября
Лучо Караччоло 55

Европа и демократия
Ален Лансло 60

Концепция

Социальная ответственность российского бизнеса
Михаил Ходорковский
Каха Бендукидзе 68

Дискуссия

Власть и люди: о местном самоуправлении
Вадим Бондарь 73

Спецслужбы в демократическом обществе
Юрий Кобаладзе 79

Свобода и культура

Бизнес и политика: культура взаимодействия
Сергей Недорослев 84

Новые практики и институты

Южный региональный ресурсный центр
Михаил Савва (Краснодар) 87

Мал городок, да дорог
Ирина Кораблева (Углич) 90

Личный опыт

Алексей Клешко: "В жизни всегда должно быть место вопросам..."
Зоя Ерошок 93

Идеи и понятия

Федерализм
Ирина Бусыгина
Андрей Захаров 96

Из зарубежных изданий

"The National Interest" 100

О том, чем может быть НАТО
Чарльз Гати 101

Книги

Олигархи: по ту сторону мифа
Юрий Гиренко 111

Региональное книжное обозрение
Юрий Гиренко,
Александр Капишин,
Инга Старостина 114

Контрапункт
Александр Архангельский 119

Nota bene

Первые десять лет 122

В оформлении этого номера использованы работы художников из Австрии, Бельгии, Германии, Голландии, Италии, Нигерии, Польши, США, Франции, Швейцарии.

К читателю

Ю.П. Сенокосов, главный редактор журнала «Общая тетрадь»

Современное процветание стран Западной Европы было обусловлено не только развитием экономики, но и теми изменениями, которые происходили в ее культуре — благодаря появлению политических партий, гражданского общества, правового государства, а также высокой социальной мобильности населения. Лишь «немногие общества, — замечает по этому поводу Джеффри Сакс, — смогли добиться подобной комбинации политических, культурных и экономических условий»[1].

Что же касается России, то в ней такая «комбинация» исторически не сложилась, прежде всего, из-за неспособности культуры к внутренним изменениям. Их паллиативом стали дворцовые заговоры, народные бунты, расколы, отнюдь не способствовавшие демократическим преобразованиям. При этом наибольшую опасность для проведения демократических реформ представляли расколы, так как именно в них проявлялась (и проявляется) вся глубина социально-экономических, культурных и иных противоречий, начинающихся обычно с взаимного недоверия людей, их подозрительности, зависти, предубеждений, предрассудков, а кончающихся насилием.

В первую очередь, я имею в виду противоречия эпохи старообрядческого раскола. По мнению С.А. Зеньковского, видного специалиста по истории духовной культуры России, этот раскол вначале представлял собой не *откол* от церкви значительной части духовенства и мирян, а *внутренний разрыв* в самой церкви. То есть, другими словами, проявил себя, подобно европейской реформации, как оппозиционное движение, направленное против церковных властей. Обнаружив, что проповедь активной веры, духовного возрождения не встретила отклика в среде церковной иерархии, старообрядцы, по словам Зеньковского, взяли под подозрение и сам епископат. Все остальные мотивы: личные, социальные и прочие, хотя и имели «влияние... но не ради них (уже после того, как начались репрессии — *Ю.С.*) шли старообрядцы на муки, плаху и в огонь срубов палачей»[2].

Психология религиозного мученичества была присуща в прошлом многим религиозным учениям, включая христи-

[1] *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. Пер. с англ. А. Захарова. – М.: Московская школа политических исследований, 2002. – С. 81.*

[2] *Сергей Зеньковский. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. – М.: «Церковь», 1995. – С. 489.*

анство, и оказала большое влияние на становление Церкви в Европе как самостоятельного института, а затем ее обновление в виде появившихся реформаторских церквей. В условиях же России XVII века, эта психология, подавлявшаяся в первую очередь самодержавной властью, не только ослабила позиции Православной Церкви, но и сформировала в результате устойчивый тип радикала-кентавра (в котором соединились трагически государственное насилие и ненависть раскольника), далекого от понимания евангельских заветов.

Другой клубок противоречий, сыгравших не менее роковую роль в российской истории, относится к выбору Россией европейского пути развития.

Петр I, решив вести страну по пути прогресса, фактически завершил создание российского государства, основы которого были заложены московскими царями. Но каким образом это происходило? Согласно убеждению, что люди должны быть инициативны и при этом абсолютно покорны. Но возможно ли одновременно сочетать инициативу и покорность?

Ясно, что основным условием прогресса по-российски явилось лишь усиление бюрократического произвола и сохранение крепостничества. «Когда дело касается гласности, то отвергать все предрассудки или признавать их — это две крайности, равно опасные. Существуют национальные предрассудки, которые нужно уважать, предрассудки воспитания, с которым надо обращаться бережно, и предрассудки религии, которые должно поддерживать»[3], — считала Екатерина II, управляя Россией.

Однако по мере того, как петровская идея прорубания «окна в Европу» входила в сознание образованной части общества, это умонастроение стало подвергаться сомнению, все более отдаляя радикальных «реформаторов» от сторонников самодержавия. Поэтому вовсе не случайно после восстания декабристов и появления знаменитых писем Чаадаева (то есть из-за несостоявшегося Просвещения) в России произошел второй трагический раскол — теперь уже образованного общества — на «западников» и «славянофилов». И в стране появился еще один тип идейного радикала, который стал призывать народ к насильственному свержению существовавшей власти.

И, наконец, о самых глубоких, социально-экономических противоречиях, также не нашедших в свое время в силу названных причин положительного разрешения, связанных с отношением народа к собственности, которые привели сегодня нашу страну к новому социальному расколу.

Все сказанное имеет прямое отношение к проблемам природы российской власти.

Характеризуя власть, обычно говорят о власти авторитета, власти идеологии и «власти нагана», насилия, так как считается, что удержать или сохранить власть можно только с помощью силы. Что сила — это и есть власть. Между тем, очевидно, что становление институтов современной западной демократии было связано именно с переосмыслением понятия силы и ее эффективности в политике. И перед политическим классом России стоит задача не только осмысления культурных механизмов, благодаря которым названные противоречия могли бы быть направлены в позитивное русло, но и изменения самой природы и характера власти.

---

[3] *Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. – М.: «Орбита», 1989. – С.624.*

Проблемы борьбы с коррупцией в России*

Сергей Степашин,
Председатель Счетной палаты Российской Федерации

Я начну не с объективных, а с чисто субъективных причин. Ведь очень многое в таком явлении, как коррупция, кроется в психологии человека, которая формируется рядом обстоятельств: и семьей, и школой, и бытом, и образом жизни, то есть тем, в какой среде ты жил, работал и формировался. Когда я оканчивал школу в Ленинграде, наши войска вошли в Чехословакию. У нас полкласса тогда вышло из комсомола, потому что был непонятен смысл ввода войск. Мы видели разительный контраст между официальным морализаторством и реальной практикой. Такой разрыв подрывает систему моральных ценностей и подменяет ее другой, в которой не получить взятку, не украсть, не использовать служебное положение считается идиотизмом. Это одна из самых серьезных причин, порождающих коррупцию.

Следующая причина остроты проблемы — система законодательства. С точки зрения борьбы с коррупцией принципиально важны два аспекта. Во-первых, нужна серьезная ревизия всего существующего законодательства в экономической сфере в разных ее аспектах на предмет коррупционности. Сегодня очень часто Генеральному прокурору, министру внутренних дел, директору ФСБ задают вопрос: «А почему вы кого-то не посадили?». Ответ простой: самые сложные дела разваливаются в судах из-за огромных дыр в законодательстве, позволяющих, по сути, беспрепятственно разворовывать «народное достояние», как говорили в советские времена. Поэтому первая и главная задача именно эта. К ней приступили, есть соответствующие комиссии в Государственной Думе, пытается этим заниматься министерство юстиции, есть программа законопроектных работ, рассчитанная до 2005 года. Но это только начало.

Во-вторых, нужно резкое сокращение ограничений в экономике, ее дебюрократизация. В принципе, экономическая роль государства в нормальной, цивилизованной стране должна заключаться в двух вещах: в создании внятных, транспарентных правил поведения на рынке и в обеспечении соблюдения этих правил всеми, без исключения. Вот для чего нужно государство — все остальное от лукавого. Мы можем ввести множество контрольных институтов; можем, да простит меня Администрация Президента, поста-

* *Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 21 июля 2002 года.*

У нас вообще произошел очень большой разрыв между гражданским обществом и властью

вить еще каких-нибудь полномочных представителей над полномочными представителями. Но, чем больше чиновников, тем больше коррупции. Главное правило: как можно меньше возможностей для человека, наделенного властью, влиять на реальный экономический процесс.

Третье, что нужно для борьбы с коррупцией — проведение серьезной административной реформы, реформы государственной службы. Не сокращение или увеличение количества чиновников, и даже не увеличение их зарплаты — хотя это тоже очень важно, потому что премьер-министр у нас получает 300 долларов. Нет. Увеличение зарплаты — не панацея от всех бед. Серьезная реформа административного аппарата и государственной службы предполагает, что должны быть устранены лишние звенья, параллелизм. Должно быть сокращено поле влияния конкретных чиновников на экономику и политику. В целях проведения такой реформы по указанию президента создана специальная комиссия во главе с премьер-министром, но результатов пока мало. И понятно почему. Сам был министром и знаю, что если главе ведомства поручить самого себя реформировать, он первым делом докажет, что его министерство надо увеличить в два раза и повысить всем сотрудникам зарплату...

У нас вообще произошел очень большой разрыв между гражданским обществом и властью. Чиновники считают, что все, происходящее в Думе, в общественных организациях, движениях, в партиях, в СМИ — это несущественно, и только они сами знают, как решать проблемы. Может быть, у нас во власти, действительно, есть гениальные люди, которые могут поднять страну, как Дэн Сяопин Китай. Но мы не Китай, и Дэн Сяопина пока не видно. Поэтому очень важна подпитка власти общественными инициативами, как это работает в демократических государствах. Хотя там тоже есть проблемы (например, недавний скандал в США, когда в крупнейших фирмах были выявлены большие злоупотребления, которые покрывались авторитетными аудиторскими компаниями). Но не стоит у ближнего искать соринку в глазу, не замечая в своем бревна.

Хочу отметить еще одно явление, а точнее способы его подачи для публики. В 1998 году по инициативе России в Страсбурге был впервые проведен форум министров внутренних дел стран Совета Европы по теме: «Борьба с коррупцией и организованной преступностью». Ваш покорный слуга тогда был министром внутренних дел и выступал с основным докладом. Двое суток мы дискутировали, был откровенный разговор, приводились конкретные примеры. Надо сказать, что по линии МВД сейчас есть много форм сотрудничества, в том числе с Интерполом; Россия находится в едином правовом поле с Европой — мы ратифицировали конвенции о борьбе с коррупцией, об экстрадиции, об оказании друг другу правовой помощи. Но в конце этого семинара выступал представитель США, который стал приводить ошеломляющие цифры: «В России экономика на 80 процентов теневая, 90 процентов чиновников коррумпированы, 100 миллиардов долларов в год вывозится из страны»... После выступления я спросил: «Откуда такие цифры?», — и он сослался на «Независимую газету».

Речь ни в коем случае не идет об ограничении свободы средств массовой информации. Я искренне считаю установление свободы слова главным достижением Б.Н. Ельцина. Но, с другой стороны, никто не знает, например, откуда взялась цифра 40 миллиардов долларов, якобы ежегодно вывозимых из России. Никто не скажет, как эту цифру посчитали — ни Минфин, ни Минэкономики, ни Счет-

ная палата. Кто-то сболтнул, и цифра пошла. В этой связи, конечно, очень хотелось бы, чтобы СМИ формировали не искаженный, а реальный фон, который не исключительно негативен.

Приведу пример. Мы недавно закончили очень серьезную, почти годовую, полномасштабную проверку компании «ЮКОС». И выяснили, что «ЮКОС» сегодня — одна из немногих компаний, работающих по абсолютно прозрачным правилам. Они используют мировые методы бухгалтерского учета и аудита, они абсолютно транспарентны и четко заявляют: «Мы хотим работать с честным бизнесом и хотим, чтобы наш бизнес считали честным». Таких примеров сегодня все больше. Я надеюсь, что такой подход, в конечном счете, будет главенствующим. Тем более, для этого сегодня есть объективные причины.

Мы долгое время говорили о политической воле. Вот, дайте нам политическую волю, и у нас все получится в борьбе с преступностью. Я довольно хорошо знаю главу нашего государства, еще по своей прежней работе в Ленинграде. Мне кажется, что у него воля есть, и хотел бы пожелать ему, чтобы эта воля не иссякла, и принцип равноудаленности, который он объявил, касался всех без изъятия, вне зависимости от каких-то обязательств, личных симпатий и антипатий. И я надеюсь, его в этом поддержат и политическая элита, и все общество; все, кто действительно переживает за нашу страну.

Теперь коротко о том ведомстве, которое я представляю. Счетной палате Российской Федерации шесть лет. Ее аналоги сейчас действуют в 74 субъектах федерации (два года назад, когда я был избран председателем Палаты, они были только в 60 субъектах). Мы выстраиваем финансовую вертикаль — не за счет приобретения дополнительных полномочий, не за счет создания иных структур и дополнительного финансирования, а за счет создания системы контрольно-счетных органов России. В эту вертикаль мы теперь встраиваем и муниципалитеты. Никто не собирается подминать муниципалитеты под государственные органы. Есть Конституция, и менять ее не надо. Но нужна единая для всей страны система финансового контроля. Тем более, что большая часть

проблем решается как раз в муниципалитетах. Там врачи, там учителя, там недополучают зарплату. А посмотреть, что там происходит на самом деле, мы не могли, пока не стали (на добровольных началах) создавать финансовую вертикаль.

Счетная палата — один из инструментов гражданского общества, потому что: а) она предусмотрена Конституцией; б) главным организационным принципом ее построения является независимость.

Мы не парламентский орган, как многие считают, мы — орган государственного финансового контроля, который формируется парламентом и ему подотчетен. А свои функции мы выполняем, как независимый орган. Сейчас мы пытаемся провести ряд небольших поправок к закону о Счетной палате, но дополнительных полномочий не просим. Считаем, что имеющихся вполне достаточно.

Эффективно работать нам помогает серьезное активное взаимодействие с правоохранительными органами, особенно с Генеральной прокуратурой. В соответствии с соглашением между нами, в СП создано специальное подразделение, которое по наиболее важным, серьезным делам (например, по министерству путей сообщения) в оперативном режиме подключает сотрудников МВД и ФСБ, представителей Генпрокуратуры. Ведь милиционеру, каким бы он ни был прекрасным опером, и сотруднику ФСБ, и даже работнику налоговой полиции не хватает экономической грамотности, чтобы разобраться в хитросплетениях банковской, кредитно-финансовой системы. Для этого нужно иметь специальное образование, которое есть у наших сотрудников. Но у нас нет возможности заниматься оперативной работой. Получается прекрасный тандем! Правоохранительные органы, с их правом оперативно-розыскной деятельности и полномочиями на основе УК и УПК, — и финансово-экономическая экспертиза, которую проводят наши сотрудники.

Мы работаем открыто. Наш план работы обнародуется на год вперед. Организации, которые мы будем проверять, знают, что мы придем. Есть возможность не соглашаться с нашими выводами. Есть возможность с нами судиться. В прошлом году на нас подавали в суд десять раз, и мы все десять судов выиграли.

Вот почему я считаю, что Счетная палата как орган, контролирующий, но не карающий, работающий на той же «поляне», что и правоохранительные органы, но без давления через следственные изоляторы и вызовы на допрос — это очень важный инструмент гражданского общества.

Сегодня мы получили и международное признание: ваш покорный слуга избран президентом Европейской организации высших органов финансового контроля (ЕВРОСАИ). Мы договорились о серьезном взаимодействии с такой деликатной структурой, как FATF. Попутно замечу, что когда из «черного списка» этой организации вывели Израиль и Кипр, а нас оставили, это попахивало политикой. Ведь страны, где деньги отмывают, себя чувствуют совершенно спокойно. В России, кроме Калмыкии, оффшоров больше нет, они в других странах действуют. И не швейцарская ли банковская система породила переток туда «грязного капитала»? Об этом стали говорить только последние два-три года.

Мне хотелось бы, чтобы очень тонкая и тяжелая тема борьбы с отмыванием денег не была политизированной. И я рад, что сегодня и по линии Интерпола, и по линии специальных служб, и по линии органов финансового контроля мы работаем вместе. И политики в этом сотрудничестве нет, зато есть профессиональное понимание.

Счетная палата, на самом деле, старейший государственный институт в нашей стране. Фактически нам не шесть лет, а почти 350. В 1654 году царь Алексей Михайлович Романов издал Указ о создании Счетного приказа, в котором были замечательные слова: «Дабы казна Государева не разворовывалась». Так что, как видите, история органов финансового контроля в России имеет глубокие корни!

Обсуждение доклада

***Андрей Ильницкий**, заместитель генерального директора издательства «Вагриус», г. Москва.* – Предыдущую предвыборную кампанию Президент Путин вел с ресурсом победоносной войны в Чечне. У меня такое ощущение, что коррупция – это тот ресурс, который нам предъявят к 2004 году, причем предъявят именно как кампанию. Войну с коррупцией могут просто заболтать, превратить в некую кампанейщину.

***Сергей Степашин.* –** Я с постановкой вопроса согласен. Если помните, в свое время в «Литературной газете» была рубрика «Если бы директором был я». Так вот, если бы я (только поймите меня правильно) шел на выборы президента в 2004 году, то лозунг был бы: «Меньше бедных, больше социальных гарантий!». Ведь 40 процентов людей живут у нас за чертой бедности. Это основание и для коррупции, и для левоэкстремистских партий, и для русского национализма, более страшного, чем фашизм. А насчет того, что мы можем перепутать причину со следствием, я с вами согласен. Очень рассчитываю и очень надеюсь, что глава государства, который сам прошел правоохранительные органы, тоже это понимает. У нас все меньше и меньше остается пожилых людей, у которых мы отобрали все, что можно было отобрать у людей: доверие, идеологию, историю и деньги. Давайте мы им поможем, чтобы собственная совесть была чиста.

***Сергей Фадеев**, депутат городской Думы, г. Калуга.* – Лично я не верю, что коррупцию в России можно победить путем убеждений, воспитания и так далее. Что мешает нам ужесточить контроль над доходами чиновников?

***Леонид Телелейко**, депутат Законодательного собрания Краснодарского края, г. Сочи.* — Юридического понятия коррупции в российском законодательстве не существует. На ваш взгляд, когда и при каких обстоятельствах Государственная Дума сможет сформулировать понятие, которое даст возможность правоохранительным органам, институтам государства бороться с этим страшным, разъедающим страну явлением?

***Сергей Степашин.* –** По первому вопросу: с законодательным введением декларации о доходах сегодня напрямую взятки уже не берут. Есть иные формы получения завуалированных взяток. Я согласен: надо сажать, надо наказывать. И все же, мы никогда не победим коррупцию даже с помощью самых жестких и жестоких мер, если будет существовать соответствующая питательная среда. Ведь прежде, чем бороться с явлением, надо понять, что это за явление и почему оно возникло. Вот когда чиновник не будет обременен возможностью получать взятки, когда мы сможем через Интернет решать все вопросы, а не ходить к чиновнику в паспортно-визовую службу просить чего-то – только после этого мы сможем победить коррупцию. Иосиф Виссарионович расстреливал одних, потом расстреливал тех, кто расстреливал, а коррупцию он не победил.

Что касается юридического понятия. Понятие коррупции есть: это возможность использовать свое должностное положение для обогащения. У нас в принципе есть законодательная база, которая позволяет бороться с коррупцией. Хотя закон «О коррупции», наверное, нужен. Но закон, не получивший развития в статьях Уголовного

Кодекса и в правоприменительной практике, бесполезен, это декларация.

Раиса Мартынова, *депутат городского Совета, г. Брянск.* – Вот уже в течение двух лет в нашей области витает ожидание, что приедет Счетная палата, посчитает все у нас и всем сестрам раздаст по серьгам. В частности, ходят слухи, что на нашего губернатора есть очень большое досье. Но приезжала дама из Счетной палаты, посчитала, оказалось – все хорошо. Так вот, будут ли показательные «разборки» с некоторыми губернаторами в России, дабы другим неповадно было самоуправствовать?

Сергей Степашин. – Счетная палата России ограничена в своих полномочиях, мы можем проверять только федеральные средства, мы не можем вторгаться в местный бюджет. Я бы, конечно, это дело поправил. Да, должна быть экономическая самостоятельность в губерниях, но что касается финансов, я бы дал нашему органу право проверять всю финансовую вертикаль. Ничего в этом плохого нет. Если мы ошибаемся, то нас можно поправить. Если ты честный человек, то ты не должен бояться. Кстати, хороший, сильный бизнесмен специально нанимает аудиторскую компанию, чтобы она его проверила и поставила лейбл: здесь все хорошо, можно работать.

Максим Тебелев, *депутат городской Думы, г. Пермь.* – У нас с каждым годом все могущественней становится ведомство, которое называется МЧС. Контролируются ли как-то его расходы?

Сергей. Степашин. – Я бы по-другому поставил вопрос. Не дело, когда Сергей Шойгу вынужден заниматься трубами, канализацией и всем остальным, за это надо снять штаны с местного руководителя и выдрать его, как следует. С другой стороны, не дело везти в Ленск из Индии унитазы, а из Италии теплые домики, которые стали холодными через 20 минут якутской зимы. Мы проверяем МЧС, и это одно из наиболее эффективно работающих ведомств.

Есть другая тема: Юг, а до этого Ленск показал, что намного дороже спасать, чем не допустить. У нас отсутствует профилактика, мы абсолютно не знаем, что и как у нас будет действовать. Очень плохо работают элементы гражданской обороны в стране, а они находятся, кстати, в ведении губернаторов.

Алексей Козьмин, *депутат Законодательного Собрания Иркутской области.* – В начале 90-х годов очень большие суммы выделялись из федерального бюджета на модернизацию или реконструкцию предприятий, и в большинстве своем эти средства либо были потрачены не по назначению, либо попросту разворованы. После этого предприятия обанкротились, на многие из них пришли новые собственники, вложившие свои средства, чтобы их поднять. А Минфин теперь пытается вернуть деньги, ища правопреемственность между новыми собственниками и старыми директорами, которые растратили деньги. Каково ваше отношение к этой проблеме?

Сергей Степашин. – Нужно, как говорит Владимир Владимирович, отделить мух от котлет. Вы правы в том, что очень многие предприятия были обанкрочены, и при этом исчезло достаточно новое оборудование, все утащили, оставили стены и выброшенных на улицу рабочих. Пришел новый менеджер, начал вкладывать деньги, а с него пытаются взыскать старые долги. У нас такие примеры были по «Норильскому никелю», когда Счетная палата проверяла его в 1999 году. Считаю, что сие недопустимо. Прошла приватизация, хватит к этому вопросу возвращаться. Если мы сейчас снова начнем ворошить 1991–1993 годы, мы так и будем без конца разбираться: кто у кого утащил, кто в чем виноват. Хотя, конечно, за явное жульничество надо наказывать, но надо же и смотреть вперед. Надо поддержи-

вать нормальный менеджмент и нормального собственника.

Ирина Лукьянова, *редактор телекомпании «СКАТ», г. Самара.* — Пожалуйста, прокомментируйте роль Генеральной прокуратуры в расследовании антикоррупционных дел. Насколько я знаю, есть антикоррупционные дела, которые рассыпаются именно на стадии проверки Генпрокуратурой. И второй вопрос. Кроме Счетной палаты, какие вы видите еще инструменты гражданского общества для того, чтобы противодействовать коррупции сегодня?

Сергей Степашин. — Начну с последнего — с инструментов. Во-первых, представительная власть, хотя она и в зачаточном виде. Депутата избрали, чтобы он что-то говорил — и он должен говорить, мутить воду, ничего в этом зазорного нет. Поэтому этот институт надо задействовать более активно. Второе — это вы, журналисты. Это, на самом деле, сильнейшее оружие, которым только пользоваться надо аккуратно, не как это делал Сергей Доренко и подобные ему в период избирательной кампании 1999 года. И третье — общественный контроль над правоохранительными органами. Я вспоминаю наш Верховный Совет (хоть он закончил плохо в 1993 году в силу разных обстоятельств), в котором я возглавлял комиссию по законности и правопорядку. У нас были огромные полномочия. Мы могли вызвать любого министра по любому факту, принимали непосредственное участие в назначении чиновников в правоохранительные органы, у нас работала постоянная комиссия по проверке правоохранительных органов. Мне кажется, в этом и состоит одна из функций гражданского общества. Ну и, естественно, сама правовая реформа, которая сейчас началась в нашей стране. Она многим не нравится, она тяжело идет. Но я Дмитрия Козака поддерживаю двумя руками. Слава Богу, он прорубает, как ледокол во льду, нашу сталинскую правоохранительную систему.

Что касается прокуратуры. Мне есть с чем сравнивать, я разных прокуроров помню. Я все-таки считаю, что Устинов старается сделать больше, чем его предшественники. Но надо иметь в виду, что очень сложно довести наиболее тонкие экономические дела до суда.

Роман Кузьмичев, *председатель городской Контрольно-счетной палаты, г. Калуга.* – Не только чиновничество связано участием в общей коррупции, но и в обществе, по большому счету, существует та же самая психология. Я убежден, что большая часть общества тоже считает, что только дураки, придя во власть, не принимают участия в коррупции. Соответственно, СМИ, которые должны обсуждать эту проблему, не оценивают ее с точки зрения отношений общества и власти. Я в Интернете регулярно читаю рейтинги и вижу, что вместо того, чтобы оценивать публичных политиков с позиции отношения к ним общества, оцениваются в основном чиновники по уровню влияния на мнение Кремля. Поэтому, на мой взгляд, нужно, чтобы публичные политики — депутаты Государственной Думы, Президент — в кратчайшие сроки сформировали свое отношение к принципам построения института финансового контроля. Как вы думаете, насколько реально, ну хотя бы за полтора-два года, принять федеральный закон об общих принципах внешнего финансового контроля? Меня больше всего волнует муниципальный уровень, потому что у нас, даже в местах скопления государственного и муниципального капитала и имущества, в большинстве случаев нет счетных палат.

Сергей Степашин. – Комментировать комментарии не буду, я со многими оценками согласен. А что касается закона, он есть в Думе. Принимать его надо, абсолютно в этом убежден. Оппонент, к сожалению, правительство: они считают, что мы посягаем на них. Пересилить мы сможем только при одном условии — если поддержит Вла-

димир Путин. Сегодня у нас президентская страна, где влияние главы государства очень сильно. Владимир Владимирович, как мне кажется, должен нас поддержать. Это нужно сделать, кстати, и для самого Минфина. Это нужно сделать для страны, для тех, кто заинтересован в том, чтобы деньги действительно не разворовывались. У нас не такой уж большой бюджет, чтобы его растаскивать.

***Ирина Яровая**, депутат Камчатского областного Совета, г. Петропавловск.* – Вам, как никому другому, хорошо известно и понятно, что многие должностные лица в силовых структурах сами являются активными участниками коррупционного процесса. Более того, чем коррумпированнее должностное лицо, тем успешнее его карьера. Приведу пример, наш представительный орган обращался к Устинову с информацией на нашего областного прокурора. Поступил ответ, что эта информация будет учтена при дальнейшей кадровой работе. Как известно, нашего прокурора сделали после этого прокурором округа. То есть информация была учтена! Как вы полагаете, насколько сегодня сами должностные лица и силовые структуры готовы к борьбе с коррупцией?

Сергей Степашин. – Спасибо за вопрос, я с Устиновым лично переговорю. Если это так, то это безобразие! Что касается вопроса о зараженности коррупцией правоохранительных органов, Вы частично сами на него ответили. Армия, правоохранительные органы, Дума, другие политические и иные институты есть слепок, отражение того общества, в котором мы живем. Поэтому в процентном отношении в любой структуре мздоимцев, подонков и мерзавцев примерно одинаковое количество. Это факт, и от него уходить нельзя.

В Бирме, например, до последнего времени армия и правоохранительные органы вообще зарплаты не получали. Им была поставлена задача: «Тебе надели погоны — и зарабатывай». Если мы хотим так поступить и с нашими правоохранительными органами, то у нас впереди очень большие успехи. Сержант ГАИ, который получает 800 или 1200 рублей в месяц, может столько заработать за пять секунд одним взмахом жезла...

***Пилар Боннет**, корреспондент газеты El Pais, Испания.* – Вы затронули очень много тем, и есть над чем поразмышлять. Например, о разрыве между народом и властью, об ответственности за прошлое, об опасности национализма. Я специально говорю об этом, потому что мой вопрос философского характера, но он реальный. Можете ответить на него обтекаемо, абстрактно или конкретно, как хотите. Как гражданин, ду-

маете ли вы, что помимо всех практических шагов, которые необходимы, чтобы создать в России гражданское общество, нужен символический жест со стороны власти. Жест, который покажет, что она готова разорвать с практикой прошедшего десятилетия? Что она готова растопить черный айсберг, в котором соединились бизнес и политическая власть?

Сергей Степашин. **–** Частично это уже сделано на практике. Иных уж нет, а те далече, некоторые в бегах. Многим это может не понравится. Я просто вспоминаю слова, которые мне сказал Борис Абрамович Березовский на следующий день после моей отставки: «Интеллигентный человек в очках никогда в нашей стране президентом не будет». Почему Березовский решает, кто должен быть президентом? Видимо, дело не в самом Березовском – дело в системе. При этом, поставив себя на место президента Путина, я был бы сдержан и аккуратен в том, чтобы одним махом отбросить минувшие десять лет. И потому, что мы сами были в политике и тоже несем долю ответственности, и потому, что объективная оценка может быть дана только по прошествии определенного времени. Испания ведь тоже очень аккуратно подошла к этому вопросу, когда Франко ушел из жизни. Связь с прежним режимом не помешала королю Испании стать гарантом Конституции, объединителем испанского народа, чтобы двигать демократические, экономические и политические реформы.

Мы столько раз в истории нашей страны переворачивали и отбрасывали прошлое! Сначала расстреляли царскую семью, потом уничтожили в годы гражданской войны 14 миллионов своих сограждан – почти столько же, сколько погибло на фронтах второй мировой войны, потом облили грязью все, что было при советской власти. Теперь давайте обливать грязью все, что было при Ельцине. А где вы были раньше? Когда я шел на выборы в 1999 году, мне говорили: «Степашин, скажите, что Ельцин негодяй, и вы получите стопроцентный рейтинг в Ленинграде». Я отвечал: «Никогда так не скажу! Я с ним работал вместе. Если бы я так думал, я должен был говорить ему это в глаза, когда он был президентом, а я директором ФСБ или министром внутренних дел». Это и есть элемент гражданского общества и политической культуры.

Хотя, конечно, от подонков, мерзавцев нужно освобождаться, я с вами полностью согласен. И мне бы очень хотелось, чтобы уже в 2004 году, на выборах Владимира Владимировича Путина не потребовалось то, что потребовалось в 1996 году на выборах Бориса Николаевича Ельцина.

Заметки с семинара

Юрий Гиренко,
заместитель главного редактора журнала «Общая тетрадь»

Второй федеральный семинар в подмосковном Голицыне, проходящий ежегодно в конце июля, всегда вызов. Надо сохранить и усилить впечатление, оставленное первым, майским семинаром, чтобы достаточно случайное собрание очень разных людей действительно стало очередным «федеральным классом» Школы.

В юбилейном десятом сезоне 2002 года задача была еще сложнее: майский семинар удался на славу, не в последнюю очередь благодаря участию в нем комиссара Европейского союза Кристофера Паттена и президента Галисии Мануэля Фраги. Усилить впечатление, оставленное этими известными европейскими политиками, казалось почти невозможным.

Решение, однако, всегда находится — если его искать. На семинарах Школы слушатели высказывают обычно два пожелания: чтобы среди экспертов было больше отечественных практиков первой величины (политиков, предпринимателей, чиновников) и чтобы на сессиях было больше дискуссий, столкновения мнений.

Тональность семинару задал Сергей Степашин, осветивший проблемы борьбы с коррупцией не только с позиций главы высшего контрольного органа страны, но и с высоты государственных постов, на которых ему пришлось трудиться в качестве председателя парламентского комитета по обороне и безопасности, директора ФСБ, министра внутренних дел, премьер-министра.

Что же до дискуссионности, то здесь пионерами стали ведущие болгарские политики Сергей Станишев и Надежда Михайлова. Лидеры противоборствующих политических сил — Социалистической партии и «Союза демократических сил» сошлись в очном диалоге, временами исключительно остром, продемонстрировав разные, подчас полярные подходы к основным проблемам развития своей страны. В советские времена бытовала пословица «курица — не птица, Болгария — не заграница». То, что мы увидели и услышали в воскресный вечер 21 июля, со всей очевидностью показало: пословица безнадежно устарела. Болгария в сфере политической культуры ушла вперед. Трудно представить себе лидеров российских партий, даже идейно близких, которые были бы способны вести столь корректный и содержательный диалог, как молодые болгарские лидеры...

Дискуссии российских политиков разворачивались в заочном режиме. Сначала выступил лидер «Союза правых сил» Борис Немцов, который весьма образно, хотя и не совсем внятно, изложил свое видение грядущего единения либеральных сил. Затем — на следующий день — лидер «Яблока» Григорий Явлинский, по обыкновению обстоятельно и неопровержимо доказавший полную невозможность такого единения. При этом содержательные расхождения обеих либеральных партий так и остались неясны — хотя публика очень ста-

ралась их выяснить. Сессия Явлинского, например, продолжалась четыре часа и закончилась заполночь...

Не менее острым был и заочный диалог двух лидеров российского бизнеса — Михаила Ходорковского и Кахи Бендукидзе. Предметом обсуждения в данном случае была проблема социальной ответственности. Тезис Ходорковского о том, что можно и чего нельзя (а точнее, опасно) требовать от крупного бизнеса, по существу, не противоречил позиции Бендукидзе, который настаивал на профессиональном ведении бизнеса и критиковал привычку руководителей крупных корпораций быть благотворителями за чужой счет (то есть за счет акционеров). Но контраст между корректным технократизмом председателя правления «ЮКОСа» и иронией гендиректора «Уралмашзаводов» был настолько очевиден, что их выступления были восприняты почти как антагонистические.

Очные и заочные диалоги иногда оказывались не дискуссионными, а взаимодополняющими. Так получилось с выступлениями Сергея Алексашенко и Владимира Рыжкова. Бывший зампред правления Центробанка (ныне — заместитель главы компании «Интеррос») в своем экономическом анализе был не менее критичен в отношении действующего правительства, чем депутат Госдумы — в своем политическом анализе существующего режима. Надо сказать, что этот их пафос был воспринят не всеми участниками семинара, но силу аргументов и твердость позиций нельзя было не оценить. Если учесть, что критический дух — неотъемлемая черта Школы, и он присутствует на каждом ее семинаре.

На фоне глубокого проникновения во внутрироссийскую проблематику по-особому зазвучали и внешнеполитические сюжеты, когда на семинаре выступил посол США Александр Вершбоу. Как и три его предшественника на этом посту, новый американский посол вошел в число ведущих экспертов Школы. Его доклад был осторожен в оценках (сам посол оговорился, что задача дипломата семь раз подумать, прежде чем ничего не сказать), но при этом содержал обширную информацию и внятное изложение позиции государства, представляемого достопочтенным докладчиком.

Дипломатическую осторожность компенсировали эксперты, не отягощенные официальными державными статусами. Например, редактор международного геополитического журнала «Limes» Лучо Караччоло с его итальянским темпераментом, журналистской парадоксальностью и аналитическим бесстрашием. Или британский профессор Кристофер Коукер, как никто умеющий держать глаза открытыми, исследуя противоречия мировой политики. И особенно — сэр Майкл Ховард, классик современной западной политологии, авторитетнейший специалист по геополитике и военной истории.

Сэр Майкл приехал в Голицыно не только для выступления, но и для презентации своей книги «Изобретение мира», изданной в новой школьной серии «Своевременная мысль». Малоформатная брошюра в сто с небольшим страниц дает краткий, но емкий обзор военно-политической истории Европы и показывает, как западная цивилизация через столетия военных конфликтов дозревала до политики мира, и насколько такая политика уязвима. Спокойная мудрость профессора Ховарда оказалась как нельзя кстати при завершении семинара.

Хотя это было не совсем завершение: сразу после закрытия в Голицыне начал работу семинар Просветительского центра, учрежденного Школой и фондом «Открытая Россия». Это новый проект для выпускников Школы, он основывается на единых со Школой принципах, но в значительной мере меняет привычный формат существующего голицынского семинара.

Впрочем, это уже совсем другая история...

Тема этого номера – пути России. Россия – не только страна, но и многогранное историческое, культурное, политическое явление. Неисправимая империя или становящаяся демократия? Европейская нация или самобытная цивилизация? «Общая тетрадь» представляет четыре взгляда на Россию: два британских историка и два российских аналитика с разных сторон рассматривают ее прошлое, настоящее и будущее.

Джеффри Хоскинг, профессор Лондонского университета (Великобритания)

Россия как нация

Начну с заявления: на наших глазах впервые создается Россия. Раньше существовали Советский Союз, Российская империя, Московская Русь, Киевская Русь, но России как нации и национального государства не было. Премьер-министр царской России Сергей Юльевич Витте как-то сказал в начале XX века: «К сожалению, наши правые политические деятели не понимают, что России нет, есть Российская империя, а это – совсем другое». Он считал, что русский национализм и русская нация для Российской империи противопоказаны.

О нации много спорят в социальных науках. При этом в качестве определяющих ее критериев называют общий язык, общую историю, традиции, единую территорию, экономику. Но можно, на мой взгляд, дать и другое определение, объединяющее эти критерии: нация – это большая общность людей, разделяющих *чувство общей судьбы*. Судьба, как известно, может быть разной, но именно она связывает людей.

Другими словами, нация имеет два аспекта. Во-первых, этнический, включающий язык, культуру, общую историю, обычаи, одежду народа, то есть – все то, что позволяет людям общаться и понимать друг друга. И второй аспект гражданский, когда члены нации участвуют в политической жизни страны через представительные органы власти, суды, профсоюзы, общества по интересам, благотворительные ассоциации и т.д.

Россия в настоящее время, как я сказал, только становится нацией и национальным государством, но в своеобразных условиях, порожденных ее историей. У нее есть национальное ядро – Московская Русь, в которой было довольно развитое национальное чувство, сформированное борьбой с татаро-монгольским игом и основанное на призванности Богом к сохранению правильной христианской веры, то есть православия. После падения Византийской империи Московская Русь была единственным православным государством, когда считалось, что Москва призвана Богом хранить православие и распространять его по всему миру. Именно к этому сводилось учение «Москва – Третий Рим», которое проповедовалось с амвонов русских церквей. Таким образом, русское национальное сознание всегда тяготело к универсальным целям, что, по-моему, очень важно с точки зрения будущего страны, хотя это и не уникальный случай в истории Европы. Каждая крупная европейская нация тоже в какой-то период своей истории имела мессианские цели, но со временем по тем или иным причинам была вынуждена от

них отказываться без утраты национального чувства.

Русское же национальное чувство в течение веков ослаблялось, прежде всего, по геополитическим причинам. Русь находилась на огромной территории, открытой для нападения, в пределах которой государство могло существовать или как империя, или как небольшое княжество, входящее в состав империи. Русь стала Россией — великой евразийской империей, покрывающей огромные пространства и включающей в себя разнообразные народы и религии. Но чтобы остаться империей, она должна была стать и великой европейской державой. Учитывая, что на западных границах России нет гор, которые ограждали бы ее от возможных нападений, как, например, Пиренеи ограждали когда-то Испанскую империю. Россия же могла защитить свои владения от агрессии с запада только будучи сильной державой в дипломатическом, военном и в экономическом смысле слова. И она эффективно справилась с этой задачей, став одновременно большой империей и великой европейской державой, но ценой ослабления потенциальной нации.

То есть, я хочу тем самым сказать, что создание Российской империи на самом деле препятствовало становлению русской нации. И в этой же связи отмечу два момента.

Во-первых, чтобы стать европейской державой, Россия должна была освоить европейскую культуру. Чтобы участвовать в европейской дипломатии, европейской экономической жизни, чтобы иметь хорошую армию, российской элите нужно было находиться на уровне достижений европейской культуры — науки, техники, светского образования. Но поскольку культура российской элиты была привнесена извне, произошел разрыв между высокой и народной культурой, и это отразилось на этническом единстве русского народа.

Во-вторых, православие, ядро русского национального чувства, также перестало быть объединяющим фактором. В российской империи было много разных народов и верований, и, чтобы реформировать церковь для потребностей имперского государства, цари ее ослабили. Сначала церковь раскололи, потом лишили собственного главы и собственного правления — патриарха и поместного собора, — потом реквизировали ее земельные владения. В результате в XVIII–XIX веках Православная Церковь не обладала ни политической, ни экономической независимостью и не могла играть роль посредника между образованной частью общества и народом, как это происходило в других европейских странах.

Если и была сила, которая формировала в России нацию, то ее представляли великие писатели и деятели русской культуры XIX века — Пушкин, Толстой, Достоевский, Мусоргский, Репин. Именно они, каждый по-своему, стремились к преодолению указанного разрыва и воссоединению народа и элиты. То есть русское национальное самосознание в начале XX века носило скорее культурный, а не политический характер.

И поэтому же вплоть до революции Россия оставалась этнически расколотой и одновременно недоразвитой страной в гражданском отношении. Когда в 1917 году, в разгар первой мировой войны, в двух европейских армиях — русской и французской — вспыхнули бунты, то исход их не случайно был разным. Во Франции главнокомандующему армией генералу Петену удалось тогда убедить солдат вернуться в окопы, чтобы защищать Отечество против немецкого милитаризма, потому что они почувствовали себя гражданами Республики. Российскому же главнокомандующему Корнилову убедить солдат в том, что Временное правительство и Государственная Дума действительно представляют их интересы, — не удалось. Русские солдаты покинули окопы, так как их больше волновали вопросы перераспределения земли и власти на местах. Они не ощущали себя гражданами своей нации.

Создание Российской империи на самом деле препятствовало становлению русской нации

* * *

Как повлиял на складывание нации Советский Союз? На первый взгляд, он ничего не делал для развития русского национального самосозна-

Дэниел Бурен. Внутренняя сторона. 1971

ния. Ведь советские руководители стремились, прежде всего, к тому, чтобы создать мировое пролетарское государство, и в РСФСР, как известно, не было даже своей Коммунистической партии, в отличие от других союзных республик. Проводилась сознательная политика «коренизации», когда в нерусских регионах страны на руководящие посты выдвигались местные кадры, что давало национальным культурам возможность развиваться. В результате этого начальное и среднее образование во всех республиках осуществлялось на местных языках. И, например, русским, живущим на Украине, приходилось посылать детей в школы, где преподавание велось на украинском языке. Можно сказать, что советское государство стремилось таким образом деконструировать русскую сущность унаследованной империи и создать вместо нее нерусское, а в некоторых отношениях даже антирусское государственное образование.

Хотя в то же время Советский Союз сделал немало и для сохранения русского национального чувства, так как была ликвидирована неграмотность. И в РСФСР подавляющее большинство населения научилось не только понимать русский литературный язык, но читать и писать на родном языке. Благодаря развитию среднего и высшего образования распространились знания о русской истории, литературе, географии среди широких слоев населения, стимулируя научные поиски и исследования, необходимые для становления гражданского общества. Нельзя сказать, что советское правительство действительно стремилось к этому, но по-своему оно справилось с проблемой. И во-вторых, была введена система всеобщего социального обеспечения, предоставившая населению минимальные блага в области здравоохранения, образования, жилья и так далее. Таким образом, все граждане были материально заинтересованы в сохранении системы. Это и было началом чувства общей судьбы, складывания *пассивного гражданства*.

Особенно же русское национальное самосознание пробудилось и окрепло во время второй мировой войны. Война оказалась не такой, как представляли советские теоретики. Считалось, что если она начнется, то перерастет в классовую войну мирового пролетариата против международного капитала, будет сравнительно недолгой и, скорее всего, вестись на чужой территории. Произошло же не совсем так. Война шла, прежде всего, на советской территории, была крайне кровопролитной и национальной, а не классовой. В результате во время войны возродились некоторые элементы народной этнической жизни.

Например, Православная церковь. До войны советские руководители сделали все возможное, чтобы ее уничтожить, доведя до последнего издыхания. Во время войны были восстановлены многие приходы, церковное управление, патриаршество. Впрочем, Церковь не могла вести полнокровную религиозную жизнь. Допускалось богослужение по воскресеньям, но не было крестных ходов, была запрещена благотворительная деятельность, не разрешалось даже звонить в колокола, не говоря уже об изучении Библии. То есть Церковь не существовала как социальный, гражданский институт. Колхозы же, напротив, были ослаблены войной, крестьяне начали заниматься личным хозяйством, но это была временная уступка. После войны колхозы были восстановлены, и крестьяне, почувствовавшие вкус к ведению собственного хозяйства, попали в прежнюю зависимость.

Любовь между мужчиной и женщиной часто описывалась в советских романах 30-х годов, но только как своеобразный пролог к семейной жизни, подчиненной задачам строительства социализма. Во время войны семейная жизнь также приобрела самостоятельную ценность. Советские солдаты защищали от врага нормальный быт, любовь, семью, дом.

Возрождение этнических элементов русской жизни лучше всего отразил Александр Твардовский в «Книге про бойца» («Василий Теркин»). На мой взгляд, это не советская, а именно русская книга. Речь в ней идет о простом крестьянине, не передовом человеке, в ней не упоминается даже Сталин. Россия и Советский Союз подаются как большая семья, скорее деревенская, чем городская. Однако после войны советское руководство сделало все, чтобы подорвать это вновь обретенное национальное чувство. В 1945 году Сталин назвал русский народ «старшим братом», который вел другие народности Советского Союза к победе, а теперь ведет к восстановлению социалистического народного хозяй-

ства. При этом отношение к некоторым народам было крайне жестоким. Например, присоединив к СССР в 1939–1945 годах новые западные территории, советский режим по уже существующему образцу разрушил в них прежние формы жизни, а тех, кто сопротивлялся этому — уничтожал или высылал в Сибирь и в другие регионы страны. Таким образом, была произведена депортация целых народов.

В результате — в стратегически чувствительных приграничных районах Советского Союза — возникло озлобление против советской власти, направленное, в первую очередь, против русских. Ведь эстонец или западный украинец не видел различия между Россией и Советским Союзом! Многонациональное советское государство было ослаблено именно тогда. Правящая партия большевиков распространила свою монополию на всю культурную и политическую жизнь страны, стремясь к политическим целям, чуждым большинству населения. В конце концов, именно послевоенные ошибки советского правительства привели к распаду СССР.

* * *

В последние десятилетия существования Советского Союза возродилась интеллигенция, которая играла очень важную роль в российской культуре XIX века.

Именно интеллигенция формировала в свое время русское национальное сознание, и в указанные десятилетия она вновь возродила традицию гражданского просвещения в стране, которым не занимались ни КПСС, ни советская образовательная система, ни советские средства массовой информации и печати. Возьмем, например, Союз советских писателей. Он был создан в 30-е годы, чтобы обеспечить партии возможность с помощью второстепенных писателей управлять литературой. Но в послесталинский период, когда кончился террор, ситуация стала меняться. Сошлюсь опять же на Твардовского, но уже в качестве главного редактора ведущего журнала Союза писателей «Новый мир». Твардовский возродил традиции «толстого журнала» XIX века, занимавшегося гражданским просвещением русского населения. Оставаясь вполне лояльным советской власти (он был членом Центрального Комитета КПСС), Твардовский по-своему толковал официальные догмы социалистического реализма. Смысл социализма он воспринимал с позиций человека, обладающего нормальными естественными потребностями, а реализм, как реалистическое описание повседневной жизни людей. Поэтому он охотно публиковал на страницах журнала произведения о судьбах русского крестьянства и был своего рода покровителем нового течения в литературе — «деревенской прозы», которая сыграла значительную роль в возрождении русского этнического чувства. Это чувство было не *анти*советским, а *не*советским.

При Твардовском в «Новом мире» печатался А.И. Солженицын, другие известные писатели. И тогда же возникло движение правозащитников. В частности, во время суда над писателями Андреем Синявским (который тоже был автором «Нового мира») и Юлием Даниэлем в 1966 году в записи Александра Гинзбурга появились материалы этого процесса, которые стали распространяться в виде «самиздата»[1]. Появился журнал «Хроника текущих событий», в котором ничего не говорилось о политических убеждениях его издателей, но фиксировались факты нарушения советской властью собственной Конституции. В «самиздате» выходили также художественные, исторические и другие произведения. Так зарождалось «теневое» гражданское общество, на развитие которого оказывали большое влияние в том числе и выдающиеся ученые (П.Л. Капица, А.Д. Сахаров). Даже верхи КПСС были заражены их идеями.

Так что к концу горбачевской «перестройки» в этническом отношении русская нация уже сложилась: русские люди знали, кто они; знали свою историю, свои традиции. Возникло этническое чувство общей судьбы, особенно ярко это проявилось на заседаниях Верховного Совета РСФСР на рубеже 90-х годов. Однако в последующие годы непродуманные экономические реформы подорвали этот процесс и ослабили хрупкое гражданское общество.

Но русская гражданская традиция не исчезла, и я уверен, что она будет развиваться наряду с процессом формирования полнокровной русской нации.

---

[1] *А. Синявский и Ю. Даниэль были осуждены за публикацию своих произведений за рубежом. – Прим. ред.*

Россия как империя

Доминик Ливен, профессор Лондонской школы экономики и политики

В современном мире понятие империи ассоциируется обычно с историей западноевропейских морских империй – английской, французской, голландской.

Давая классовое определение империализма (слово производное от понятия империи), Ленин в свое время также имел в виду европейские нации-империи, которые, с его точки зрения, не имели ничего общего с сухопутными империями, существовавшими в древности. Именно это определение империализма и отношение к нему после десятилетий идеологической борьбы в годы холодной войны, остаются самой острой проблемой современной мировой политики. Учитывая постоянно растущий разрыв в силе и богатстве между странами промышленно-развитого мира и развивающимися, отсталыми странами.

Однако и до появления западноевропейских колониальных империй существовало большое разнообразие типов империи – от великой китайской бюрократической имперской традиции, мусульманских и кочевых империй – до феодальных империй, типа Габсбургской. В отличие от колониальных все они также обладали определенной спецификой. Это были сухопутные империи, которые управлялись абсолютными монархами, имели, как правило, наследственную аристократию и опирались в своей экспансии на универсальные ценности религиозного или этического характера. Российский же и советский империализм интересен как раз тем, что он наследовал фактически обе эти традиции: традицию, если угодно, ленинского подхода к империализму и монархическую, сухопутную имперскую традицию, связанную с универсальной религией. Причем последнее обстоятельство более очевидно и для царской России с ее византийским наследием, и для Советского Союза, основанного на столь же привлекательной, как оказалось, современной системе квазирелигиозной идеологии.

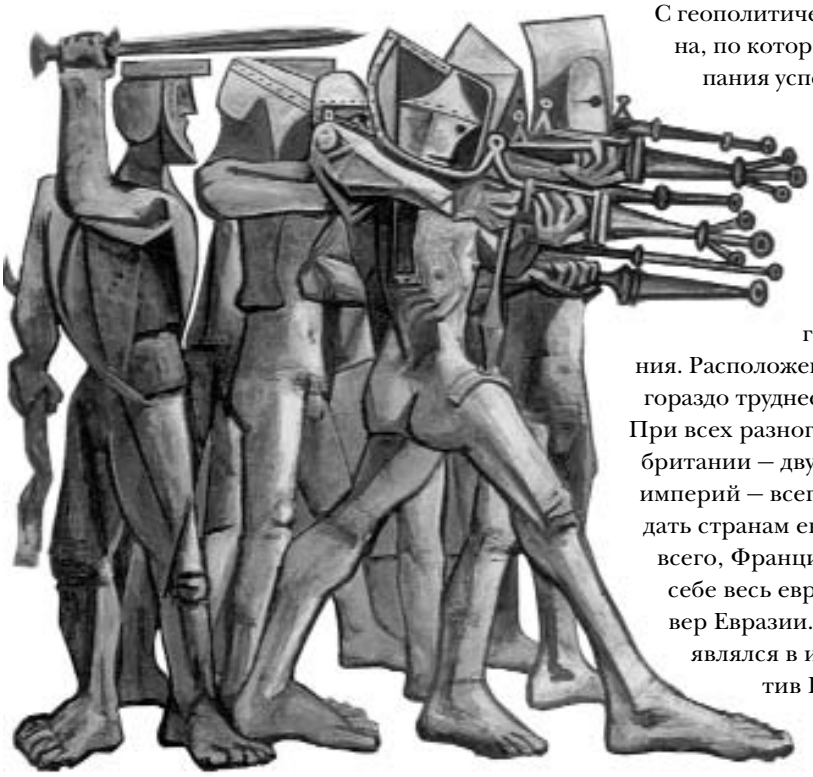
Тогда как сравнение России с западными империями не так очевидно, хотя не менее важно, если иметь в виду, что российский империализм был продолжением европейской экспансии, а крушение Советского Союза означало фактически уменьшение Европы. Это можно увидеть, обратившись, например, к демографическим показателям. Население Европы значительно выросло по отношению к остальному миру в XVI–XIX веках и заметно сократилось во второй половине XX-го.

Расширение России от небольшого ядра вокруг Москвы до второго по размерам государства мира в XIX веке диктовало развитие промышленности, управления, армии по образцам, которые заимствовались из Европы. Без этих «мускулов» Россия не смогла бы вырасти до своих огромных размеров. Идеология царской империи также была близка в свое время к европейской. Она основывалась на общих геополитических принципах, разделявшихся другими европейскими державами, и тоже выражала твердое убеждение в своей цивилизаторской миссии.

С этой точки зрения Советский Союз, казалось бы, отличался от царской России, но только на первый взгляд. Ибо то, что происходило в СССР, подчинялось, по существу, прежней логике модернизации и европеизации, которая была характерна и для Французской, и для Британской империй. Для оправдания экспансии, как в одном, так и в другом случае использовались одинаковые идеологемы и приводились сходные аргументы.

В частности, британские либеральные идеологи XIX века (самый известный из них Томас Маколей) мечтали превратить всех индийцев в современных европейцев. Они верили в единую, универсальную линию исторического развития. Это был не расизм, а скорее культурное высокомерие. И то же самое можно сказать о ленинских принципах, на которых создавался Советский Союз. С той лишь разницей, что эти принципы в гораздо большей степени воплощались в жизнь. Например, к началу второй мировой войны в СССР была достигнута небывалая грамотность среднеазиатских женщин. Вот это и есть империя в своем цивилизаторском воплощении, о чем английские и французские колонизаторы могли только мечтать.

Имперская геополитика



С геополитической точки зрения причина, по которой Россия, Британия и Испания успешнее других европейских стран создавали империи, подчиняя своему влиянию огромные территории, заключалась в том, что эти государства находятся на периферии Европы. И совсем в другом положении была Германия. Расположенная в центре Европы, она гораздо труднее осуществляла экспансию. При всех разногласиях у России и Великобритании – двух великих периферийных империй – всегда был общий интерес: не дать странам европейского ядра (прежде всего, Франции и Германии) подчинить себе весь европейский континент и север Евразии. Этот общий интерес проявлялся в их совместной борьбе против Наполеона, Вильгельма II, Гитлера.

Тем самым я хочу сказать, что европейская геополитика отличалась от геополитики Восточной Азии, где доминирующей державой всегда был и остается Китай. В Европе же она определялась на протяжении столетий соперничеством нескольких государств, примерно равных по силам.

Во многом мировую историю последних 500 лет характеризует возрастающая роль именно западных держав; европейцев, а затем американцев. Остальной мир вынужден был мириться с этим, хотя и без большой радости. Первыми нелатинскими странами, лицом к лицу встретившими европейский вызов, были Россия на восточном «фланге» европейской экспансии и Османская империя — на южном и юго-восточном. Это случилось задолго до того, как европейцы добрались до Индии, Китая и других стран. Поэтому стоит сравнить эти две империи.

В XVII веке Османская империя была гораздо мощнее, чем царская Россия, но к 1914 году они поменялись местами: Россия стала великой державой, а Турция — объектом великодержавных амбиций. Почему? На этот вопрос существует разные ответы, но, на мой взгляд, есть и два простых объяснения.

Во-первых, правящая элита царской России вестернизировалась настолько, что могла конкурировать с элитой любой европейской державы. Во-вторых, в России было создано колоссальное военно-бюрократическое государство, хотя при этом отсутствовал класс образованных, просвещенных людей: до 1755 года в стране не было ни одного университета, а профессиональное чиновничество к 1917 году составляло не более 1 процента населения. Поэтому, чтобы мобилизовать потенциал столь огромной страны, лишенной коммуникаций, использовались самые жесткие, насильственные формы фискального и военного принуждения. И надо сказать, что этот опыт имел триумфальный успех, за который затем пришлось расплачиваться. Я имею в виду причины революции 1917–1920 годов. Первая — культурный разрыв между европейской элитой и массами и вторая — память о крайне жестоком, эксплуататорском характере российского государства.

Так что цена восхождения и успеха России как империи была крайне высокой, как, впрочем, и цена распада Османской империи: геноцид, этнические чистки и десятилетняя война с 1912-го года по 1922-ой. Все это привело к усилению влияния на Ближнем Востоке европейских стран и к европейской колонизации Северной Африки.

Имперские дилеммы

Начиная с середины XIX века все бывшие империи, чтобы получить признание и право голоса при принятии важных решений, должны были иметь вес и влияние, по крайней мере, в континентальном масштабе. Но как можно было добиться при этом политической консолидации в эпоху господства националистических идеологий? Как легитимизировать свою политику? Как создать эффективные институты? Все империи столкнулись именно с этой дилеммой. Назову четыре стратегии, на которые они ориентировались.

Во-первых, можно было попытаться создать новую наднациональную идентичность; выработать идеологию, легитимизирующую консолидацию большой многонациональной общности. Дальше всех продвинулся в этом направлении после крушения Российской империи Советский Союз.

Во-вторых, — попытаться сохранить досовременную наднациональную идентичность и соответствующую ей идеологию (то есть, религию) — в надежде, что она укрепит наднациональное сообщество. Опираясь на ислам, эту страте-

гию довольно успешно проводил в жизнь последний «кровавый султан» Османской империи Абдул-Хамид II.

В-третьих, — и это был наиболее признанный путь — можно было консолидировать имперское сообщество в нацию. В определенном смысле, царская Россия до революции стремилась именно к этому. И этим же путем шли британцы, прилагавшие усилия по созданию «Белой имперской федерации», которая должна была объединить все белые колонии в единую Великую Британию. Нельзя сказать, что эта идея была нереалистичной. Что бы не говорилось теоретически о благах гражданской нации, но для этого была необходима и некая степень этнической солидарности. И разные элиты пытались достичь консолидации этнического ядра в своих империях различными способами и с разной степенью жестокости. Самый крайний случай имел место в Османской империи, где светские националисты добивались консолидации турок путем геноцида армян. В других случаях тактика была иной, но стратегия сохранялась.

Все империи кажутся исчезнувшими, однако, отличить империю и многонациональное государство от национального не так просто

И, наконец, еще одна стратегия, которую пытались реализовать австрийские Габсбурги: создание настоящей многонациональной федерации. Но так же, как и все остальные, она закончилась провалом.

Таким образом, все империи рухнули и, кажется, никогда не возродятся, поскольку исключительно трудно создать устойчивую многонациональную политию континентального масштаба. Но давайте будем осторожны с этой исторической очевидностью. Все империи кажутся исчезнувшими, однако, отличить империю и многонациональное государство от национального не так просто. Хотя в принципе, казалось бы, существует достаточно четкое различение империи и нации: император имеет подданных, а нацию составляют граждане. Но на практике это не всегда очевидно.

Рассмотрим некоторые из современных государств. Например, что такое Китай, считающий своим каждый метр земли, завоеванной еще императорами династии Цинь? Или современная Индия? Что такое Индонезия? Это явно не империи в традиционном смысле слова, потому что они недостаточно могущественны. Но в то же время это и не национальные государства типа Франции, появившейся после 1789 года. Если история становления национальных государств в Европе XIX–XX веков повторится в Азии XXI-го, то нас ждет безграничный хаос. Более того, хаос (пока еще не безграничный) мы видим уже сейчас. Например, в случае индо-пакистанского конфликта. Очевидна его параллель с австро-сербским конфликтом 1914 года, но не менее очевидно и то, что он порожден крушением бывшей колониальной империи.

Даже в Европе мы все еще сталкиваемся с имперскими дилеммами, когда идет речь об участии Европейского союза в решении проблем мировой торговли, миграции, экологии, которые могут стать определяющими в наступившем столетии. Имперские дилеммы в наши дни не так остры, как в прошлом. Однако и в данном случае, чтобы Европейский союз развивался нормально, необходима легитимность, которую не так-то просто обеспечить в мире, где господствующими идеями по-прежнему, остаются национализм и самоопределение народов.

В многокультурном постсовременном мире нужна политическая идентичность, которая бы объединяла людей и позволяла им вести цивилизованное сосуществование. Но это не просто, когда общество стоит перед сложными вызовами. Каждый готов быть гражданином, если гражданские обязанности не слишком обременительны. А умирать за свое государство — это совсем другое дело.

Имперское наследие

Великобритания и Россия были в свое время самыми большими европейскими империями. Поэтому не удивительно, что они и сегодня, хотя и в разной степени, отягощены имперским наследием. Разумеется, гораздо легче пережить конец империи, большая часть которой была расположена за океаном. Британцам сравнительно проще было сохранять спокойствие, когда после их ухода, как, например, в Бирме, началась анархия или гражданская война. Тогда как россияне не могут быть столь же спокойными в отношении Чечни. Когда анархия у порога, выход из империи не столь прост.

Также и геополитически России труднее, чем другим. Когда британцы, французы, испанцы и голландцы теряли свои заморские территории, они автоматически прекращали свое участие в глобальной политике. Россия же, протянувшаяся до Тихого океана, продолжает нести груз имперской ответственности, не имея прежних имперских ресурсов. Британский премьер-министр Гарольд Вильсон в конце 60-х годов мог заявить, что Британия больше не будет действовать к востоку от Суэца и не несет ответственности за поддержание международной безопасности в Азии. У России, учитывая, что в XXI веке Азиатско-Тихоокеанский регион, скорее всего, будет играть более важную роль, чем Европа, нет такой счастливой возможности.

Различия между метрополией и колониями в западноевропейских империях были гораздо яснее, чем в России. Уже чисто психологически восприятие удаленных земель, куда приходилось неделями плыть через бурный океан, создавало в сознании неизбежный барьер между ними. Для России граница с Украиной или Казахстаном являлась условной. Между британскими гражданами и подданными Британской империи существовали очевидные различия в благосостоянии, расовой принадлежности, политических правах. В XIX веке Британия, Франция и Нидерланды были гражданскими нациями. В царской России и в Советском Союзе все были подданными, и метрополия имела ненамного больше (а иногда даже меньше) прав, чем национальные образования.

Британцы конституционно закрепили различие между империей и Соединенным Королевством, так как знали историю Древнего Рима и считали, что римляне принесли республиканские права и свободы в жертву имперскому могуществу. Они решили не повторять этот путь. Поэтому крушение империи не затронуло внутреннее конституционное устройство нашего государства. (Не стоит забывать, что империя англичан существовала задолго до образования Соединенного Королевства Англии и Шотландии. Одной из причин присоединения Шотландии к Англии было желание шотландцев получить определенную долю от прибылей Английской империи.)

И, тем не менее, распад Британской империи протекал весьма болезненно, поскольку ее колонии и метрополия были связаны конституционно, и в колониях оставались многочисленные общины выходцев из метрополии. Распутывание этих узлов — исключительно трудный процесс, с чем, как известно, и столкнулись британцы в Ирландии, а французы в Алжире.

Кристоф Рихс. Меркатор (Две колонны из дерева, стали и воска).1990

Одним из самых серьезных последствий крушения СССР в 1990–1991 годах была потенциальная опасность возникновения целой череды алжиров и ольстеров. Но процесс выхода республик из советской империи по историческим меркам оказался для россиян на редкость успешным.

Следовательно, имперское наследие России не настолько плохо. У советской – и, что еще важнее, у российской интеллигенции была концепция «русскости», основанная на понятии межнациональной культуры, способной ассимилировать людей различного этнического происхождения. И отчасти благодаря этой

традиции Россия избежала, на мой взгляд, самых худших последствий распада империи.

В современной России нередко говорят, что ключевая проблема страны состоит в том, что она никогда не была нацией, а всегда была империей. В этом есть доля правды. Но если мы вновь обратимся к сравнениям, то обнаружим, что Россия в этом смысле не уникальна. Вспомним Австрию в 1918 году, где проблема создания нации стояла гораздо острее, чем для России 90-х.

Процесс выхода республик из советской империи по историческим меркам оказался для россиян на редкость успешным

До 1918 года австрийские немцы ощущали себя, либо принадлежащими к своей провинции, либо к монархии и империи в целом, либо к германскому народу. У них тоже не было тогда представления о своей национальной идентичности. Россияне же традиционно живут в едином государстве, в котором никто не сомневается, к какому народу принадлежал, например, Пушкин. А Моцарт — он немец или австриец? К тому же России сегодня в отличие от Австрии не приходится иметь дело с кризисом мировой экономики.

Австрийская ситуация была намного сложнее и в геополитическом отношении. Дело в том, что до первой мировой войны два народа (немцы и русские) и их страны считались наиболее могущественными на континенте. Война разрушила и Россию, и Германию, после чего международная система изменилась. И так продолжалось до тех пор, пока американцы не стали играть решающую роль в сфере европейской безопасности. Таким образом, австрийцы имели невнятную идентичность, переживали отчаянное экономическое положение и были унижены, превратившись из великой империи в небольшую республику. И они могли поддаться новому имперскому соблазну, который вовсе не был нереалистичным. Геополитическая ситуация располагала к тому, что Великая Германия возродится и будет доминировать в Центральной Европе (что вскоре и произошло).

У современной России искушений меньше. Во-первых, американская гегемония сегодня гораздо сильнее, чем англо-французская в межвоенной Европе. Во-вторых, советская экономическая система социализма гораздо больше дискредитирована, чем германская модель капитализма. В-третьих, империя в ее традиционном понимании больше не имеет смысла — даже для тех, кто мечтает или стремится стать сильным государством. Ибо могущество и влияние в современном мире не сводятся к размерам территории и завоеванным народам. В этом смысле мы живем в лучшем мире.

Историческое сравнение империй и их распада показывает, что российский опыт оказался удачным. Однако имперское наследие — проблема не на десять лет. В России все еще спорят о последствиях татаро-монгольского ига, Турция обсуждает наследие Османской империи, а Европа до сих пор не выучила уроки первой мировой войны.

Историки по определению мыслят долговременными категориями. И если мыслить в таких категориях, то становится понятно, что мы еще не ушли от имперского наследия и будем продолжать его осваивать.

Перевел с английского
Юрий Гиренко

Дмитрий Тренин, заместитель директора Московского центра Карнеги

Россия как Европа

Чтобы обозначить исходную позицию, сформулирую три тезиса. Первый: Россия как традиционная сухопутная империя ушла в прошлое и не восстановима. Второй, менее очевидный: существование России в качестве отдельного субъекта в современном мире становится все менее привлекательным для самой России и, соответственно, все менее вероятным. И третье: путь России в Европу — это, прежде всего, путь внутренней трансформации самой России; только небольшая часть этого пути относится к сфере международных отношений. В связи с этим стоит посмотреть на реидентификацию России как европейской страны через задачу не отбрасывания, а трансформации ее исторического наследия.

Что касается геополитики, то тенденция здесь проявилась довольно четко: выход страны из замкнутого пространства в сторону интеграции с тем, что можно назвать «Большой Европой». То есть, иначе говоря, переход от состояния державы в ее величии, но и одиночестве, к положению одной из стран расширенной европейской семьи. И, может быть, в более широком смысле — Запада. Траектория российского движения в этом направлении после распада Советского Союза была зигзагообразной. Первоначально превалировала идея сохранения России как самостоятельного центра силы. Была попытка опереться на СНГ и на такие державы, как Китай и Индия; сформировать некую геометрическую фигуру в рамках многополярного мира. Однако каждая из этих концепций через непродолжительное время оказывалась отброшенной не столько политиками, сколько самой жизнью, самим развитием России. Сейчас перед страной встала совершенно уникальная задача перехода от традиционной модели *интеграции в Россию*, когда — для обеспечения военной безопасности или по причинам иного свойства — Россия стремилась включить в свое державное «тело» другие территории, к совершенно неизведанной, новой для страны задаче: *интеграции России в нечто большее*. Причем Россия в таком сообществе доминировать явно не сможет. И то, как трудна такая интеграция, мы видим на примере Калининграда.

Парадокс состоит в том, что лишь после того, как советские войска были выведены из Центральной и Восточной Европы и прибалтийских республик Советского Союза, у нас появилась реальная возможность сближения с Европой. Если мы вспомним, что до этого армия в основном сидела в казармах и практически не имела контактов с местным населени-

ем, а когда ушла, огромное число россиян стали посещать европейские страны. То есть прекращение советского контроля над Прагой, Будапештом, Варшавой ведет к развитию гораздо более глубоких экономических связей с Европой, чем раньше. А отказ от коммунистической и имперской идеологии создает условия для вхождения России в европейское культурное, правовое и политическое пространство. Членство России в Совете Европы в этой связи представляется очень важным мостом для перехода России к состоянию европейской страны.

Газета «КоммерсантЪ» както задала экспертам вопрос «Европа ли Россия?», и часть респондентов ответили, что Европа, но лишь до Урала. Мне же представляется, что географический фактор играет в данном случае второстепенную роль. На самом деле, Сибирь и российский Дальний Восток являются продолжением Европы, и граница России в Азии является границей европейской цивилизации. На мой взгляд, сегодня существует только одно государство, которое может называться евразийским — это Казахстан.

Вместе с тем, очевидно, что России приходится постоянно сталкиваться с задачей удержания той огромной территории, которую она унаследовала. Многие россияне были в отчаянии в начале 90-х годов, так как они были уверены, что, отказываясь от прошлого, страна неминуемо обрекает себя на распад. Но этого не произошло, и я думаю, не произойдет. Распад России не угрожает. Более того, в условиях новой геополитической ситуации, она может укрепить свои позиции, благодаря новым связям с Европой. Например, отношения с Украиной и Белоруссией наверняка будут развиваться успешнее, когда векторы российской, украинской и белорусской политики будут направлены в одну сторону — в сторону Европы. Если же они разойдутся, мы будем иметь довольно неприятную ситуацию конфликта между славянскими государствами, чреватого серьезными последствиям. А что касается Сибири и Дальнего Востока, то и здесь в сохранении позиций России заинтересованы не только россияне, но и европейцы, американцы, японцы, при условии, что Россия будет помнить о своем европейском происхождении. Следовательно, европейский фактор является одним из главных с точки зрения укрепления российских позиций в геополитически уязвимых частях страны.

Для самой же Европы Россия представляет не меньший интерес при определении той роли, которую Европа будет играть в XXI веке. Если для России европеизация — прежде всего, внутренняя задача, то для Европы отношения с Россией — это тест на большую роль в мировом раскладе.

Распад России не угрожает. Более того, в условиях новой геополитической ситуации, она может укрепить свои позиции, благодаря новым связям с Европой

Реальная проблема российско-европейских отношений заключается в том, что сегодня вряд ли можно ответственно говорить о вступлении России в Европейский союз. Но это не значит, что у нас нет общих задач. Вполне осуществимым, на мой взгляд, является проект политического сотрудничества, то есть возможность постоянных консультаций на самых различных уровнях, которые способны привести к гармонизации российской политики и политики Евросоюза в целом ряде областей. Например, по Балканам, Молдавии, Кавказу, Ирану, Южной Азии, Ближнему Востоку. Позиции России и Европейского союза по большинству из этих проблем мне представляются довольно близкими.

В сфере геостратегической от роли военно-политического центра силы глобального уровня Россия, хотя и сложным путем, идет к вхождению в систему евро-атлан-

тической безопасности. После заключения договоров с Китаем, стабилизационных соглашений с республиками Центральной Азии это направление определилось. Первоначально у России были по этому поводу, как известно, другие планы, связанные с созданием единого оборонительного пространства СНГ, единой системы противовоздушной обороны, с установлением «двух границ» — внешней границы СНГ и внутренней границы России. Однако за последний год в этом отношении произошли исторические перемены. Причем, еще до 11 сентября. Летом 2001 года российское руководство приняло решение о выходе из ядерного соревнования с Соединенными Штатами. Речь идет о переосмыслении роли ядерного оружия, которое осталось у России с советских времен. Это актив, который она может использовать, но только в том случае, если от старой повестки дня, то есть от сдерживания страны, с которой Россия уже фактически не соперничает, мы перейдем к совместным усилиям по поддержанию стратегической стабильности в мире. Учитывая, что эта проблема сегодня особенно актуальна в связи с продолжающимся конфликтом между Индией и Пакистаном.

Наша страна непосредственно граничит с регионом, который в последнее время является, пожалуй, наиболее потенциально опасным: Ближний и Средний Восток, Афганистан, Центральная Азия. Здесь российско-западное сотрудничество тоже может стать (и становится) важным фактором в отражении вызовов, исходящих из этого региона, и в формировании новой системы безопасности.

Серьезный поворот происходит и в сфере использования обычных вооруженных сил, еще недавно предназначавшихся для широкомасштабных войн с Западом, в сторону решения локальных задач. Переход от армии, комплектуемой по принципу призыва, к армии, комплектуемой на контрактной основе, свидетельствует о потенциально колоссальном изменении российской оборонной политики.

В отношениях с НАТО также сделан большой, прежде всего, психологический шаг в направлении их демилитаризации. Хотя в акте, подписанном в Риме, нет ничего нового по сравнению с документом пятилетней давности, он актуализирует возможность решения двух задач европейской безопасности: проблемы российской военной мощи для Запада и безопасности на западном направлении для России. Есть две страны, которые потенциально способны доминировать в Европе — Германия и Россия. Германская проблема с военно-стратегической точки зрения решена в рамках НАТО, и это решение не подвергается сегодня серьезному сомнению. А проблема России решается в рамках американо-российских и российско-натовских отношений. Проблема же безопасности России на западном направлении, традиционно наиболее опасная, на сегодняшний день (а тем более, завтра) имеет исключительно музейное значение.

За последние месяцы сложились новые военно-стратегические отношения между Россией и Америкой. Здесь имперское наследие России создает для нее определенные возможности для формирования особых отношений с Вашингтоном. Геополитическое положение России; инфраструктура, которой она обладает в Европе и в Азии; потенциально мощные вооруженные силы; отсутствие политических и психологических ограничений в использовании этих сил; готовность идти на риск и жертвы в отстаивании национальных интересов; в конце концов, политический опыт России — все это делает ее ценным, а в некоторых случаях единственным дееспособным партнером для Соединенных Штатов. Точно так же — и Соединенные Штаты для России. Можно много печалиться по поводу американского присутствия в Центральной Азии, но фактически это фактор стабильности в регионе, где у России имеется всего лишь 8000 солдат в боевых частях.

В геостратегическом плане Россия оказывается в извест-

Фердинанд Гётц. Новый Завет. 1988

ном смысле между Америкой и Европой, и многие видят в этом проблему. Я так не считаю. Думаю, что для России ценны в военно-стратегическом плане как отношения с Европой, так и отношения с Соединенными Штатами. Для России в военно-политической области могла бы быть своего рода образцом британская модель. Британия — это наиболее удачный пример выхода из имперского состояния с конвертацией многих имперских активов в активы, которые могут быть использованы в постимперском состоянии.

Для России ценны в военно-стратегическом плане как отношения с Европой, так и отношения с Соединенными Штатами

Несколько слов о геоэкономических проблемах. От закрытой экономической системы Россия переходит к встраиванию в международное пространство, развивая торговые отношения с ведущим своим экономическим партнером — Европейским союзом, значение которого лишь увеличится с принятием в него бывших советских союзников и бывших советских республик. В отношениях с Европой наиболее четко прослеживается материальная основа, на которой могут успешно развиваться наши экономические отношения с Западом — энергетическое партнерство. Вхождение в общеэкономическое пространство, ядром которого является ЕС, — это вполне конкретная цель, к которой России необходимо стремиться, чтобы стать в максимальной степени совместимой с ним. И параллельно с этим она может стать более активным экономическим игроком на постсоветском пространстве. Чем более эффективно она будет развивать свои отношения с Украиной, Белоруссией, Казахстаном, другими бывшими советскими республиками, тем более ценным партнером она станет для Европейского союза. То есть и в экономической области у России достаточно имперских активов, которые могут быть успешно конвертируемы.

Не останавливаясь специально на внутриполитических проблемах, отмечу, что, несмотря на рецентрализацию управления, произошедшую в начале президентства В.В. Путина, «Россия регионов» имеет все шансы стать основным направлением внутреннего развития страны. Ибо трудно предположить, чтобы, расширяющая свои связи с внешним миром, страна продолжала одновременно оставаться жестко централизованной даже в среднесрочной перспективе. В этом смысле современная Россия напоминает мне послевоенную Европу: ее многочисленные регионы и разнообразие условий могут стать столь же важным фактором развития, как многообразие европейских государств было фактором внутреннего развития Европы. Но при этом мне представляется, что русская нация все-таки бесперспективна в России, тогда как *российская* имеет перспективы, и наше имперское наследие может сыграть в этом позитивную роль. Именно традиционная для России полиэтничность позволяет надеяться на развитие российской общности людей в направлении гражданской нации. Российский вариант нации-государства, скорее всего, будет близок одновременно и к Европе, и к Америке: с первой нас роднит территориальная привязка, а со второй — «приглушенная» этничность.

Известно, что в середине 90-х годов в нашей стране была предпринята попытка сконструировать национальную идею, которая, к счастью, не принесла осязаемых результатов. И это значит, что гордость за империю, как часть национальной гордости россиян, не противоречит идущему процессу переосмысления нашего исторического наследия. Как и во многих других отношениях, путь России к развитой демократии, с одной стороны, казалось бы, непоследователен, а с другой стороны, рационален. Россия уходит от империи внешне очень хаотично, зигзагообразно, но, тем не менее, этот выход происходит и, на мой взгляд, довольно успешно.

Россия как демократия

Владимир Рыжков,
депутат
Государственной Думы РФ

30 лет назад в мире было всего три десятка демократий, и почти все они находились в западной части Европы и в Северной Америке. С точки зрения специалистов, это был своего рода «идеальный тип» демократии, с которым соотносилось само это понятие. Но, по данным «Дома Свободы», за последние 30 лет демократия победно прошествовала по всему миру, и в 1998 году из 191 существующего в мире государства в 117 были проведены свободные, тайные и всеобщие выборы, то есть был обеспечен тем самым «процедурный минимум» демократии.

В результате сложившееся представление о демократии теряет свои привычные очертания. Сегодня говорят о южнокорейской, японской, болгарской, грузинской, бразильской, чилийской, турецкой и других моделях демократии. А что касается ее «идеального типа», то есть североамериканской и западноевропейской демократии, то для нее характерно, по словам Ральфа Дарендорфа, сокращение участия избирателей в выборах, падение количества членов в традиционных партиях, превращающихся в лоббистские структуры, все более оторванные от общественных чаяний [1]. Таким образом, демократия становится все менее понятной, и это побуждает общественную мысль искать для нее новые определения.

В своем последующем анализе я буду исходить из двух общепризнанных определений.

Согласно Р. Далю, автору классической книги «Полиархия», демократия — это *соревнование, открытое для участия.* Когда конкуренция за власть, за влияние, за свое мнение, за политические институты предполагает участие в ней любых акторов политического процесса. И при этом подчеркивает, что основным показателем демократического общества является также равенство гражданских и политических прав и свобод. То есть сама по себе конкуренция без широких политических прав и свобод еще не означает наличие демократии.

Второе влиятельное определение принадлежит Й. Шумпетеру, для которого главный критерий демократии — *замещение правительственных должностей через свободные и справедливые выборы.* Понятие свободных и справедливых выборов и в этом случае включает в себя и конкуренцию, и участие, и широкие гражданские и политические права и свободы. На та-

[1] *См.: Р. Дарендорф. Политика имеет значение. В защиту активной демократии. // Голицынские лекции. – М.: Московская школа политических исследований, 2002.*

Ден Флевин. Без названия. 1992

ком теоретическом фундаменте современная общественная мысль пытается удержать здание демократии, которое все труднее сводить к какому-то одному пониманию.

Опираясь на эти определения, попытаемся ответить на несколько фундаментальных вопросов. Во-первых, является ли современная Россия демократией? Во-вторых, каково место современной российской демократии в контексте отечественной истории? В-третьих, каковы особенности сегодняшней российской демократии. И четвертый вопрос: есть ли у нее будущее?

Россия как демократия!

Нынешняя российская демократия — это самая высшая, самая беспрецедентная форма демократии в российской истории. Учитывая, что до этого у нас была демократия в форме конституционной монархии 1906–1917 годов. Именно в тот период появился первый в нашей истории парламент, официально признаны первые политические партии, были проведены первые конкурентные выборы в Государственную Думу. Монархия поделилась тогда частью своих полномочий с народным представительством, а значит, возникли элементы демократии.

Конечно, если сравнивать ее с британской или германской демократией той же поры, то можно сказать, что она была ущербна, слаба. Но не будем забывать, что это был исходный в нашей истории опыт демократического развития, заслуживающий уважения и самого серьезного изучения.

По моему мнению, нынешняя российская демократия превосходит по своим формальным и качественным параметрам конституционную монархию Николая II. У нас появилось всеобщее избирательное право. Правда, его ввели еще большевики, но при отсутствии политической конкуренции. Цинизм советской власти заключался в том, что по формальным процедурам СССР был безупречной демократией: выбиралось все сверху донизу — сельские, поселковые, районные, городские, областные, республиканские, Верховные советы. Советский Союз был классической парламентской республикой, где советы всех уровней формировали исполнительную власть. Но одна деталь портила всю картину: кандидат в избирательном бюллетене всегда был один, заранее согласованный райкомом, горкомом или обкомом партии! А за неявку на избирательные участки у людей были неприятности. Формальность, которая существовала в Советском Союзе, наполнилась реальным содержанием в современной России. В наши дни всеобщее избирательное право впервые в российской истории приобрело действительно демократическое содержание.

Нынешняя Государственная Дума значительно «сильнее» дореволюционной. Во-первых, она имеет право (теоретическое, по крайней мере) сместить главу государства, чего дореволюционные Думы делать не могли. Во-вторых, и это еще важнее, она обладает монополией на национальное законодательство. (В «Основных законах» Российской империи 1906 года была 90-я статья, согласно которой царь мог в любой момент приостановить заседания Государственной Думы и издать в это время любой закон.)

Еще одно преимущество нынешней демократии по сравнению с демократией начала XX века — федерализм вместо унитаризма. Российская империя до 1917 года была унитарным государством, за несколькими исключениями: Царство Польское, Финляндия, центрально-азиатские территории. Основное тело империи было унитарным.

Дальше — выборность главы государства. В 1906 году легитимность верховной власти носила сакральный характер. Ныне ее легитимность опирается на выборы и исходит из волеизъявления всего народа. Сейчас более акцентирована и роль местного самоуправления. Во всяком случае, то, что провозглашено в законе «Об основах самоуправления» и сказано в Конституции, ставит нынешнее местное самоуправление выше дореволюционного.

В целом нынешняя политическая система является более современной, более устойчивой и более эффективной, чем дореволюционная (что, кстати, показала революция 1917 года). Николаю II и его правительству не удалось совместить демократию с

самодержавием, что и предопределило во многом его падение.

По сравнению же с Советским Союзом прогресс, достигнутый нами за последние 15 лет, просто ошеломляет: весной 1989 года в России впервые были проведены альтернативные выборы, началось возрождение парламентаризма, как народного представительства, независимого от исполнительной власти; была введена выборность органов власти на всех уровнях — президента, губернаторов, глав местного самоуправления. Федерализм стал не просто формой, в регионах появились парламенты, конституции и уставы, начал создаваться корпус регионального законодательства, появились автономные от федерального центра компетенции и полномочия. Утвердились свобода слова, свобода въезда и выезда из страны. Наконец, была проведена судебная реформа, провозгласившая независимость суда от других ветвей власти.

Таким образом, можно согласиться с тем, когда говорят, причем, не только в нашей стране, что на рубеже 80–90-х годов в России произошла демократическая революция. После семидесяти лет тоталитаризма и авторитаризма, когда государство строилось с помощью мобилизации масс во имя воплощения в жизнь квазирелигиозной утопии методами террора и насилия, в страну впервые пришла демократия со всеми ее формальными и неформальными атрибутами. И тем самым, мы можем ответить на первый поставленный вопрос: «Является ли нынешняя Россия демократией?». Да, безусловно, Россия находится сегодня среди тех стран, которые в последние три десятилетия расстались с автократией и приняли демократическую модель развития. В ней можно обнаружить основные черты демократии, содержащиеся в определениях Даля и Шумпетера. Правительственные (в широком смысле) должности в стране замещаются на свободных выборах. Повсеместно есть элементы политической конкуренции, а также наблюдается несомненное участие в политических процессах самых разных сил.

Вывод очевиден: современный демократический проект в России — самый глубокий и последовательный проект в отечественной истории. Никогда еще в стране не было такой степени свободы и столь развитых в формальном отношении институтов демократии, как сейчас. Никогда еще общество не могло так организовывать политическую конкуренцию и политическое участие на базе самых широких гражданских и политических прав и свобод. Если смотреть на современную российскую демократию в сравнительно-историческом контексте, то вывод напрашивается вполне оптимистический, потому что наше прошлое нам хорошо известно.

Россия как демократия?

Однако обратимся к опросам общественного мнения и посмотрим на российскую демократию через эту призму.

Всероссийский центр изучения общественного мнения нередко спрашивает российский народ: «Считаете ли вы, что в России существует демократия?». На что народ неизменно отвечает: «Нет». А на уточняющий вопрос: «Считаете ли вы избранные органы власти своей властью?» — говорит примерно следующее: «Да что вы, с ума сошли!?». Таким образом, возникает эффект, как я его называю, «избранного нами оккупационного режима», и мы видим совсем иную картину. Тем более, если сравнивать ее с «идеальным типом» демократии. А именно — гражданская нация в нашей стране еще не сложилась, так как нет, прежде всего, ясного представления о ее ценностях.

Вдумаемся, например, хотя бы в такой факт: 7 января мы празднуем Рождество Христово, хотя Россия не только христианская страна; 12 июня празднуем падение советской власти, а 7 ноября ее победу, то есть приход к власти партии безбожников... Эксперт Школы Михаэль Мертес пишет в своей недавно изданной книге[2], что национальные праздники очень важны именно для об-

[2] *См.: М. Мертес. Немецкие вопросы – европейские ответы. Пер. с нем. Нины Манджиевой. – М.: Московская школа политических исследований, 2001.*

ретения народом национальной идентичности. И поэтому в Германии отмечают, в том числе, день провозглашения демократической Веймарской Конституции в 1919 году. Мы же по-прежнему празднуем 7 ноября, а не 17 октября, когда Манифест Николая II впервые даровал российскому населению гражданские права, свободы, парламент, многопартийность.

Российское общество не является либеральным – о феномене нелиберальных демократий писал, в частности, Эрнест Геллнер[3]. Скажем, когда в Турции побеждает большинство – исламские фундаменталисты, то требуется силовое вмешательство прозападной турецкой армии, чтобы восстановить светский режим. То есть нелиберальное большинство демократическим путем часто подрывает саму ткань демократии. Наше общество по всем опросам негативно пока относится к последним 15 годам, к Горбачеву, Ельцину, к рыночным реформам, к приватизации, к частной собственности, к Западу, к фундаментальным либеральным ценностям.

У российской демократии нет левой ноги. КПРФ, которая монополизирует левый фланг политического спектра, не проделала тот путь, который прошли левые партии Восточной Европы. Она по-прежнему находится в оппозиции не просто к Путину и Кремлю, а к самой демократии. Коммунисты не приняли Конституцию 1993 года, частную собственность, итоги приватизации, рыночную систему. Это значит, что огромный сегмент общества – от 30 до 40 процентов – не участвует в строительстве демократической политии. (Более подробно об этом и других особенностях современной российской демократии см. мою статью в предыдущем номере «Общей тетради».)

У нас очень неоднозначный конституционный дизайн. В отличие от Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Словакии, где приняты парламентские или президентско-парламентские системы правления, и определяющую роль в формировании правительства играет парламентское большинство, Россия (а также Украина и Белоруссия) – суперпрезидентские республики, в которых глава государства единолично формирует правительство, расставляет кадры, не считаясь с итогами парламентских выборов. В результате в России мы имеем перенакачанную мускулатурой исполнительную власть и атрофированные парламенты, которые из трех классических функций (законодательство, участие в формировании правительства, парламентский контроль) выполняют только одну – законодательную. Они практически полностью отключены, за исключением формальной процедуры согласия на назначение премьер-министра, от формирования правительства, а функция контроля выхолощена до предела. В стране есть только Счетная палата, председатель которой С.В. Степашин к тому же вышел недавно с предложением к президенту, чтобы тот взял «под крыло» и Счетную палату.

Многопартийность формально существует: партий, даже по новому закону, остается не менее сорока. Но они не смогли привлечь в свои ряды граждан (только 0,5 процента взрослого населения России, из них девять десятых – в КПРФ); не смогли обеспечить политического руководства государственной машиной: у нас и президенты, и премьер-министры, и вице-премьеры, и министры, и подавляющее большинство губернаторов, большинство мэров, большинство депутатов регионального и местного уровней – все беспартийные. В результате никто не несет политическую ответственность скажем, за курс губернатора А.Г. Тулеева в Кузбассе, кроме лично Тулеева. Одна из фундаментальных слабостей нашей демократической системы в том, что люди, в руках которых сосредоточена порой огромная власть, не контролируются никаким общественным институтом. И тем самым подрываются основы демократии: политическая конкуренция и политическое участие.

Например, можно ли говорить о политической конкуренции в Москве, которая считается «самым европейским городом» России, если на выборах в декабре 2001 года в

---

[3] *См.: Э. Геллнер. Условия свободы. Открытое общество и его исторические соперники. Пер. с англ. Михаила Гнедовского. – М.: Ad Marginem, 1995.*

Ричард Вентворт. Балкон. 1993

Московскую городскую думу из 35-и мест 33 получил список мэра Лужкова, а явка избирателей составила всего 27 процентов? Некоторые решения, принятые в последние два года, также ухудшают в этой связи ситуацию. В частности, отмена ограничения на два срока для глав регионов, новый закон о политических партиях, когда создать партию, зарегистрировать ее и поддерживать в работоспособном состоянии стало гораздо сложнее.

В итоге на региональном, местном и федеральном уровнях постепенно складываются устойчивые авторитарные, не имеющие конкурентов, правящие группы при формальном соблюдении процедур всеобщих выборов, тайного голосования и явки избирателей. Один из современных западных исследователей предложил такой критерий: если на выборах оппонирующие победителю кандидаты или партии набрали в совокупности меньше тридцати процентов — это не демократия. В России все больше именно таких исходов выборов.

В стране есть свобода слова, но подавляющая часть российских средств массовой информации зависимы от органов государственной или местной власти, либо от финансово-промышленных групп, в свою очередь связанных с той же властью.

Еще одно обстоятельство, заставляющее поставить вопросительный знак после слова

демократия, это заметное преобладание неформальных связей и институтов над формальными. Например, известный губернатор Приморья Е.И. Наздратенко задолго до истечения срока полномочий, после ночного разговора с президентом, вдруг добровольно подал в отставку и уехал в Москву руководить рыбным хозяйством. С точки зрения формальных институтов и верховенства права ситуация невозможная, а в России — помимо парламента, конституции, независимого суда, соответствующих правил и нормативов — существует еще подводная часть политического айсберга, где часто тоже принимаются решения. И она, как у настоящего айсберга, явно больше и массивнее, чем надводная. Это еще одна фундаментальная проблема, потому что устойчивая, консолидированная, эффективная демократия — это прозрачная, открытая система, где формальные правила-процедуры господствуют над неформальными.

У власти в России последние одиннадцать лет находится одна и та же правящая группа, появившаяся в условиях «путча» 1991 года. В 1993 году эта же группа прошла через октябрьский кризис, преодолев его силовым методом, в 1996-м она же обеспечила переизбрание Б.Н. Ельцина на второй срок, а в 1999-м — преемство власти от Ельцина к Путину. Одиннадцать лет у власти находится фактически анонимная, идеологически неопределенная группа, не идентифицируемая с политической программой и партией, которая удерживает власть крепко и умело! Специалисты говорят в этой связи о трех возможных сценариях передачи власти от В.В.Путина в 2008 году. Первый — продление полномочий самого Путина. Второй — «усыновление», модель, которая была использована Ельциным в отношении Путина. Третий — мексиканско-японская модель, когда в недрах самой правящей группы происходит схватка, и она выдвигает наиболее сильного (или наиболее слабого) представителя. Характерно, что ни один из этих сценариев не предусматривает политической конкуренции, и даже не постулирует возможность смены власти *содержательно*.

И последнее, о чем нужно сказать, это сохраняющаяся тенденция сращивания власти и бизнеса. В.В. Путин два года назад провозгласил, что публичные институты будут отделены от частных и корпоративных интересов. За это время представитель «Норильского никеля» благополучно был избран губернатором Таймырского округа, представитель «ЮКОСа» — губернатором Эвенкийского округа, золотодобытчик возглавил Адыгею, и в целом крупные корпорации стали играть значительно большую роль в регионах. И я бы не рискнул сказать, что и на федеральном уровне пуповина между верховной властью и финансово-промышленными группами полностью перерезана. Просто связь их стала менее заметна, но природа отношений изменилась незначительно.

Итак, к российской демократии, если сравнивать ее с идеально-типической моделью, очень много вопросов. В 90-е годы в политологии появилась целое направление, которое называется «демократия с прилагательными», когда к слову «демократия» стали добавляться определения, каковых я насчитал уже более десятка: «делегативная», «управляемая», «дефектная», «манипулятивная» и так далее. Все они показывают, что современная демократия действительно не соответствует «идеальному типу». Тем более, в условиях нелиберального общества, доминирования никому не подконтрольной власти, институциональной слабости парламента и партий, преобладания неформальных связей, отношений и решений над формальными, отсутствия подлинного верховенства права, сокращения полей политической конкуренции и политического участия.

Россия как демократия...

Доминирующая точка зрения сводится, как известно, к тому, что мы находимся в переходном периоде. При этом более или менее понятно, от чего мы переходим, но к чему — ответ пока не столь очевиден. Я, например, не вполне уверен, что мы можем рассматривать как реалистическую цель построение в России германской, английской или французской «модели» демократии. Но это не значит, что мы не вправе держать в уме, в душе и в нашем сердце некий идеал, к которо-

му в любом случае обязаны стремиться. Подходить к своим проблемам, разумеется, мы должны с точки зрения наших собственных реалий, но выбирать при этом тот путь демократизации страны, который приведет к наилучшим результатам в наших конкретных условиях.

Например, если мы видим, что неучастие парламента в формировании правительства и в контроле над ним плодит тотальную неэффективность ведомств, ведомственную войну и коррупцию, значит, мы должны говорить о необходимости возрастания роли парламента. Но не потому, что так в Англии, а потому что это в наших собственных интересах.

Если мы видим, что централизация страны, проводимая последние два года, приводит к дефициту региональных бюджетов, к растущей задолженности по выплате заработной платы, к невыполнению регионами и муниципалитетами своих социальных обязательств, значит, мы должны бороться за федерализацию. Но не потому, что в Германии федерализм, а потому, что это в наших собственных интересах.

Если мы видим, что «чеболизация»[4] страны, то есть переход основной части валового национального прироста в руки восьми финансово-промышленных групп, превращает нашу экономику в сверхмонополизированную и потому неконкурентоспособную в перспективе, значит, мы должны бороться за демонополизацию. Но не потому, что этого требует Европейский союз, а потому что это в наших собственных интересах.

Так что стоит отойти от жесткой нормативной схемы. Мы должны искать свое решение фундаментальных проблем нашей экономики, нашей политии, и искать его в демократическом контексте, строить демократию, которая будет соотносима с западноевропейской, но иметь национальные черты.

Довольно распространена в литературе точка зрения, что Россия обречена. Есть специалисты (скажем, С. Хантингтон), которые считают, что православная цивилизация, возможно, препятствует восприятию либеральных, демократических ценностей. Мне эта позиция кажется сомнительной. В книге «Культура имеет значение»[5] приводится примечательный пример. Полвека назад отсталость Азии объяснялась господством конфуцианства. Когда Юго-Восточная Азия совершила колоссальный рывок в своем развитии, это также объяснили конфуцианскими чертами (дисциплина, обучаемость, способность к труду и самоорганизации). А в 1997–1998 году, когда разразился азиатский кризис, заговорили вновь о сдерживающем влиянии конфуцианства. Я же убежден, что ни мусульманство, ни конфуцианство, ни православие сами по себе не обрекают народы на отсталость. Так же, как культура, которая когда-то, казалось, ввергла немцев в ужас нацизма, вовсе не обрекла их на историческую смерть, а помогла создать одну из самых успешных, открытых и либеральных политий, существующих сегодня на земном шаре.

Кто может стать субъектом демократизации и модернизации России? Такие люди есть везде: в промышленности, в сельском хозяйстве, в политических партиях, в региональных и местных администрациях, в школах. Задача в том, чтобы они победили. И даже маленькая победа должна наполнять наши сердца радостью. Я абсолютно согласен с Ральфом Дарендорфом: мало разделять демократические ценности, надо эти ценности активно защищать.

Россия — демократия, и в такой демократии, как сейчас, никто из наших предков никогда не жил. При этом Россия — очень проблемная демократия, многие существующие проблемы ее ослабляют и оставляют открытым вопрос о ее будущем. Если мы с вами своим активным **со**действием обеспечим политическую и экономическую конкуренцию, участие и верховенство права, тогда наша демократия состоится, и Россия внесет свой образец в созвездие европейских демократий.

---

[4] *От слова «чеболь» – южнокорейские многопрофильные концерны. – Прим. ред.*

[5] *См.: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под редакцией Л. Харрисона и С. Хантингтона. Пер. с англ. Андрея Захарова. – М.: Московская школа политических исследований, 2002.*

Россия, США и вызовы XXI века*

Александр Вершбоу,
Посол США
в Российской Федерации

Поскольку мы находимся в России и большую часть дня я занят мыслями о ней, то давайте начнем с вашей страны. Несколько позже я коснусь Соединенных Штатов, а затем расскажу о значении российско-американских отношений и о перспективах долгосрочного партнерства, основанного на общих интересах.

С вашего позволения, начну с самих вызовов, стоящих перед обеими нашими странами, а в большинстве случаев и перед всем миром.

Новые глобальные вызовы XXI века

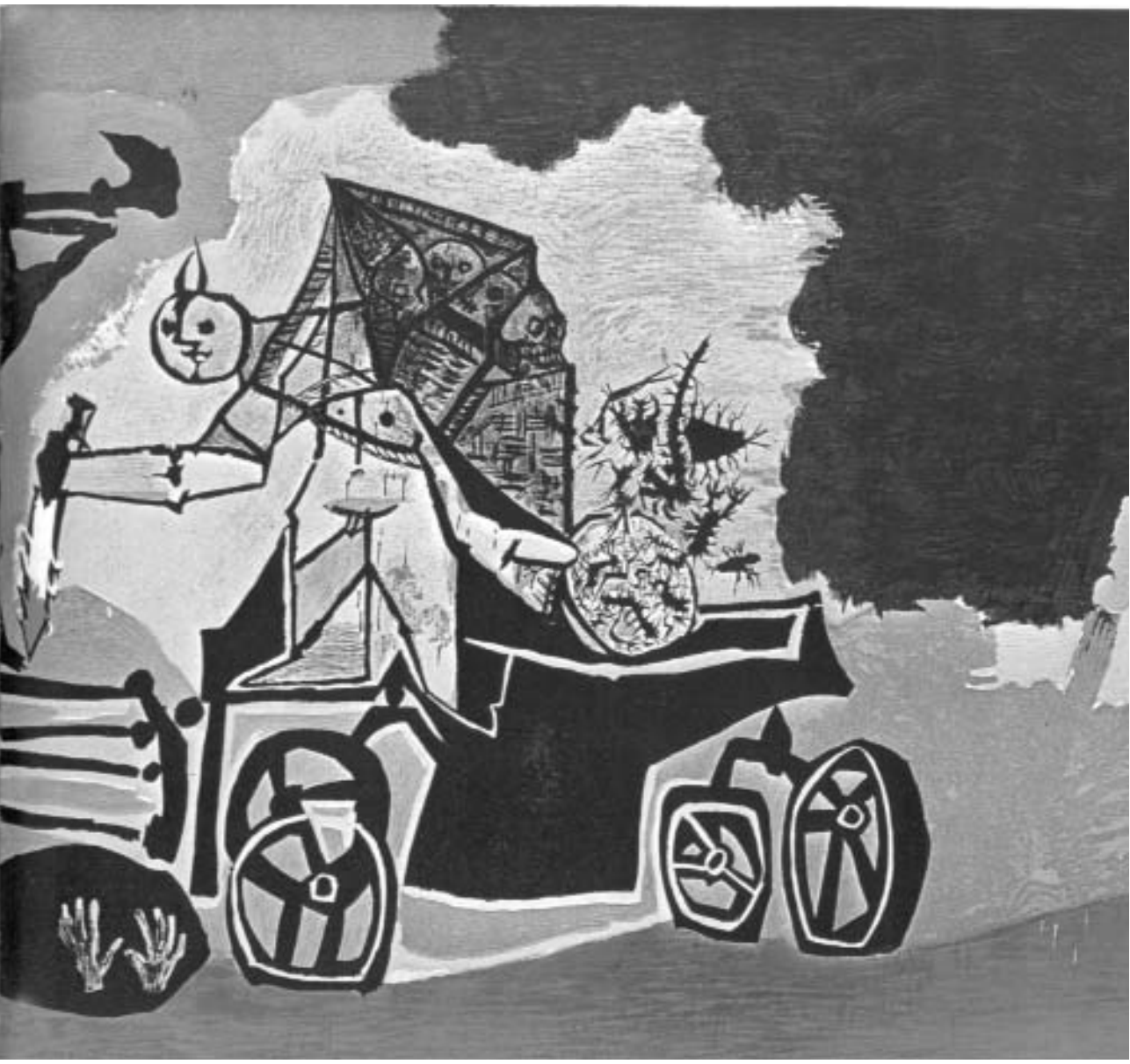
Нет сомнения, что все страны и люди сегодня взаимосвязаны таким образом и в такой степени, какую нельзя было даже представить лет 20 назад. Товары и деньги пересекают границы гораздо свободнее, чем в прошлом веке, чему способствуют и более либеральная политика национальных государств, и многосторонние и глобальные торговые соглашения. Люди тоже перемещаются свободнее, поскольку ездить для них стало дешевле, а, значит, внешний мир стал понятнее.

Конечно, это не совершенно новые явления. Столетие назад уже была довольно развитая международная торговля, можно было путешествовать из Лондона в Санкт-Петербург, нигде не показывая паспорта, а тем более визы. Настоящее различие количественное — насколько много людей сейчас пересекают границы, стремясь избежать репрессий или в поисках лучшей жизни.

Вероятно, самый важный новый феномен — простота распространения информации. В наши дни можно общаться с людьми по всему миру, смотреть зарубежное телевидение (я, например, могу каждый день смотреть программу «Время» у себя дома в Вашингтоне) и находить практически все, что угодно в Интернете. Даже авторитарные страны, ограничивающие использование Интернета, не могут полностью запретить его, и я подозреваю, что новые технологии очень скоро позволят гражданам всех стран, кроме самых авторитарных, обходить запреты, устанавливаемые их правительствами.

** Выступление на семинаре Московской школы политических исследований в Голицыно 22 июля 2002 года.*

Пабло Пикассо. Война. 1952



Конечно, при помощи компьютеров и авиации гораздо проще стали преодолевать границы и менее желательные вещи. Такие болезни, как Эбола, могут распространяться из Конго в Нью-Йорк или Санкт-Петербург за несколько часов, если инфицированный летит на самолете. Загрязнение окружающей среды не столь стремительно, но и оно пересекает государственные границы каждый день. А такие виды загрязнений, как парниковые эффекты, приобрели глобальное значение.

Преступность также становится все более транснациональной: наркотические растения, выращиваемые в Юго-Восточной Азии, Афганистане и Южной Америке, окольными путями попадают на улицы городов Америки, России и других стран. Людей, особенно молодых женщин, похищают и вынуждают заниматься проституцией, или обращают в рабство. Компоненты и технологии для производства оружия массового поражения (ОМП), а то и само оружие — погрузив в контейнеры, можно переправить сегодня в любую точку мира на пароходах, самолетах, в грузовиках или поездом. Так же просто террористы могут использовать и Интернет для планирования своих атак, перевода нелегальных фондов или передачи сигналов, относящихся к убийствам.

Говоря о терроризме и ОМП, важно понимать, насколько они изменили международные отношения. Столетие назад, когда страна проигрывала войну, «международное сообщество» (то есть европейские державы), не мешали ее возвращению в систему национальных государств, дабы сократить ее геополитическую роль в общем балансе сил. Это работало, даже если побежденные продолжали жаждать реванша. Считалось, что установленные ограничения вооруженных сил и репарации в достаточной мере предохраняют от агрессии.

Сейчас, однако, если у побежденной страны есть ОМП, либо она дает приют террористам, либо то и другое, ситуация складывается совсем иная. Такая страна становится серьезной угрозой для других государств, причем, не только соседних. Поэтому, например, Ирак нельзя воспринимать просто как «нормальную» страну, даже если он сократит свои вооруженные силы. А такая страна, как Афганистан, которую сто лет назад мир мог спокойно игнорировать, может угрожать многим странам и при относительно низком уровне собственного технологического развития. Я имею в виду «Талибан» и «Аль-Каиду».

Таким образом, мы живем в более взаимосвязанном мире, чем раньше, когда стало намного проще общаться друг с другом, но и легче нанести вред. Транснациональные угрозы — наркотики, организованная преступность, торговля людьми, оружие массового поражения и международный терроризм — не знают границ и требуют широчайшего международного сотрудничества.

Что еще характеризует мир наступившего XXI века? Идея личных прав и ответственности правительств приобрели в наше время особое значение во многих частях земного шара.

И с этим же связан еще один аспект этой проблемы — ясное пониманием того, что для принятия в «цивилизованный мир» страна обязана уважать права человека и демократические принципы. Если сто лет назад демократические страны были не слишком щепетильны в выборе союзников среди недемократических государств, то теперь они не могут себе этого позволить. Возможны тактические альянсы, но поддержание и развитие стабильных отношений в западном мире предполагают обязательное совпадение, как интересов, так и определенных базовых ценностей.

Новые вызовы для России

Транснациональные угрозы, о которых говорилось выше, касаются России в той же мере, что и США. Однако не все вызовы, с которыми сталкивается ваша страна, имеют глобальный характер. Когда распался Советский Союз, новая Российская Федерация попала (и до сих пор остается) в сложную и принципиально иную геополитическую ситуацию. У нее появилось 14 новых соседей, многие из которых раньше никогда не были независимыми государствами, а некоторые родились в огне гражданских конфликтов, угрожающих стабильности России. Часть России, а именно, Калининградская область, к тому же географически изолирована от остальной территории.

Конечно, не все новшества, относящиеся к внешней политике, были плохими. Граница с Китаем стала короче, но более ясной. Россия, хотя она и меньше Советского Союза, осталась огромной страной, раскинувшейся на всю Евразию. И самое главное, Российская Федерация оказалась в лучшем, чем Советский Союз, положении с точки зрения выстраивания конструктивных отношений с окружающим миром, ее интеграции в мировую систему до пределов, определяемых интересами самой России.

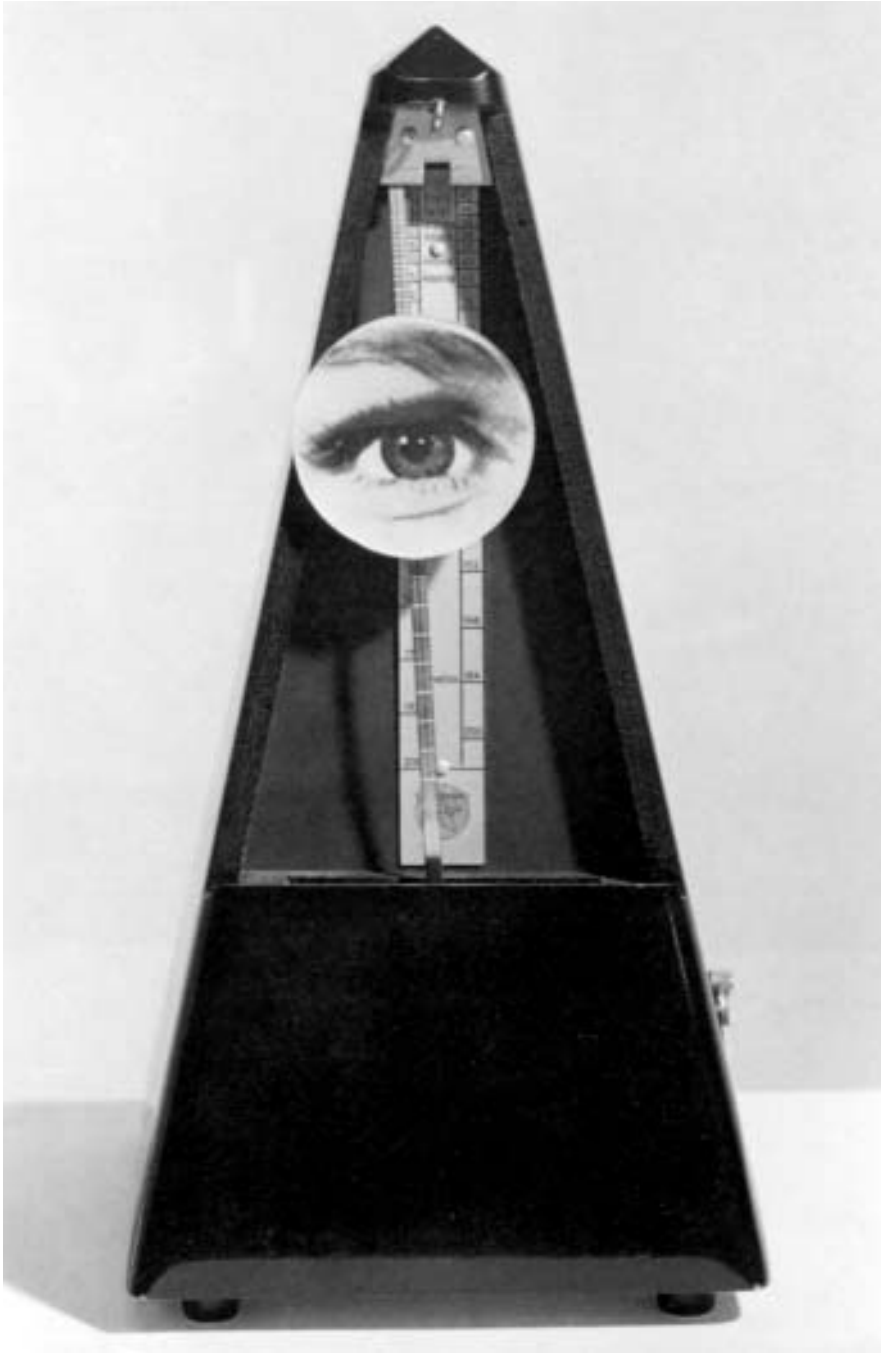
Однако экономически новая Россия, богатая по-прежнему природными и людскими ресурсами, стала слабее Советского Союза. Ее политическое будущее, если и не *tabula rasa*, тоже достаточно неопределенно, в смысле вероятных направлений развития.

В 90-е годы Россия допустила ряд ошибок в поисках экономической и политической модели развития, когда пыталась судорожно определить свой курс, который наилучшим образом служил бы ее интересам.

Десятилетие спустя картина изменилась в положительную сторону. Во внешнеполитическом аспекте большинство соседей России не представляют угрозы для ее стабильности или благосостояния. Отношения с Китаем стали сердечными и партнерскими. Пограничный вопрос в основном улажен. К западу новые страны развиваются в демократическом направлении, за исключением Белоруссии. В результате, западное направление, откуда чаще всего начинались вторжения в Россию, перестало быть для нее военной проблемой. Фактически Россия находится сегодня в наиболее безопасном положении за всю свою историю. И такая ситуация, скорее всего, будет сохраняться долго.

Однако не все предстает в розовом свете. Ни один из конфликтов, сопровождавших крушение СССР, не разрешен — ни абхазский, ни приднестровский, ни нагорно-карабахский. Они тлеют, а не горят, но сама их неразрешенность создает угрозу миру. В отдельных случаях, как, например, в связи с большим количеством оружия и военного снаряжения, оставшегося в Приднестровье, опасность распространения конфликта за пределы региона остается.

Южные соседи России на Кавказе и в Средней Азии, хоть и не представляют прямой угрозы, являются потенциальным источником этнического и религиозного экстремизма, распространения наркотиков и преступности. Их ограниченный — а иногда и отрицательный — прогресс на пути к демократии и рыночным реформам усиливает опасность дестабилизации на южных рубежах России. Дальше на восток и на юг России стоит внимательно следить за такими странами, как Иран, Ирак, Северная Корея, которые активно стремятся добыть ядерное, химическое или бактериологическое оружие. В этом случае Россия должна пожертвовать своим желанием развивать коммерческие контакты, чтобы не ускорять наступление дня, когда эти страны обзаведутся



Ман Рэй. Неразрушимый объект. 1965

ОМП и будут представлять реальную угрозу, которая может не только дестабилизировать регион, но подорвать безопасность всего мира.

Китай — еще одна проблема. Мы все рады, что враждебность между Китаем и Россией в основном устранена, но некоторые вопросы остались. Может ли большой и растущий разрыв в населении и богатстве по разные стороны вашей границы со временем привести к трениям? Может ли огромная масса ору-

жия, проданного Россией Китаю — по понятным коммерческим соображениям — усилить нестабильность в Азии? Китай стремится заполучить современное оружие отчасти для того, чтобы подкрепить свои претензии на Тайвань. Если в Тайваньском проливе вспыхнет война, это приведет к серьезной дестабилизации восточных границ России и подрыву российских торговых связей на Востоке. И у России не будет возможностей как-то повлиять на исход событий. Все это сегодня представляет для России проблему.

Во внутренних делах баланс в основном положительный, но и здесь остаются вызовы. Экономически Россия восстановилась настолько, насколько в августе 1998 года можно было только мечтать. Четыре года продолжается экономический рост, постоянно растут реальные доходы населения, валютные резервы надежны, сокращаются долговые обязательства, возрастает сбор налогов, предпринимаются значительные усилия по развитию малого и среднего бизнеса. Уверенность бизнеса и внутренние инвестиции на подъеме. Тот факт, что Кипр стал третьим из крупнейших иностранных инвесторов в России, доказывает, что капиталы, ранее ушедшие из страны, возвращаются — возрастают и потенциальные возможности привлечения иностранных инвестиций. А объем важных реформаторских законов, принятых за последние три года, просто впечатляет.

Но распределение богатства в Российской Федерации весьма неравномерно — всем известно, что Москва и Санкт-Петербург не типичны для страны в целом. Экономика больше, чем хотели бы россияне, зависит от экспорта природных ресурсов и мировых цен на нефть. А несоблюдение договоров, с которым сталкиваются порой иностранные инвесторы, тормозит новые вложения. Полноценное проведение новых реформ во всех 89 регионах России представляет собой грандиозный вызов, поскольку им противостоят некоторые из местных лидеров и криминальные группировки, стремящиеся сохранить существующее положение.

Что касается российского общества — оно легко адаптируется, склонно к самоидентификации, характеризуется глубоким чувством истории и исторической значимости России. Оно хорошо образовано и уже преодолело мучительность перемен и растерянность. Многие ли народы мира способны на такое? Но, даже находясь на столь высоком уровне общественного развития, Россия сталкивается с множеством проблем, в том числе относящихся и к советскому прошлому.

Сумеют ли россияне справиться с распространением наркомании, СПИДа, алкоголизма? Сможет ли страна преодолеть падение продолжительности жизни и низкий уровень рождаемости, грозящие сократить ее население со 140 до 100 миллионов к середине века? Сумеет ли она сдержать силы ненависти и этнической нетерпимости, все чаще проявляющиеся в последнее время? Хватит ли в России смелости для нахождения политического решения кровавой войны в Чечне (которая продолжается, несмотря на уверения правительства в нормализации положения)? Удержит ли российское руководство под контролем службы безопасности, под флагом борьбы с терроризмом допускающие подчас серьезные нарушения прав гражданского населения?

Не менее важен и следующий вопрос: как будет политически организовано российское общество? Россия сегодня строит демократию. Но будут ли конкурентные выборы, свободные от правительственного вмешательства? Или Россия создаст управляемую демократию, когда государство тщательно регулирует уровень политической конкуренции, телевизионные новости и исход выборов? Будут ли россияне иметь право поддерживать отношения между собой и с людьми за рубежом по своему желанию или государство будет контролировать связи с иностранцами и обмен письмами в Интернете? Останется

ли Россия открытой окружающему миру или — как некогда в прошлом — попытается отгородиться от иностранного влияния? И зависят ли ответы на эти и другие вопросы непосредственно от россиян или от российского государства?

Конечно, в этом важную роль играет законодательство. Недавние законы о судебной реформе, например, представляют собой самое большое достижение в этой сфере со времен Александра II. Но *определяющим фактором* являются не законы, а отношение российского народа к вопросам власти, свободы, терпимости и представление людей о стране, в которой они хотят жить. Законы могут пересматриваться или не соблюдаться, но это гораздо труднее сделать, если народ верит и настаивает, чтобы закон действовал согласно его духу, а не «букве», формально.

В XXI веке демократическая страна, в которой с народом обращаются справедливо, имеет больше шансов установить стабильные и долговременные отношения с Западом

Все это — не только внутриполитические или социологические проблемы. Они влияют и на отношения России с окружающим миром. Я уже отмечал, что в XXI веке демократическая страна, в которой с народом обращаются справедливо, имеет больше шансов установить стабильные и долговременные отношения с Западом. Это не значит, что Россия должна становиться копией США или другой западной страны. Россия была и всегда будет Россией. И, конечно, демократии не идентичны — например, США — не Франция. Это значит лишь, что существует базовый набор общих ценностей, которые надо признавать — и на словах, и на деле — чтобы развивать тесные отношения.

Что-то в этом же роде верно и для экономики и торговли. Для привлечения инвесторов, разумеется, жизненно важно, чтобы они знали, что их контракты можно при необходимости отстоять в суде на законных основаниях. В условиях зрелой рыночной экономики большая часть деловых договоров никогда не оспаривается в суде. Деловые отношения по-настоящему скрепляют взаимное доверие сторон и исполнение обязательств, а не принуждение.

Я могу проиллюстрировать эту позицию, сославшись и на печальные примеры

недавних трудностей моей страны с определенными корпорациями. Соединенные Штаты сейчас имеют большой текущий платежный дефицит – около 4 процентов ВВП, а вскоре эта цифра может вырасти до 5 процентов. В числе прочего, это означает, что США должны постоянно привлекать иностранные капиталы – около миллиарда долларов в день ежедневно.

Большая часть этих денег приходит в форме вложений в акции американских компаний. Но чтобы люди вкладывали, у них должно быть доверие к картине благополучия, которую рисует та или иная компания, верить в ее прибыльность и перспективы. Между тем, хорошо известно, что произошло в компаниях «Энрон», «Глобал Кроссинг» и «УорлдКом». Будут и другие. Хотя я уверен, что подрыв доверия, к которому привели эти компании, коснется лишь небольшой доли американских фирм, но ущерб был нанесен. Вера в правдивость отчетов американских фирм пошатнулась, и результатом стало падение котировок на бирже. Для страны, которая должна ежедневно привлекать иностранный капитал, это серьезное дело.

В несколько ином контексте, подобный вызов – вызов доверия – затрагивает и Россию. Я имею в виду, что американские инвесторы по-новому посмотрели на вашу страну в последние год-два, и некоторые из них сейчас готовы вкладывать свои деньги. И как раз здесь встает проблема доверия. Когда бизнесмены решают, вкладывать ли в Россию (или в одну из сотен других стран мира), они смотрят, конечно, на законы. Но они также спрашивают себя, можно ли верить российским законам, судам, правительству, бизнесменам. Этому не способствуют многие истории об иностранцах, потерявших свои вложения – как это случилось, например, с американской фирмой «Сойер» под Владимиром – такой опыт пугает многих потенциальных инвесторов.

Но необходимость доверия не ограничивается бизнесом и инвестициями. Одно из негативных последствий конца разделенной Европы связано с существовавшим недоверием между странами бывшего Варшавского договора и Советским Союзом. В значительной степени это недоверие, к сожалению, сохраняется в отношении России. Бывшие страны Варшавского договора и постсоветские республики хотят укреплять связи с Россией, но они все еще подозревают, что Россия стремится не только к добрососедским отношениям, но и к господству над их политикой и экономикой. Отчасти – но только отчасти – этим объясняется желание многих стран вступить в НАТО. Отсюда же и напряженность с некоторыми среднеазиатскими и кавказскими государствами.

Некоторые тревоги этих стран беспочвенны и могут рассматриваться как исторические реликты. И, конечно, Россия в свою очередь тоже испытывает озабоченность и недоверие по отношению к другим странам. Есть они и в моей стране, в том числе, среди влиятельных людей, все еще не освободившихся от подозрений холодной войны.

Отношения США и России

И это приводит нас — несколько кружным путем — к отношениям между нашими двумя странами. Для США это не просто важные, а критически важные отношения. Дело не в сентиментальности или идеализме. Россия — важнейший ключ к стабильности в Евразии. Она простирается от Центральной Европы до Восточной Азии — а у США есть жизненные интересы в обоих этих регионах. Факты просты и упрямы: Европа и Азия не могут быть стабильными и процветающими, если они граничат с нестабильной Россией; то есть либо ограничивающей суверенитет своих соседей, либо стремящейся изменить политический и экономический порядок на этих двух континентах.

Советский Союз был именно такой державой. Только путем напряженного, дорогостоящего и потенциально губительного военного балансирования мы могли сдерживать советскую военную мощь, пока коммунистическая система не рухнула из-за своих внутренних противоречий. Сегодня, однако, мы имеем дело с другой страной, руководствующейся теми же ценностями, что и мы, и имеющей совсем другую повестку дня, чем у СССР. Теперь самыми подходящими средствами сохранения стабильности и благополучия в Евразии являются стабильность и благополучие самой России. России, согласной с международной экономической и политической системой, в которой она участвует, ощущая, что к ее голосу прислушиваются. России, поддерживающей со своими соседями нормальные отношения, основанные на взаимном уважении и взаимной выгоде, а не на гегемонистской политике имперского прошлого. России в качестве эффективного партнера и союзника в решении глобальных вызовов, о которых я упоминал ранее. Это первостепенные цели американо-российских отношений.

Я должен подчеркнуть, что эти цели ни в коей мере не противоречат российским интересам — напротив, они полностью отвечают им. Думаю, именно это совпадение интересов лежит в основе кардинального улучшения российско-американских отношений, происходившего в течение последнего года, после встречи Буша и Путина в июне 2001 г. в Любляне.

Как это совпадение интересов проявляется на практике? Многое можно увидеть, рассматривая итоги визита президента Буша в Москву и Санкт-Петербург, а также других встреч, проходивших этой весной. Они демонстрируют нашу поддержку интеграции России в западные институты, например недавнее решение о полномасштабном включении ее в «восьмерку», начиная с 2006 года, когда Россия будет председателем и устроителем ежегодной встречи G-8. Мы также всячески поддерживаем вступление России во Всемирную торговую организацию на нормальных условиях — не более и не менее строгих, чем для любой другой страны-претендента.

Визит президента Буша актуализировал также наши усилия по расширению торговли и инвестиционной деятельности. Как посол, я не удовлетворен нынешним уровнем развития торговли и инвестиций — он меньше, чем с Коста-Рикой. Но США, в то же время, занимают первое или второе — по разным рейтин-

гам — место по объему прямых иностранных инвестиций в Россию (6,3 миллиарда), и наши инвестиции имеют тенденцию к росту, особенно, в энергетике. Два наших президента сделали важное совместное заявление по энергетике, в котором обозначена перспектива превращения России в главного поставщика энергии на американский рынок. Мы будем стараться перевести его в конкретные договоренности на энергетическом саммите России и США в Хьюстоне.

Думаю, что президент Путин поступил мудро, сосредоточившись на том, что могут НАТО и Россия сделать вместе для отражения общих вызовов XXI века

Еще раз повторяю, расширение инвестиций и торговли не имеет ничего общего с сентиментальностью. По расчетам наших фирм, здесь можно делать деньги, а вашей стране их вложения помогут обеспечить экономический рост — то есть создавать рабочие места, внедрять новые технологии, повышать эффективность и предпринимательские умения. Этого нельзя добиться силой, государственным дирижированием — только совпадением интересов. Но России надо добиваться большей предсказуемости для инвесторов, которым нужна уверенность, что деньги, вложенные сегодня, не будут украдены завтра.

Недавние встречи показали, что поворот в наших отношениях по проблемам безопасности, также основан на совпадении интересов. На московском саммите был подписан договор о сокращении стратегических наступательных вооружений, который уменьшит наш стратегический ядерный потенциал почти на две трети. Примечательно, что мы достигли этого соглашения без многолетних переговоров с участием многолюдных делегаций в Женеве. Это означает, что наша безопасность зависит не от мелочных торгов по поводу количества и типа боеголовок и систем их доставки, имеющихся у каждой стороны, а от совместной работы по отражению новых угроз XXI века.

Вместе с тем, я думаю, что историки расценят данный договор как менее важное событие, чем второе подписанное в Москве соглашение — совместную декларацию президентов Буша и Путина о новом стратегическом партнерстве. Этот документ определяет дальнейшие шаги совместной работы по решению новых проблем безопасности. Он обязывает нас совместно противодействовать терроризму, распространению оружия массового поражения, наркоторговле и организованной преступности. Создаются рамки открытости и сотрудничества в вопросах противоракетной обороны — что отражает нашу общую озабоченность ростом угроз со стороны государств, стремящихся получить технологию производства ракет большой дальности, способных нести ядерные, химические или биологические заряды. Не будет преувеличением сказать, что совместная декларация знаменует начало долговременного стратегического партнерства — возможно, и союза — двух наших стран, основанного на общих интересах.

Эти общие интересы действуют и на многостороннем уровне. На встрече «восьмерки» в Канаде мы получили поддержку европейцев и Японии относительно создания нового «глобального партнерства» против распространения вооружений. В результате 20 миллиардов долларов будет вложено в проекты по уничтожению и охране ядерных, химических и прочих материалов, используемых в процессе производства ОМП, в России и, возможно, в других странах СНГ, чтобы не допустить их попадания в руки террористов или стран-разбойников. Мы надеемся, что в свете этой инициативы Россия ужесточит контроль в отношении ядерного сотрудничества с Ираном.

Мы также предприняли новые энергичные шаги по установлению новых отношений России с НАТО. Я принимал активное участие на первом этапе по установлению сотрудничества НАТО и России, и должен признать, что достигнутые тогда результаты были неудовлетворительными. В связи с созданием совета «НАТО-Россия», соглашение о котором было подписано в Риме, мы получили второй шанс.

Думаю, что президент Путин поступил мудро, сосредоточившись на том, что могут НАТО и Россия сделать вместе для отражения общих вызовов XXI века, а не на попытках остановить расширение НАТО. Принятие новых членов ни в коем случае не угрожает безопасности России: напротив, оно помогает стабилизации ее западных соседей. Новые отношения с Альянсом дают России место за столом при обсуждении многих проблем, по которым интересы вашей страны и НАТО совпадают. Мы не говорим о закулисном членстве или о праве вето России на решения НАТО. Точнее будет говорить об «альянсе с Альянсом», совместном предприятии двух независимых структур в сфере совместных интересов.

Существует много областей, в которых имели бы смысл совместные действия НАТО и России. Но для реализации потенциала сотрудничества мы опять же должны добиться взаимного доверия обеих сторон. И НАТО, и совет «НАТО-Россия» — консенсусные структуры. В них нет голосования, все члены должны согласиться с каждым словом каждого решения. Этот принцип работает внутри НАТО благодаря двум вещам: руководству генерального секретаря и особенно — «культуре консенсуса» стран Альянса. Это значит, что союзники по НАТО, входя в зал заседаний совета, понимают: при всех своих различиях они должны достичь консенсуса, сколько бы времени это не потребовало. Так работает НАТО, и так должен работать совет «НАТО-Россия». Без культуры консенсуса «двадцатки» новый форум провалится.

Первоначальная повестка дня нового совета довольно скромна и включает ряд специфических тем для сотрудничества. Это мудрое начало, позволяющее добиться нескольких быстрых результатов, чтобы преодолеть скептицизм в отношении совета и избежать разочарований на ранней стадии. Успех порождает успех, и, если все будут довольны работой совета, его структура позволит расширить круг вопросов совместного обсуждения и принятых решений. С другой стороны, если члены совета будут разочарованы в нем, он станет бесполезным. На мой взгляд, включение России в европейские структуры имеет решающее значение и для России, и для Европы, и для Соединенных Штатов. Мы просто обязаны добиться, чтобы это сотрудничество наладилось.

Экономические отношения и сотрудничество по вопросам безопасности — лишь два измерения новых американо-российских отношений. Мы также тесно сотрудничаем в урегулировании региональных конфликтов на Ближнем Востоке, в Южной Азии и на Балканах, в послевоенной стабилизации Афганистана. На майском саммите два президента также договорились о расширении межличностных связей — образовательных обменов, научно-технического и медицинского сотрудничества, совместных усилий по развитию предпринимательства, продвижения принципа верховенства права, защиты окружающей среды и так далее. Они обсуждали пути упрочения независимости средств массовой информации в России, оглядываясь на американский опыт. Во всех этих областях нам надо ориентироваться на общие интересы — тогда мы сможем расширять основы нашего сотрудничества.

Перевел с английского
Юрий Гиренко

Геополитика после 11 сентября

Лучо Караччоло, главный редактор международного журнала «Limes» (Италия)

После 11 сентября мир живет в состоянии разгадывания огромной метафоры «война против терроризма». Это именно метафора, так как каждый интерпретирует ее по-своему.

Мнение о том, что 11 сентября – это восстание бедных против богатых, мне лично представляется ошибочным. Господин бен Ладен никак не может быть причислен к пролетариату! И те, кто входит в террористические организации, тоже, как правило, отпрыски богатых аристократических семей. Терроризм нельзя воспринимать как явление только социальное или экономическое; это явление политическое. Тот, кто сегодня считается террористом, завтра может быть назван защитником свободы, и наоборот. У нас есть много свежих примеров по этому поводу. В частности, «Армию освобождения Косова» до февраля 1998 года американцы считали террористической организацией, с марта 1998-го – она уже освободительная. Поэтому я бы скал так: террорист – это тот, кого мы считаем террористом. Объективных определений здесь нет, что объясняет отчасти и то, почему не может начаться глобальная война против терроризма.

Говоря об «Аль-Каиде», я тоже прибегаю невольно к метафоре, потому что это всего лишь одна из многочисленных исламских организаций, которые вдохновляются ваххабизмом, подпитываемым Саудовской Аравией. Аравия же использует террористические методы, чтобы достичь своих целей, тогда как ваххабиты хотят ликвидировать «коррумпированные режимы», чтобы возвысить Египет, Саудовскую Аравию и Пакистан. Победив в этих и в других мусульманских государствах, они думают затем перейти к разрушению Израиля и к провозглашению Палестины. И, в конце концов, хотят провозгласить халифат и консолидировать арабский мир в рамках халифата. Но это в теории. Что же касается практической стороны дела, то многие террористические исламские группы преследуют вполне конкретные цели, и часто вступают в конфликт между собой.

Борясь против террора, фактически любая страна старается извлечь свою геополитическую выгоду. В то время как Европейский союз «опоздал на поезд». В Европе еще до сих пор не очень хорошо поняли, что 11 сентября начался новый период исторического развития, который будет длиться довольно долго, и все мы выйдем из него другими. Другими станут мировая иерархия, отношения между разными странами, характер и способ выстраивания этих отношений.

Свое впечатление, что европейцы «опоздали на поезд», я объясняю тем, что, разгадывая метафору, мы так и не сформулировали наши интересы. У этого есть исторические корни, потому что с интеллектуальной точки зрения мы являемся наиболее консервативной частью мира. В каком-то смыс-

ле мы — самая привилегированная часть мира, и потому крепко держимся за *status quo*. Когда мир начинает быстро меняться, наша первая естественная реакция — притормозить это движение. Если в Америке, в России, в Китае, на Ближнем Востоке после 11 сентября многие люди и лидеры государств думали о 12 сентября, то мы в Европе думали, как бы вернуться в 10-е.

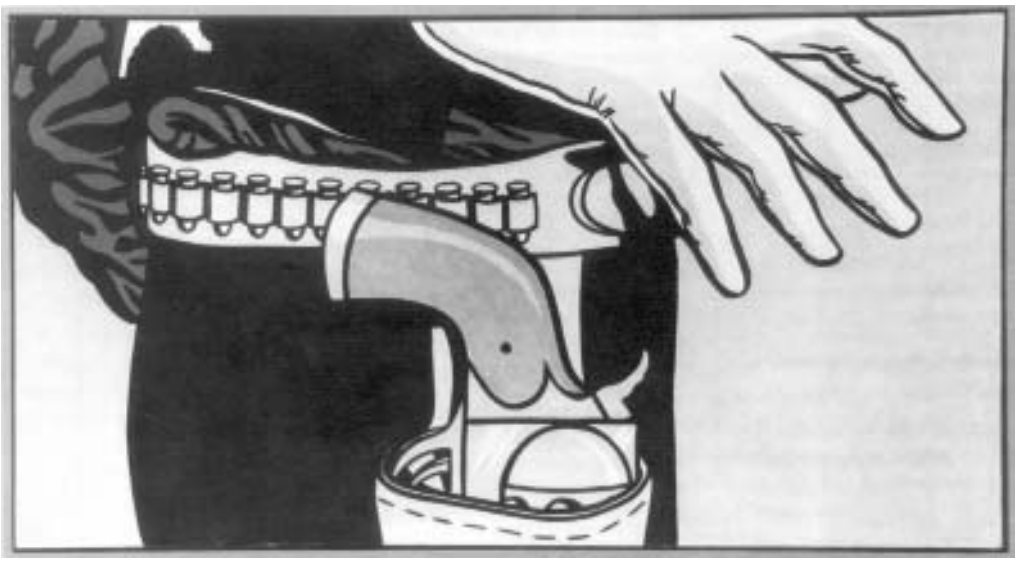
Но, кроме культурных и психологических соображений, есть и другие причины. В Европейском союзе нет адекватного представления на политическом и институциональном уровне о собственном существовании в изменившемся мире. В отличие от уже названных стран Европа — не государство, а союз более или менее интегрированных государств, которые уступили часть суверенитета сообществу, но они еще достаточно сильны, чтобы не дать союзу превратиться в государство или в конфедерацию государств. В конце концов, решения принимаются государствами, а не ЕС. По этой, в сущности, главной причине они и не смогли сформулировать европейский интерес, который можно было бы совместно отстаивать в рамках метафоры.

Сразу же после 11 сентября некоторые европейские лидеры отправились в Белый Дом, чтобы предложить президенту Бушу невостребованную помощь. Выстроилась целая очередь благотворителей, которых никто не приглашал. Это создало у американцев впечатление, что европейские лидеры, о которых они не очень-то высокого мнения, еще раз проявили себя союзниками в тот момент, «когда светит солнце», то есть, когда помощь не требуется. А когда действительно возникает чрезвычайная ситуация, она оказывается не очень-то полезной. Хотя НАТО проявила свою солидарность на основе 5 статьи Северо-Атлантического пакта, в соответствии с которой нападение на одного члена Альянса воспринимается как атака против всех остальных, в действительности, ничего не произошло, потому что НАТО мало что может предложить в рамках такой кампании, как война в Афганистане. Так, во всяком случае, было до сегодняшнего дня.

Если бы в Европе произошла атака, сравнимая с 11 сентября, американцы, разумеется, стали бы на сторону Европы. Боюсь, однако, что европейцы в этот момент отправились бы на переговоры с бен Ладеном

Кроме причин политического и социального характера и соображений, связанных с нашим консервативным менталитетом, я хочу поэтому обратить внимание на еще одно обстоятельство — на позицию США, начиная с войны в Косово. Американцы увидели, что, когда нужно вести войну всерьез, то есть, когда идет речь не о карательных операциях или мерах по поддержанию мира, НАТО является скорее препятствием, чем ресурсом. В ходе войны они были вынуждены постоянно реагировать на европейских союзников, которые предлагали (используя «красную карточку», международный запрет) прекратить бомбардировки или поражать другие цели. Мнения в Европе по поводу атаки на Югославию разошлись кардинально. Например, Италия пыталась приостановить этот процесс, и в Рамбуйе мы заняли совершенно определенную позицию, совпадавшую с российской. Поэтому самые важные миссии, выполняемые американскими вооруженными силами, начинались с американских военных баз, а европейцев уведомляли за час до их начала по факсу. Разумеется, за это время европейцы не успевали даже прочесть этот факс.

Я думаю, что Косовская война означала смерть НАТО как военной организации (по крайней мере, с американской точки зрения). После чего США решили не использовать НАТО и в Афганистане в качестве серьезного инструмента, всё более склоняясь к односторонней политике. Они хотят стать как можно более независимыми от внешнего мира,



Рой Лихтенштейн. Самый быстрый. 1963

учитывая их образ жизни, ради которого они готовы на все. 11 сентября — это, прежде всего, угроза американскому образу жизни, а не только физическая или территориальная угроза. Речь идет об идентичности американцев, для защиты которой, они уверены, приемлемы любые или почти любые средства и способы.

Если бы в Европе произошла атака, сравнимая с 11 сентября, американцы, разумеется, стали бы на сторону Европы. Боюсь, однако, что европейцы в этот момент отправились бы на переговоры с бен Ладеном. Когда в 70-е годы волна палестинского террора захлестнула Италию, тогдашний глава итальянского правительства Джулио Андреотти через разведывательные службы неформально договорился с Арафатом о том, что палестинцы не будут совершать террористических актов в Италии, а итальянцы закроют глаза на то, что палестинцы используют Италию в качестве своей базы. И это договоренность действует по сей день! Америка единственная страна в мире, которая может отвечать так, как она ответила. Другое дело, насколько эффективен ее ответ.

Несколько лет назад произошла известная перепалка между бывшим Государственным секретарем США Олбрайт и нынешним Государственным секретарем Пауэллом, который тогда стоял во главе американских вооруженных сил. Речь шла об американском вмешательстве в одном из театров военных действий, и генерал Пауэлл, как всегда, был против применения силы. Госпожа Олбрайт в какой-то момент потеряла терпение и сказала: «Господин генерал, если у нас имеются солдаты, а мы их не используем, тогда зачем они нам нужны». Пауэлл вспоминал: «Я так вспылил тогда, что подумал, меня хватит инфаркт». Между тем, госпожа Олбрайт, возможно, подсознательно, высказала крайне распространенную в США точку зрения: все инструменты, которыми располагает страна, могут быть использованы.

Что же касается России, то мне, как европейцу, представляется, что она извлекла наибольшую выгоду из метафоры «войны с терроризмом». Если Ширак, Шрёдер, Берлускони и Блэр шли в Белый дом с переговорными выражениями лиц, то о привлечении России и, в определенной степени, Китая для борьбы против террористов американцы думали всерьез. Во-первых, потому, что Китай и Россия — это государства, а во-вторых, они имеют серьезную разведывательную информацию не только об Афганистане, но о Центральной Азии в целом. Разведывательная информация — это ресурс номер один, чрезвычайно важный для американцев. С военной точки зрения, Америка — сверхдержа-

ва, американский военный бюджет в этом году увеличился на 54 миллиарда долларов. Эта прибавка соответствует двойному военному бюджету Италии. По сравнению с американцами мы в Европе тратим на оборону всего 15 процентов от того, что тратит Америка. Разрыв огромен, и я думаю, что его не преодолеть даже за ближайшие 30–40 лет, если только Европа не пойдет по пути гонки вооружений, а на это европейцы не склонны тратить свои деньги.

После 11 сентября Россия стала опять чего-то стоить в Европе. Поэтому любой европейский лидер не может говорить о будущем Европы, не вводя в это уравнение Россию. Тогда как до 11 сентября многие думали, что ее можно выстроить без учета российских интересов, а страны Восточной и Центральной Европы весьма негативно восприняли открытость в российско-американских отношениях. Поляки говорили: «если уж кто точно проиграл от 11 сентября, так это Польша». Подобного рода рассуждения были достаточно расхожими, но сейчас они уже не срабатывают. Мы не сможем ничего сделать без России по причинам, если угодно, структурного порядка, куда более глубоким, чем события 11 сентября, которые, как лакмусовая бумажка, проявили их.

11 сентября изменило имидж России, многие европейцы увидели в ней геополитический фактор, без которого нельзя обойтись. Его можно оценивать по-разному, но вынести за скобки нельзя. И самое поразительное, что первыми об этом сказали американцы. Они «открыли» Россию и заставили европейцев сделать то же самое. Путин весьма искусно использовал американское заявление для того, чтобы вернуться в Европу и «заякорить» Россию в Европе. Это — решающий фактор, и он, безусловно, соответствует российским национальным интересам и модернизации страны.

* * *

11 сентября показало, что международный терроризм не нуждается в мощных военных структурах, чтобы нанести серьезный ущерб сверхдержаве. Несколько лет назад появилась книга двух китайских полковников «Война без границ», где они пишут, что даже предметы и вещи, которыми мы пользуемся в нашей повседневной жизни (например, самолеты), могут стать опасным оружием. И террористы это подтвердили.

США были втянуты в военную операцию не напрямую Саудовской Аравией, а группой, которая пользуется поддержкой в королевской семье. Американцы прекрасно это знают, но поскольку они не могут окончательно и открыто порвать отношения с Саудовской Аравией (США на 15 процентов зависят от энергоресурсов этой страны), то стараются все жестче воевать за столом. Сейчас закрываются, например, многие исламские фонды, которые появились в свое время в Соединенных Штатах и в других регионах мира, так как они были им выгодны. Можно вспомнить в этой связи о войне, которую Советский Союз вел в Афганистане, о Боснийской кампании, когда моджахеды финансировались исламскими организациями при американской протекции. Теперь же американцы хотят быть более независимыми от арабских энергетических ресурсов и делают ставку на российские поставки энергоносителей.

Мы же, европейцы, с большим опозданием пытаемся вскочить на подножку уже отошедшего поезда. Дискуссия по этому поводу пока что носит латентный характер, но уже со следующего года она наверняка станет публичной. Поскольку становится очевидным, что Европейский союз и Европейская комиссия значат все меньше. Возрастает роль межправительственных связей. Европейский совет, куда входят главы европейских государств, становится более важным совещательным органом согласования частных интересов. Межправительственная система, отодвигающая на второй план ЕС, все более явно формирует в последнее время собственное руководство, опирающееся на две страны Европейского союза — Францию и Германию. В рамках этих отношений другие значимые европейские страны, в том числе и Италия, в свою очередь пытаются разыграть собственные карты.

В перспективе складывающееся руководство могло бы стать ядром европейской конфедерации в рамках Европейского союза. Европейцы отдают себе отчет в том,

что уже в ближайшие два года Европа примет другие контуры, она будет более гетерогенным, разнородным пространством, в котором трудно представить появление единого политического субъекта. Уже в Европе 15-ти это было маловероятно, а в Европе 25 или 28 — абсолютно невозможно! Поэтому в военных вопросах она не сможет вести диалог с русскими, американцами, китайцами и т.д.

Демократические институты — это государства, которые считают себя демократическими. И если мы хотим расширить пространство демократии, нужно говорить о европейском государстве, которое может сформироваться только в рамках европейского ядра. Если же мы будем лишать нации суверенитета, не создавая при этом европейского государства, возникнет дефицит демократии, не только с практической точки зрения, но и с точки зрения менталитета. Европейцы могут убедить себя, в конце концов, в том, что демократия никому не нужна. И это будет парадоксальным и опасным результатом того, что мы называем европейским строительством.

На мой взгляд, сегодня надо говорить не о Европе в общем смысле, а о трех Европах. О европейском «ядре», которое может быть создано в течение ближайших лет из 7–9 стран. Во-вторых, о Европейском союзе, как общем пространстве с единой экономикой и единой валютной системой. В нем может быть 25–28 стран, включая бывшие советские республики. Европейский союз — это не геополитический субъект, и с большой долей определенности можно сказать, что он никогда не станет таковым, если и дальше будет расширяться. Потому что, чем больше пространство, тем меньше однородности. Но, с другой стороны, когда мы ввели общую валюту, логика и демократия призывают нас к тому, чтобы мы объединили наши политические институты. Я, откровенно говоря, не очень-то верю, что евро будет долго жить, если рано или поздно не будут созданы серьезные, ответственные политические институты.

И, в-третьих, — еще более широкий круг — «Пан-Европа», куда входит и Россия. В отличие от президента Европейской комиссии, я не думаю, что она может стать членом Европейского союза в строгом смысле этого слова. Полагаю, что панъевропейским может называться лишь такое пространство, где будут царить общие правила и иметься общие ресурсы. Я настаиваю при этом на слове «правила», потому что отличие общеевропейского пространства — если оно действительно возникнет — будет заключаться не в увеличении объема торговли, но в создании единого свода правил, которые смогут благоприятствовать торговым отношениям и взаимным инвестициям. Мне кажется, что это — решающий фактор для такой страны как Россия, которая нацелена на то, чтобы построить экономику, основанную не только на нефти и газе, но и на производстве товаров широкого потребления, абсолютно необходимом для развития страны.

На мой взгляд, сегодня надо говорить не о Европе в общем смысле, а о трех Европах

В этом пространстве общих правил основную роль могут играть культура и информация. В Европе разные культуры, разные языки, разный исторический опыт, разное восприятие истории, и очень важно, чтобы эти разные начала могли сообщаться между собой. Я думаю, что культура будет той качественной сваркой, которая сможет спаять это пространство.

Ситуация в Америке после финансовых скандалов и состояния дел на бирже, может оказать давление на нынешнюю администрацию, чтобы разыграть военную карту в Ираке для достижения внутреннего консенсуса в год выборов. Но через 5–10 лет, я надеюсь, уже больше не будет разговоров о войне с терроризмом, потому что не будет терроризма, ибо опасности, которые проявились 11 сентября, будут преодолены. Тогда общеевропейское пространство, возможно, станет действительностью.

Перевел с итальянского
Геннадий Киселев

Ален Лансло, профессор, эксперт и член научного совета Фонда Робера Шумана (Франция)

Европа и демократия

Европейцы настолько привыкли выступать в качестве поборников демократии рассматривать права человека как свое преимущественное и едва ли не единственное общее кредо, что стали бессознательно считать слова «Европа» и «демократия» синонимами. Однако такой подход представляется несколько опрометчивым. Связи между Европой и демократией не столь однозначны: в европейском наследии, как в области идей, так и в области практики, с точки зрения демократии лучшее соседствует с худшим.

Сначала о лучшем, ибо было бы несправедливо не признать, что Европа находится у философских истоков демократии. Не претендуя на последовательный анализ европейских источников демократии, обрисую главные этапы этого движения.

В начале была античная Греция, от которой демократия и получила свое имя. Именно Греция установила в своих свободных городах принцип народного самоуправления. Разумеется, здесь народ не тождествен совокупности жителей: гражданство принадлежит исключительно свободным мужчинам, но не их женам и не рабам. Тем не менее, возникновение демократического гражданина, избирающего и сменяющего своих правителей, публично выражающего свое мнение, участвующего в публичных дебатах, явилось колоссальной революцией, которая оказала мощное воздействие на политику Римской республики и Римской империи.

После ночи Средневековья — во время которой, однако же, то, что мы называем конституционным и избирательным правом, сохранялось и уточнялось в уставах монастырей — демократические идеи и чувства возникают вновь в идейных движениях, противопоставивших себя таинствам веры и авторитету Откровения. Я имею в виду просвещение разума и ценности критического духа и свободного исследования. Это направление последовательно заявляет о себе с рождением гуманизма в обстановке интеллектуального расцвета Возрождения XV–XVI веков, затем в Реформации и протестантизме, чтобы впервые политически оформиться в Англии в 1689 году в виде «Билля о правах» и в 1690-м в виде «Трактата о Правительстве» Дж. Локка. Это был драгоценный посев, который принес обильную жатву в век Просвещения, когда французские философы и их последователи в Новой Англии продолжили дело британцев и заложили

основы конституционного строя, создав великие универсальные декларации прав, среди которых главной остается «Декларация прав Человека и Гражданина», принятая представителями французского народа 26 августа 1789 года. Слово «представители» имеет особое значение, так как именно в XVIII веке, сначала в Англии, затем в США и во Франции, реально возникла представительная демократия, которая затем, вместе с экспортом революции, распространила свои принципы на значительную часть Западной Европы. Свобода сходит со страниц книг, речей и деклараций, чтобы воплотиться на практике. И ее осуществление следует за последовательным расширением избирательного права, которое становится в Европе всеобщим — или почти всеобщим — между серединой XIX и серединой XX веков.

Расширяясь политически, демократия расширяется социально. И по мере того, как дают о себе знать социальные последствия промышленной революции — зачастую весьма драматические — демократическая практика обогащается идеями и опытом особого рода: для защиты наиболее слабых и обездоленных слоев населения формулируются новые права, которые гарантируются специальным законодательством. Это движение достигает кульминации непосредственно после второй мировой войны — с распространением по всей Западной Европе идей и практики welfare state, государства всеобщего благосостояния.

В этот момент демократия, по-видимому, должна была распространиться также на сферу международных отношений, ответив, наконец, в условиях послевоенной разрухи на призыв Иммануила Канта, сформулированный им в 1795 году в проекте «вечного мира». Новое расширение демократии получило выражение во «Всеобщей Декларации Прав Человека», разработанной под руководством французского юриста, профессора Рене Кассена и принятой в 1948 году Генеральной Ассамблеей ООН, а также в «Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод», принятой странами–членами Совета Европы в 1950-м. Эта Конвенция замечательна тем, что не ограничивается провозглашением прав, но создает юридический орган для их защиты — Европейский суд по правам человека, заседающий в Страсбурге.

Охватывая мысленным взором путь, проделанный от ограниченной демократии греческого полиса до первых попыток наднациональной демократии, как не восхититься уникальным вкладом Европы в расцвет демократии? Увы, такое воззрение на историю сквозь розовые очки уравновешивается другим, гораздо более мрачным взглядом. Ибо в политическом наследии Европы худшее соседствует с лучшим, и не будет преувеличением сказать, что Европа стоит также у истоков антидемократических течений, самых систематических и самых зловеще эффективных. Я ограничусь тем, что обрисую три большие системы: абсолютизм, революционную диктатуру и антиэгалитарную контрреволюцию.

* * *

Абсолютизм во многом обязан своим происхождением превратному истолкованию христианства, обожествившему монархию, исходя из слов Христа: «Отдайте кесарю кесарево, а Богу — Богово». Эти слова не означают, конечно, будто кесарь — это Бог, как раз наоборот. Но из них можно вывести идею о безразличии Бога к носителю политической власти (каким бы ни был этот кесарь, это Меня не касается, ибо «Мое царство не от мира сего»), либо идею о признании Богом законности монархии, по отношению к которой надо выполнять свои обязанности. Эта вторая интерпретация питает абсолютизм монархии по божественному праву, который приобрел архетипические черты во Франции XVII века. Король, легитимность которого основана на святости коронования, является источником всяческой власти. Он может выслушивать советы, но его решения должны исполняться беспрекословно. Эта абсолютная власть может установиться только в результате уничтожения всех посредствующих звеньев между Королем и его подданными: ни дворянство, ни духовенство, ни судьи, ни буржуа не могут выражать свое мнение от имени сословия или быть представленными какими-либо учреждениями, равно как и провинции не могут противить-

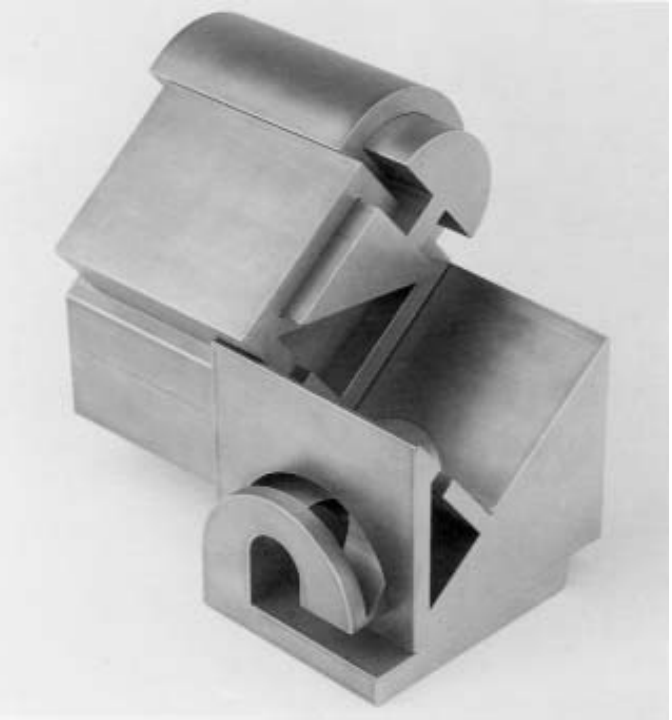
ся королевской власти. Абсолютизм — это равенство и единообразие всех под властью одного, институциализирующегося в виде мощного центрального государства, представители которого управляют всеми территориями. Порядок главенствует над правосудием, а прогресс осуществляется исключительно Государством, вторгающимся во все области жизни. Франция, увы, имела много последователей по всем этим пунктам.

Над абсолютизмом, препятствующим зарождению любых форм политической жизни, за исключением придворных интриг да голодных бунтов, одержать верх может только революция, как это и произошло в 1789 году. Но всякая революция имеет тенденцию радикализироваться, пожирая собственных детей. Французский опыт показывает, что потребовалось менее трех лет, чтобы перейти от мирного этапа к этапу воинствующему, и менее четырех — чтобы перейти от демократической революции к революционному террору, который выворачивает абсолютизм наизнанку, как перчатку, устанавливая кровавую тиранию захватившего власть миноритарного авангарда. Эта «клика» делает вид, будто выступает от имени всего народа, в действительности опираясь на милицию, которая говорит только на языке насилия. Она оправдывает свой террор угрозой со стороны внутреннего и внешнего врага и необходимостью диктатуры ради общественного спасения и рождения нового общества, освобожденного от угнетателей. Эти последние определяются абстрактными категориями (аристократия, высшее духовенство и так далее), независимо от реальных действий. Таким образом, целые семьи, включая детей, истребляются во имя свободы, равенства и братства. Пароксизм террора продолжался менее года, с 10 октября 1793 по 28 июля 1794-го, но оставил неизгладимый след в революционном воображении европейцев. И не надо быть великим провидцем, чтобы обнаружить его влияние на марксистско-ленинскую теорию и практику диктатуры пролетариата. Этой теории и практике, увы, предстояло господствовать в течение 34 лет, пока длился пароксизм сталинской власти, и продолжаться еще около 38 лет после смерти Сталина. Надо признать, что коммунистический тоталитаризм зародился в Европе и был порождением европейских теоретиков, среди которых французам принадлежит не последнее место.

Так возникло в Европе, часто при участии французских мыслителей, течение антиэгалитарной контрреволюции, нашедшее самое ужасное выражение в национал-социалистическом тоталитаризме. Подобно тому, как абсолютная Революция стремится обернуть абсолютизм в свою пользу, антиэгалитарная Контрреволюция стремится не столько восстановить дореволюционную ситуацию, сколько обратить против революции механизм расправ, ею же созданный: диктатуру одной партии, периодические чистки в аппарате власти, создание образа «органического врага», призванного служить козлом отпущения (расовый враг тут заменяет классового), и осуществление геноцида в промышленных масштабах. Европа, таким образом, породила не только прекрасные идеалы свободы и прав человека; она также стала матерью красных и коричневых чудовищ, которые превратили XX век в один из самых трагических в истории человечества. В свете этой трагедии выглядит особенно невероятным произошедшее демократическое возрождение, выразившееся в создании на протяжении последних пятидесяти лет европейской конструкции, даже если это возрождение сопряжено с некоторыми опасностями.

Демократические достижения европейского строительства, начиная с 1950 года, не могут быть подвергнуты сомнению. Имеет смысл начать обзор этих достижений с мира между народами. Демократия, в самом широком понимании, неотделима от международного мира. С этой точки зрения надо признать, что она нова для Европы. Действительно, найдется весьма мало европейских государств, с которыми та же Франция не вела бы войн на протяжении последних двух столетий! А две мировые войны начинались сначала как европейские гражданские войны. Постепенная интеграция европейских экономик, начиная

с «Объединения угля и стали» в 1950 году с последующим созданием «Общего рынка» в 1959-м и единого рынка в 1986–1992 годы, заканчивая Экономическим и Валютным союзом, равно как и последовательное географическое расширение Союза, который насчитывал сначала 6, затем 9, затем 10, 12 и, наконец, 15 стран-членов, — все это сформировало общность интересов и привело к увеличению обменов всякого рода, делающих новый военный конфликт немыслимым. Более того: предоставив странам-членам новое пространство и новую систему ориентиров, Европа подтолкнула бывшие империи к тому, чтобы завершить, хотя и не без трудностей, демократический по самой своей природе процесс деколонизации, прозвучавший как отходная по националистическому милитаризму. Молодые европейцы, не знавшие ни мировой войны, ни войн за деколонизацию, меньше, чем старшее поколение, могут оценить, каким чудом было такое умиротворение.



Хельмут Гёльльпойнтнер. Изменяющийся объект. 1989

Социальный прогресс имеет такое же значение, как и мир. Он является, главным образом, следствием экономического роста, опирающегося на сотрудничество и либерализацию торговли в Европе. Открытость европейской конкуренции заставила приспосабливаться сектора, чьи высокие прибыли были ранее защищены протекционистскими мерами, и оказала благоприятное воздействие на развитие секторов с высокой добавленной стоимостью, особенно в сфере обслуживания. В результате в добывающих отраслях произошел количественный и качественный скачок в профессиональной подготовке, а в перерабатывающих начался общий сдвиг в сторону профессий, связанных с большей ответственностью, с более высокой мерой взаимодействия и более высокими окладами. В 2000 году доля Евросоюза в мировом производстве приблизилась к доле США: соответственно, 20,3 и 21,9 процента.

В политическом плане построение Европы сопровождалось реальным развитием правового государства. Экономическое сотрудничество открыло путь к созданию институтов, в возрастающей степени обеспеченных международными договорами, служившими вехами в этом процессе. Это были договоры бессрочного действия. Самым важным среди них был Римский договор от 25 марта 1957 года, учредивший «Общий рынок» и создавший в Европе ранее не существовавшие институты. Один из них — Европейский парламент, с 1979 года избираемый всеобщим голосованием; он медленно расширяет свои полномочия, переходя от чисто консультативной роли к участию в принятии решений. Но еще более решающую роль сыграл Европейский суд в Люксембурге. Он состоит из 13 членов и 6

помощников в ранге генеральных прокуроров, и все они назначаются сроком на шесть лет по общему согласию стран-членов. Своими историческими решениями, принятыми в 1963–1964 годах, Суд произвел нечто вроде юридического переворота, утвердив преимущество общеевропейского права, устанавливаемого «в собственном юридическом порядке», над национальным законодательством; прямое действие этого права в государствах-членах, когда граждане могут требовать его исполнения через суд; законную прерогативу Европейского суда контролировать соответствие национального законодательства общеевропейскому посредством обязательности обращения национальных судов к Европейскому суду по вопросам интерпретации, если гражданин указывает на противоречие между предъявляемой ему статьей национального кодекса и европейским правом. Таким образом, была создана новая иерархия норм, контролируемая судьями, что напоминает роль Верховного Суда в создании правового государства в Соединенных Штатах Америки.

Демократические завоевания, тем не менее, уязвимы перед лицом трех взаимосвязанных угроз: риска размывания Союза вследствие его расширения в результате вступления стран Восточной Европы; чувства отчуждения, испытываемого гражданами в связи со значительным дефицитом демократии в Европейском Союзе; усиления национализма перед лицом краткосрочных последствий открытия границ.

Риск размывания Союза в результате его расширения нельзя недооценивать. Страны-кандидаты не имеют опыта совместного существования на протяжении пятидесяти лет, какой имеют страны-члены; их демократическая ориентация недостаточно устойчива в силу пережитков национализма — тем более стойких, что именно они позволили им выжить. К тому же, процедуры Союза рискуют стать очень громоздкими из-за возросшего количества членов и уменьшившегося удельного веса больших демократических стран по сравнению с получающими равное представительство малыми странами. А большие нации, наименее расположенные к углублению Союза (как Великобритания) наверняка воспользуются расширением, чтобы отложить на неопределенный срок создание политической Европы.

Это может только усилить чувство отчуждения граждан перед лицом того, что им представляется как дефицит демократии в Европе. Действительно, объединенная Европа строилась «сверху», посредством договоров между правительствами, и «сбоку», посредством экономической интеграции, без достаточного внимания к политическому назначению Союза. Считалось, что лучше постепенно двигаться вперед, чем рисковать застыть на месте в бесконечных дискуссиях о целях интеграции. Однако, двигаясь таким образом, Европа не могла сплотить граждан для осуществления своего проекта. Когда в 1980–90-х годах поднялась волна евроскептицизма и европессимизма, вызванная экономическим и социальным кризисом, и потребовалось придать новую динамику европейскому процессу, правительства, наконец, решились открыто присоединить политический проект к экономическому и социальному. В этом и состояла цель Маастрихтского договора 1992 года, утвердившего Европейский союз на трех столпах (сообщество, обусловленное единым рынком; внешняя политика и коллективная безопасность; правосудие и внутренние дела), положившего начало процессу создания единой валюты, установившего европейское гражданство, создавшего механизм совместных решений, принимаемых Комиссией, Советом министров и Европейским парламентом, и ограничившего круг вопросов, требующих единогласного решения. Это новое усилие, амбициозное, но запоздавшее, столкнулось с серьезными трудностями при ратификации Договора (с большим трудом полученное «да» на референдуме во Франции, два референдума, чтобы получить «да» в Дании): граждане, с которыми стали консультироваться слишком поздно, уже не обладали верой первопроходцев.

Дело в том, что в это же время в европейском общественном мнении громко заявила о себе националистическая реакция против открытости: социальные слои, наибо-

лее затронутые экономической реструктуризацией, вызванной европейской открытостью и глобализацией, и наиболее чувствительные к присутствию многочисленных иммигрантов, плохо обеспеченных и потому склонных к правонарушениям, требуют защиты посредством закрытия национальных границ и поддаются упрощенным волюнтаристским призывам со стороны крайне левых и крайне правых. В первом туре последних президентских выборов во Франции 21 апреля 2002 года крайне правые и крайне левые недемократической ориентации получили соответственно около 20 и 10 процентов: вместе — около трети голосов. И Франция в этом отношении не исключение: ультранационалистические течения достигают и превосходят 15 процентов в Австрии, Нидерландах, Италии, в некоторых немецких землях, во фламандской части Бельгии, 12 процентов в Дании, 9 процентов в Португалии. Не говоря уже о странах-кандидатах, где национал-популизм может доходить до 30 процентов, как в Румынии и Чехии.

* * *

Построение демократии в Европе, таким образом, не завершено. Нынешние трудности требуют двойного ответа: создания действительного политического союза и утверждения демократических ценностей внутри Союза.

В отношении создания действительного политического союза ситуация начинает выходить из тупика. Первый решающий шаг был мягко сделан и на уровне правительств, и на уровне общественного мнения: удалось снять психологический запрет с идеи Европейской конституции. Хотя в отношении содержания согласие пока остается минимальным, ведущие государственные деятели Европы рассматривают составление Конституции, которая представляла бы собой нечто большее, чем простая кодификация договоров, как возможный ответ на повторяющиеся упреки в недостаточном демократизме Европейского союза. Второй символический шаг был сделан в Ницце в декабре 2000 года, когда была принята «Хартия основных прав», которая могла бы послужить преамбулой к этой Конституции и уже разрешила некоторое число расхождений, в том числе — относительно объема социальных прав и определения новых прав. Остается открытым вопрос институциональной архитектуры. Было бы преувеличением сказать, что он может быть быстро урегулирован. Однако наблюдается начало сближения позиций между Францией и Германией, которые были движущей силой европейского объединения со времен Робера Шумана и Конрада Аденауэра. Идея федерации была вновь выдвинута Йошкой Фишером 12 мая 2000 года в речи, в которой он изначально связал идеи Конституции и федерации. В течение последующего месяца французы открыто присоединились к идее Конституции и начали обсуждать, какого рода федерацию эта Конституция должна установить, противопоставляя «Соединенным Штатам Европы», за которые ратуют немцы, «федерацию национальных государств», предложенную Жаком Шираком и Жаком Делором. Эта вторая формула указывает, что акцент должен быть сделан на власть государств, вступающих в федерацию, столько же, сколько на власть федерального центра: ведь каждое из них обладает своей специфической историей, иной традицией суверенитета, чем американские штаты; эта специфика не должна урезаться автоматическим расширением общеевропейского права. Главное для демократии — построить европейский дом, в котором отношения между государствами строились бы скорее по федеративной логике, чем по межгосударственной. Действуя в таком духе, следовало бы превратить Еврокомиссию, которую мог бы возглавить человек, избираемым всеобщим голосованием европейцев, в исполнительный орган Союза, а также создать двухпалатный законодательный орган, в котором в одних случаях главенствующую роль могла бы играть палата, представляющая государства и выполняющая те же функции, что нынешний Совет министров, а в других — палата, представляющая европейских избирателей, которая заняла бы место нынешнего Европарламента. Третьим шагом было бы создание

Магдалена Абаканович. Клетка. 1981

Верховного суда, использующего богатый опыт нынешнего Европейского суда и обеспечивающего соблюдение основного пакта и европейского права на всех уровнях. В декабре 2001 года, на саммите в Ликене, было провозглашено создание «Конвента для разработки будущего Европы». Конвент должен состоять из 15 представителей национальных правительств, 30 представителей национальных парламентов и двух представителей от Комиссии; страны-кандидаты получат места с совещательным голосом на тех же условиях. Председательство решено доверить Валери Жискар д'Э-

стену. Конвент уже начало обсуждения и консультации относительно проекта для Межгосударственной конференции в 2004 года: движение, таким образом, получило новый импульс.

Последствия расширения урегулировать труднее. После расширения будущая Комиссия будет насчитывать 27 членов, среди которых представители больших государств (с населением более 35 миллионов каждое) будут иметь только 20 процентов мест вместо 50-ти, которые они имеют сегодня. В Европейском совете, где голоса были перераспределены, государства, наиболее расположенные к созданию Союза — 12 стран Евроленда, — будут иметь всего 191 голос из 345, то есть 55 процентов, в то время как квалифицированное большинство установлено в 74 процента (258 голосов). В этих условиях государства, склоняющиеся к созданию Федерации, вероятно, попытаются установить между собой «усиленную кооперацию», которая стала возможна после Договора в Ницце, когда 8 государств потребовали такой кооперации без права вето, предоставляемого одному члену Совета. Такая усиленная кооперация не является каким-то чудодейственным решением, но она может служить прообразом будущей федерации, в то время как вновь вступающие страны будут постепенно осваивать коммунитарную политику. Евро, чей успех среди населения оказался значительным, могло бы, со своей стороны, привести к образованию своего рода пред-федерации.

Вторая срочная задача — распространение демократических ценностей внутри Союза. Конечно, демократы могут довольно быстро найти консенсус относительно ценностей, лежащих в основе их убеждений. Труднее утвердить эти ценности в системе партий. Лично я в одной недавней статье («Commentaire», весна 2002) предложил четыре опорных пункта для новой демократической ориентации в Европе. Первое — признание планетарного плюрализма, его распространение на все национальные пространства, дабы примирить необходимую открытость с уважением к особым идентичностям для защиты индивидов и коллективов. Второе — признание федералистской логики в отношениях между всеми политическими формированиями, от локального до мирового уровня, включая национальный и европейский уровни. Третье — определение полномочий других органов власти на полпути между «все решает экономика» либералов-глобалистов и «все решает политика» национал-волюнтаристов. Четвертое — признание приоритета человеческой личности, какой бы она ни была, с ее неотчуждаемым достоинством и неизбежной слабостью, исключающее любую практику этнических, социальных или национальных чисток. Обширная программа!

У этой программы в Европе не много сторонников. Европейскому движению не хватает продолжателей и новых импульсов — не столько на уровне политических предложений, сколько на уровне запросов, скорее, со стороны партий и лидеров, чем со стороны избирателей. Партийные структуры и политические элиты, находящиеся у власти в Европе, более склонны к тому, чтобы управлять старым континентом в соответствии с испытанными рецептами последних тридцати лет, чем к тому, чтобы стремиться навстречу будущему и отвечать на запросы молодого поколения, жаждущего широких перспектив, соответствующих новым временам, когда совершаются научные, технические, экономические, социальные и культурные революции, преобразующие мир. Приветствуя память выдающихся людей, которые, каждый по-своему, служили прогрессу демократической Европы, начиная с речи Робера Шумана 9 мая 1950 года, я желаю от всего сердца, чтобы заявило о себе новое поколение политических деятелей, мужчин и женщин, способных воплотить демократические надежды нашего общего будущего.

Перевел с французского
Виктор Божович

Социальная ответственность российского бизнеса

Михаил Ходорковский,
Председатель правления НК «ЮКОС»

СОЦИАЛЬНАЯ ответственность бизнеса — это вопрос, над которым крупным компаниям приходится думать постоянно, обсуждая эту тему как внутри компаний, так и с государственными органами, с общественностью и так далее. Но прежде чем говорить об этом, скажу коротко о природе крупного бизнеса.

Его конкурентоспособность, как известно, связана, во-первых, с экономией на масштабе. Крупносерийное стандартное производство — это одновременно и минимальная себестоимость единицы продукции, когда по мере повышения стоимости труда людей он позволяет снижать долю ручного труда и, соответственно, сокращать рабочие места. Но в тоже время позволяет снижать и требования к индивидуальной квалификации работающего, что означает возможность использования труда людей, нуждающихся в социальной адаптации.

Вторая точка конкурентоспособности крупного бизнеса — его способность нести высокие капитальные затраты и риски без разрушения организационной структуры. То есть крупный бизнес имеет возможность осуществлять большие высокорисковые проекты. В России, однако, все сказанное, как всегда, сопровождает российская специфика. Во-первых, огромные расстояния. Во-вторых, неразвитая производственная инфраструктура. В-третьих, ограниченные возможности рынков капитала. Поскольку привлечь деньги, как это происходит в рыночно развитых странах, малым и средним предприятиям за счет фондового рынка в России очень сложно. В-четвертых — слабая предпринимательская активность населения. Доля предпринимателей в России крайне низка, что тоже сдерживает развитие малого и среднего бизнеса по сравнению с развитием крупного. Не говоря уже о российской привычке к патернализму, которая требует от бизнеса высокой стабильности и вложений в социальную инфраструктуру. И, наконец, особенностью России является низкая мобильность населения. Даже крупным корпорациям, обеспечивающим гарантии перемещения, привлечение необходимых трудовых ресурсов в те места, где они необходимы, весьма и весьма трудно. И в этой же связи, так как я рассматриваю проблему на макроуровне, хочу обратить внимание на естественные опасности развития крупного бизнеса.

Прежде всего, речь идет о монополизации рынков, которая приводит к росту цен на товары и услуги. Противодействие этому обычно видится в демонополизации отраслей путем силового разделения корпораций или ограничения их возможности в сфере ведения бизнеса. Должен сразу сказать, что для России на сегодняшнем этапе это ошибочный путь, потому что у нас конкурентность на рынках товаров и услуг достаточно низка, а дополнительные ограничения еще более ее снижают. Альтернативой является расширение экономического пространства, снижение таможенных пошлин и барьеров с целью допуска на рынки других компаний, а точнее, привлечение на регионально-монополизированные рынки корпораций и компаний из других регионов и снижение за счет этого фактора общей монополиза-

ции экономического пространства.

Вторая и крайне существенная проблема — «корпоративное рабство», которая проистекает из названных особенностей российского рынка. А именно, стремление нашего населения к патернализму и низкая его мобильность, помноженные на общие призывы к социальной ответственности корпораций. В итоге: строительство жилья для своих, питание для своих, снабжение для своих, инфраструктуры отдыха для своих, транспорт для своих. Когда человек не может предъявлять претензии к корпорации, потому что он привязан к ней огромным клубком опосредованных связей. Именно «корпоративное рабство» порождает недемократическое общество из-за неконкурентоспособности экономики как таковой. Метод противодействия и в данном случае достаточно прост, но мы двигаемся в этом направлении медленно: муниципализация социальной инфраструктуры и создание конкурентной среды в коммунальной сфере. А иначе экспоненциальный рост затрат и издержек в этом и без того монополизированном секторе будет продолжаться.

И третья серьезная проблема — удушение малого и среднего бизнеса нехваткой финансовых ресурсов. Это особенность нашего финансового рынка, который из-за неразвитости финансовой инфраструктуры в целом ориентируется на крупные корпорации. Возьмем даже предназначенный для мелкого и среднего бизнеса и частных лиц Сберегательный банк. Огромную часть своих ресурсов он размещает в государственных бумагах и в бумагах крупных корпораций, тем самым заведомо ограничивая доступ малого и среднего бизнеса к финансовым ресурсам. Единственный способ борьбы с этим — регулирование банковской деятельности, снижение размеров рисков на одного заемщика и так далее.

Что можно и нужно *требовать* от крупного бизнеса?

Первое и самое главное: обеспечения *дешевым стандартным продуктом* — бензином, электроэнергией, продуктами питания и так далее. В этом состоит его главная ответственность.

Второе: конкурентоспособность российской экономики на мировом рынке. Надо отдавать себе отчет, что на сегодняшнем этапе это по силам только крупному бизнесу.

Третье: внедрение технологических инноваций. Хочу подчеркнуть: не разработка, а именно широкомасштабное их внедрение. Бизнес-среда, налоговая инфраструктура, политика государства должны ориентировать крупные корпорации на быстрое широкомасштабное внедрение всех инноваций, которые появляются на рынке.

Четвертое: установление высших планок условий труда. Крупные корпорации являются работодателями для небольшого количества населения, но, тем не менее, условия труда в таких корпорациях могут задавать тот уровень, на который будет ориентироваться в результате все общество.

Пятое: инвестиции в капиталоемкие и/или долгосрочные проекты. Что значит в этом случае «требовать»? Это означает — создавать условия, при которых они будут реализованы.

И, наконец, от крупного бизнеса можно и нужно требовать корпоративной прозрачности и высших стандартов корпоративного управления. Крупный бизнес должен создать эти стандарты, которые со временем станут использоваться и на других уровнях российского бизнеса.

Чего *нельзя* требовать? Когда я говорю «нельзя», это значит опасно требовать.

Первое: создания рабочих мест. Крупный бизнес на это не ориентирован, это войдет в противоречие с его главной задачей — созданием дешевого продукта.

Второе: создания разнообразной нестандартной продукции и услуг. Это задача, которая должна решаться малым и средним бизнесом; если она им не решается, значит необходимо думать и создавать условия для ее решения.

И, наконец, нельзя требовать от крупного бизнеса ответственности за социальную инфраструктуру. То есть, потребовать можно, но опасно, потому что в результате не появится гражданское демократическое общество.

Завершая, хотел бы сказать, что крупный бизнес — это локомотив российской экономики на пути построения современного демократического общества с развитой инфраструктурой. Но это именно локомотив, он не отвечает за обслуживание вагонов, за то, сколько их и кто в них едет. За это отвечают гражданское общество, малый и средний бизнес. Правила движения локомотива также определяются не бригадой машинистов, а обществом. Если они носят слишком ограничительный характер или не соответствуют техническим возможностям локомотива, локомотив от этого не сойдет с рельсов, но будет вести состав слишком медленно, и пассажиры могут умереть от старости, так и не доехав до станции назначения.

Каха Бендукидзе,
Председатель правления ОАО «Уральские машиностроительные заводы»

ГОВОРЯ О БИЗНЕСЕ и социальной ответственности в России, можно долго рассказывать о многочисленных фактах, как люди давали деньги на расцвет наук, искусств и ремесел. Но я хотел бы этот феномен корпоративной филантропии рассмотреть более внимательно. Я против благотворительности корпораций, и вот почему.

Представим себе, что вы кому-то одолжили 100 тысяч рублей на полгода. А через полгода вам возвращают только 90, потому что 10 тысяч ваш должник отдал на благотворительность. Или — вы приходите в Сбербанк, куда положили деньги под 12 процентов годовых, но вместо 12-ти получаете 9,37 процента, поскольку у банка благотворительная программа и его руководители за социально-ответственный бизнес.

Возникает вопрос: какая разница, если ваши деньги потратил другой человек или корпорация с большим числом акционеров, которых никто об этом не спросил, хотят ли они потратить деньги именно таким образом?

У этой проблемы три аспекта: теоретический, ценностный и практический. С теоретической точки зрения благотворительность как таковую никто не оспаривает. Она существует, и это замечательно, но лишь в том случае, когда вы ничего не получаете взамен. А если благотворительностью занимаются с целью рекламы, если спонсор дает деньги для того, чтобы о нем говорили и к нему хорошо относились — это уже совершенно другое. На самом деле, благие деяния совершаются гражданами, поскольку это нечто, связанное с душой. Но мне трудно подозревать наличие души у акционерных обществ, когда корпорация, например, занимается рекламой, направленной на создание ее образа, смягчающего отрицательное отношение потребителей или наемных рабочих. Причем здесь благотворительность?

Переходя отсюда к практическому аспекту проблемы, хочу обратить внимание еще на следующее. Иногда по телевидению показывают фильмы, где в титрах пишут: «снят при содействии такого-то ОАО и лично его президента». Получается, что эта корпоративная благотворительность и есть в данном случае не что иное, как потребность весьма амбициозных людей в саморекламе за чужой счет.

Таким образом, в действительности, когда идет речь о корпорациях, где много владельцев, перед нами либо специальный вид рекламы, либо удовлетворение амбиций отдельных руководителей с ущемлением прав других владельцев.

Как известно, одним из крупнейших благотворителей в современной России на ниве культуры был банк «Чара». Банк действовал именно по этой схеме, это была чистой воды пирамида. То есть деньги частью вкладывались во что-то, час-

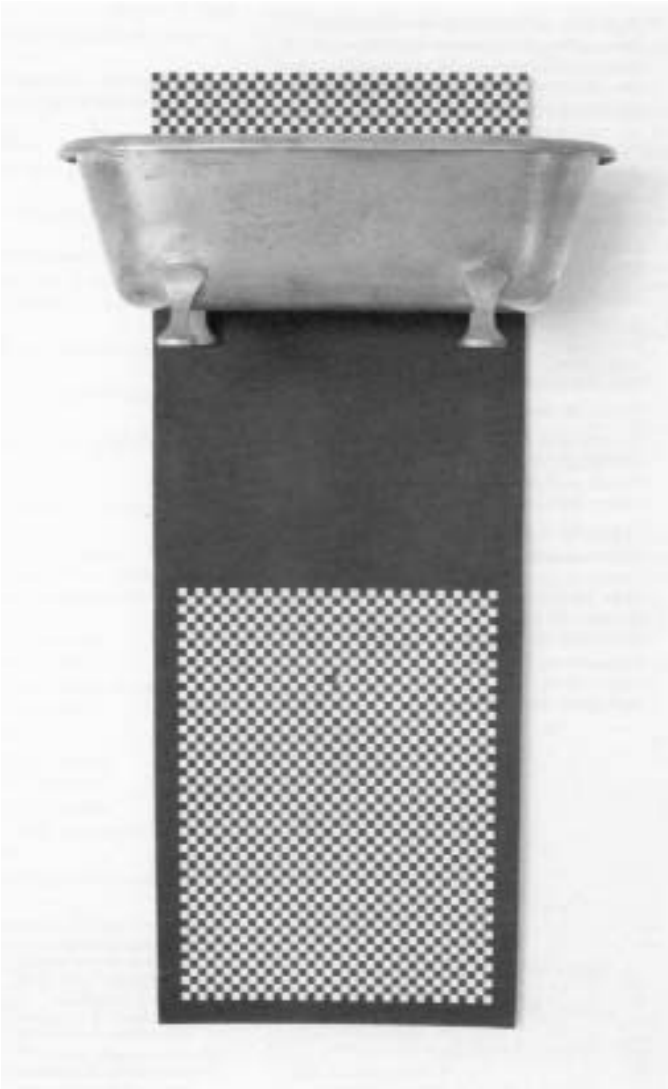
Пабло Пикассо. Художник и вязальщица. 1927

тью тратились на выплаты очень больших процентов, а частью шли на благотворительность. Господин Мавроди, президент «МММ», широко спонсировал разного рода музыкальные мероприятия, дарил деньги студии, на съемку фильмов, занимаясь благотворительностью за ворованные, по сути, деньги.

Существенным моментом здесь (причем, не только в России) является перекошенная, уродливая система налогообложения. Она была порождена левой волной, поднявшейся особенно после второй мировой войны. Эта система культивирует корпоративную благотворительность в гораздо большей степени, чем она развивалась бы, исходя из задач чистой рекламы или просто эгоцентрических устремлений руководителей компаний. Если посмотреть, кто является сегодня крупными благотворителями в США, в Европе и в России, то мы обнаружим, что в Соединенных Штатах подавляющее число благотворителей — это конкретные люди, в Европе людей меньше и достаточно много корпораций, а в России, как правило, только корпорации. Это напрямую связано с тем, как формируются налоги: в Америке основная часть налогов поступает от частных лиц, в Европе — в основном от корпораций, в России подавляющую часть налогов платят в первую очередь корпорации, тогда как налогообложение частных лиц составляет очень небольшую долю.

О чем это говорит? Об отдалении налога от человека. Когда вам говорят, что ваш налог маленький, а у компаний есть налог на добавленную стоимость, а вы его никогда не платили сами и знаете о нем абстрактно, то не думаете о том, что это ваши же деньги. И, следовательно, вас просто обманули.

Благотворительность превращена в разновидность бизнеса. В частности, оборот благотворительных организаций только на территории Москвы и Московской области составляет полтора миллиарда долларов в год. И не потому, что власть на этой территории такая добрая, а потому что существует своего рода «ипотечная контора» по отмыванию денег. Есть не-



Герард Даас. Акустика. 1990

сколько крупных благотворительных фондов, которые занимаются предоставлением услуг по минимизации налогообложения на производственной основе.

Резюмируя, хочу сказать, что социальная ответственность бизнеса, если говорить о ней в более широком смысле, а не только о корпоративной благотворительности, это — в первую очередь ведение самого бизнеса, во вторую очередь — ведение бизнеса, и в третью очередь — ведение бизнеса. Никакой другой ответственности у бизнеса быть не может. Вообще, ответственность — это нечто, как я сказал уже, характеризующее человека, а не юридическое лицо.

Так что стоит говорить об ответственности не бизнеса, а бизнесменов. Почему этому уделяется повышенное внимание? Я думаю, в силу двух обстоятельств, одно из которых является очевидным, когда мы понимаем, что деньги являются мерилом не только покупательной способности, но и нашей личной способности и желания воздействовать на общество. И второе обстоятельство: люди, у которых денег больше, тем не менее, не всегда хотят воздействовать на общество в лучшую сторону. Почему? Ответ, на первый взгляд, тоже, казалось бы, очевиден: значит, они не обладают некими сокровенными знаниями о ценностях. Но это, на первый взгляд, поскольку встает вопрос: а хотят ли россияне сами, чтобы они воздействовали на общество в лучшую сторону?

По степени ясности восприятия проблем нашей страны и процессов, в ней происходящих, бизнесмены входят в наиболее понимающую часть общества. Для них неэффективно работающий государственный аппарат — не сочетание слов, вычитанное в газетах, также как фраза «наша налоговая система несовершенна» — результат ежедневного ощущения этого несовершенства. В этом смысле возможность бизнеса адекватно оценивать ситуацию наверняка выше, чем у среднестатистического гражданина Российской Федерации. Но было бы неправильно, исходя из этого, тем не менее, фетишизировать саму способность бизнеса адекватно реагировать на вещи.

Власть и люди: о местном самоуправлении

Вадим Бондарь, депутат Государственной Думы России

В мире существует два основных подхода к построению местного самоуправления.

Континентальная (государственная) модель широко распространена в Европе. Здесь муниципалитеты получали свои полномочия сверху, от государственной власти. Города выбивали силой (а иногда выкупали) привилегии у князей и королей. Впрочем, часто власть сама отдавала те полномочия, с которыми не могла справиться. Например, одну из крупнейших в истории России реформ провел Иван Грозный, передав выборным губным старостам право самостоятельно вершить дела, исполнение которых из центра было неэффективным. Сейчас этот принцип называют субсидиарностью.

Другая, общественная, модель местного самоуправления получила распространение в бывших британских колониях. Здесь была идеальная ситуация, когда местная власть создавалась снизу. Переселенцы обосновывались на пустой земле, строили дома и определяли правила общежития. Выбирали мэра, шерифа и других должностных лиц, надзиравших за соблюдением этих правил.

В первой модели местное самоуправление часть государственной машины и строится властью обычно в интересах власти. Общественная модель подразумевает создание системы местного самоуправления как самостоятельного общественного института, независимого от государства. Единственная функция государства по отношению к муниципалитетам в этой модели — гарантия права граждан на самоуправление. Таким образом, разные модели заведомо должны определять и разные подходы к его реформированию. Рассмотрим с этих позиций обсуждение российских проектов реформы местного самоуправления.

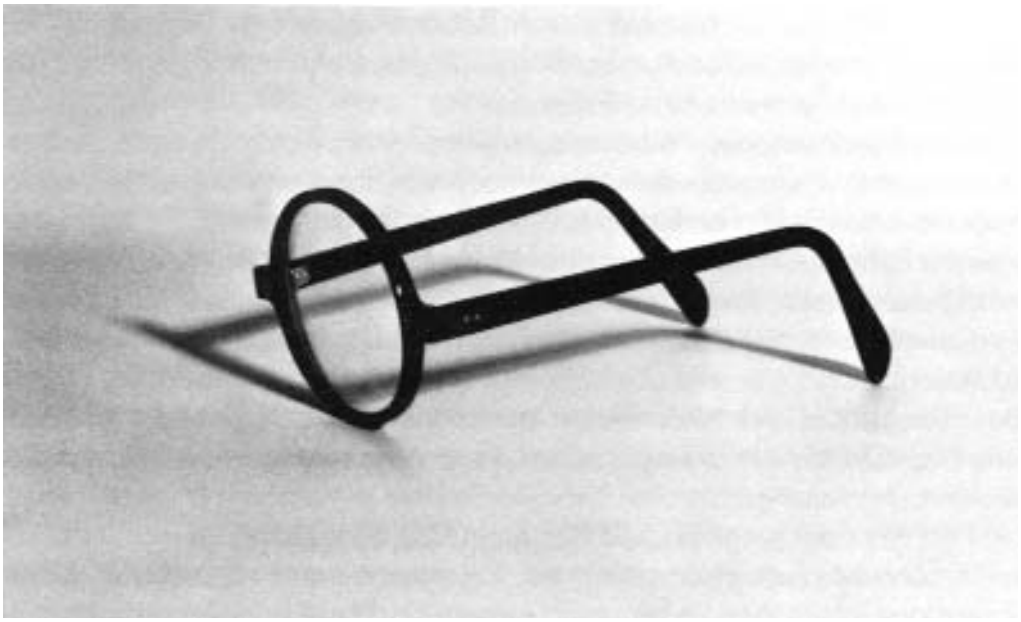
Спор сторонников разных моделей начинался в России, и это естественно, с поисков его базового определения. *С точки зрения власти,* местное самоуправление — это уровень публичной власти, куда передаются сверху многие полномочия для большей эффективности и оптимизации общегосударственной системы управления. Но даже хорошая система управления — не всегда самоуправление. *С точки зрения людей*, местное самоуправление — это право объединяться для совместного решения своих проблем по месту жительства. Право посадить цветы, найти хороших учителей, выбрать честного участкового и так далее. (Конечно, право — это не обязанность. Можно продолжать жить в грязи, бояться хулиганов и ругать за все это,

как и за многое другое, соседей или президента...)

Следовательно, важный в практической жизни вопрос — кто принимает решение о создании муниципального образования. Представьте, что вы со своими друзьями решили начать новую жизнь. Поехали, скажем, в Сибирь, купили землю и поставили дома в чистом поле. Фактически вы уже на пороге самоуправления. Вы можете написать свой Устав и провести выборы. Но для этого вам придется упорядочить отношения с региональными властями и запросить в том числе свою долю налоговых отчислений, положенных местному самоуправлению. И вот тут-то выяснится, что решение о создании муниципального образования принимаете вовсе не вы, а региональное законодательное собрание. А там скажут, что вас должно быть не менее тысячи (двух, трех, десяти); что администрации неудобно работать, когда муниципалитетов очень много, потому лучше вас приписать к ближайшему сельсовету; и вообще, ваша земля находится на территории одного из районов, и вы уже автоматически входите в этот муниципалитет. В каждом субъекте РФ причины отказа могут быть разные, так как везде свой порядок создания муниципальных образований — что само по себе очень странно, ведь от процедуры создания муниципалитета зависит реализация самого права на местное самоуправление. *С точки зрения людей*, необходим федеральный закон, регулирующий порядок создания (ликвидации, слияния, разъединения) муниципальных образований, когда они могут создать муниципалитет, уведомляя о своем решении власть, которая в этой ситуации выполняет лишь регистрационные функции. *С точки же зрения власти*, все должно оставаться как сейчас. Так удобнее...

Еще один спорный вопрос — территория муниципалитета. Казалось бы, ответ очевиден (*с точки зрения жителей*): территория поселения. Ну, еще зоны отдыха и лесопарки вблизи городов («рекреационная зона») плюс зона развития, которая может быть застроена в ближайшее время. Однако в тексте действующего базового закона о местном самоуправлении, также как и во всех проектах новой редакции этого закона, кроме перечисленных территорий упоминаются и «другие территории» или межселенные земли (то есть земли, на которых никто не живет). *С точки зрения власти*, это очень важное добавление, так как в этом случае можно всю территорию страны разделить между муниципалитетами, закрепив за ними ответственность по обеспечению государственных (не муниципальных) обязательств. Закон гласит: «Местное самоуправление осуществляется на всей территории Российской Федерации». Значит ли это, что местное самоуправление должно осуществляться на территории Кремля, либо завода ЗИЛ (размером с два района Москвы), либо на островах Новая Земля, где жителей нет? Может быть, властям так удобней управлять. Но какое отношение имеют эти «межселенные» земли к проблемам поселений?

Независимо от ответа на предыдущий вопрос встает и проблема «нарезки» муниципальных образований. Ведь если два населенных пункта находятся рядом, практически сливаясь, то можно создать из них одно муниципальное образование? Конечно, согласятся демократы. Но нынешние губернаторы идут дальше: они записывают в одно муниципальное образование весь район. *С точки зрения власти,* так проще. Где иначе губернатор наберет сотню своих, «верных» людей, чтобы поставить их на должности глав? Несколько десятков найти проще. При этом говорится, что централизация финансовых средств позволит значительно усилить эффективность расходования бюджетных средств. Что с кадрами плохо, в деревнях все пьют, и грамотного человека на должность главы сельсовета не найдешь. Что воровать будут безмерно, а поменять выборного старосту невозможно. В общем, народ до демократии еще не дорос. Со ссылками именно на эти причины во многих регионах властями были инициированы референдумы по ликвидации мелких муниципальных образований и укрупнению их в районы. *С точки зрения людей*, муниципалитет есть объединение соседей, жителей одного села, поселка, города. Ведь вряд ли можно назвать соседями людей, живу-



Марсель Мариен. Запропастившееся. 1937

щих в разных населенных пунктах, хотя бы и в одном районе. Можно, конечно, создать в райцентре службу, которая будет чистить сельские колодцы, построить один большой Дом культуры на весь район, хорошую школу, оснастить районную больницу по последнему слову науки... Но жизнь показывает, что клуб нужен в каждой деревне, школа, хотя бы и малокомплектная, должна быть рядом с домом, а про ФАП (фельдшерско-акушерский пункт) и говорить нечего — случись что, не ждать же скорой из района три часа (а весной-осенью и три дня).

Главный аргумент региональных властей при укрупнении муниципалитетов — отсутствие доходных источников в селах и деревнях. Аргумент надуманный: сложив несколько десятков дотационных сельских бюджетов, мы получим такой же дотационный районный бюджет. Сумма не может быть больше своих слагаемых. Весь вопрос — кто и как контролирует расходы. *С точки зрения властей*, легче контролировать централизованно, в районе. А *с точки зрения людей*, власть должна быть ближе к народу, тогда с нее легко спрашивать. Идею укрупнения муниципалитетов с благой целью экономии бюджетных средств можно довести до абсурда. Почему бы не создать тогда одно муниципальное образование на весь субъект федерации? Например, муниципальное образование Красноярский край с мэром-губернатором во главе. Ведь существуют же Москва и Санкт-Петербург, где управлять, *с точки зрения властей*, очень удобно.

Вспомнив Москву и Санкт-Петербург, мы затронули еще одну больную тему: местное самоуправление в городах федерального значения. *С точки зрения властей*, такие города ввиду своих размеров требуют особого подхода. В этой связи они ссылаются на необходимость сохранения единства городского хозяйства, на нехватку квалифицированных кадров (и здесь, оказывается, люди еще не доросли до демократии), на отсутствие собственной финансовой базы, предлагая до предела сузить полномочия внутригородских муниципалитетов. *С точки зрения людей*, наличие полноценных органов местного самоуправления позволит правильней расставить приоритеты местной бюджетной политики и повысить ее эффективность. Единство городского хозяйства при этом не пострадает, отношения с горводоканалом или с теплосетями в любом случае договорные. Да и сам этот термин несколько искусственный — в каждом микрорайоне есть своя ТЭЦ, в городах по нескольку водо-

заборов, а уж поликлиники и школы вовсе не требуют централизованного управления. Единственная особенность городов федерального значения заключается в двойной роли их законодательных органов. С одной стороны, эти органы являются законодательными собраниями субъекта федерации и должны определять перечень полномочий внутригородских муниципалитетов и соответствующие налоговые нормативы, а с другой — городскими представительными собраниями, исполняющими часть муниципальных задач, обеспеченных соответствующим бюджетом. Явный конфликт интересов: чем больше отдали полномочий на места, тем меньше денег делят сами. Из-за этой особенности федеральная власть должна вмешаться и установить правила игры: разделить полномочия и деньги между местным самоуправлением и госвластью.

Следующий камень преткновения при обсуждении вариантов муниципальной реформы — вопрос о двухуровневой системе местного самоуправления. В некоторых регионах система «матрешек» (сельсоветы внутри районов или волости внутри уездов) существует давно, и принцип недопустимости подчинения одного уровня самоуправления другому не исполняется. Полностью совпадающий список предметов ведения и утверждение бюджетов на уровне района превращает поселенческие муниципальные образования в декорацию. И что интересно: двухуровневое самоуправление не устраивает обе стороны. Так как *властям* удобнее иметь дело лишь с главой района, а сельсоветы и поссоветы создают для них лишнюю головную боль. *Люди* же недовольны отсутствием реального самоуправления на уровне поселения. Авторы реформы, получив политическое задание внедрить в стране местное самоуправление на поселенческом уровне (ведь нельзя же иначе, весь мир смотрит), пытались найти компромисс, для чего предлагают внедрить по всей стране двухуровневое местное самоуправление по германской модели, где, в отличие от России, *четко* разделены полномочия двух уровней муниципальных образований. В результате на уровне района остается исполнение государственных полномочий, контроль над действиями мелких поселений и формирование предложений по финансовому обеспечению поселений. Такая система позволяет фактически законсервировать двухуровневое самоуправление и принцип «разделяй и властвуй», что, может быть, и верно, *с точки зрения власти. С точки зрения людей,* муниципалитет второго уровня — лишний. Да, некоторые вопросы местного значения удобнее решать вместе с соседними поселениями. Например, содержать районную больницу удобнее в райцентре, но если главврач подчиняется районной администрации, трудно будет влиять на его работу. Есть другой способ — объединить усилия соседних муниципалитетов путем совместных проектов (общий водозабор, полигон бытовых отходов, автобусная линия в областной центр, больница) или создания хозяйственных ассоциаций. При этом заказчиком работ остается община поселения (в лице выборного органа), что позволяет обеспечить жесткий контроль над качеством и ценой социальных услуг. Набор участников может быть разным в разных проектах. То есть совсем не обязательно, чтобы эти объединения совпадали с районами. Здесь уместно напомнить, что границы нынешних районов нарезались достаточно случайно, в том числе и в зависимости от количества членов КПСС на данной территории.

Самая жаркая дискуссия разгорелась, однако, вокруг предметов ведения местного самоуправления. Список закрепленных законом полномочий многим кажется избыточным. *С точки зрения власти*, на местном уровне нужно оставить лишь то, что не является жизненно необходимым (благоустройство, содержание кладбищ и тому подобное), а государство должно взять на себя функции, обеспечивающие права, гарантированные Конституцией (здравоохранение, ЖКХ, образование, охрана порядка). Не важно, какими мотивами руководствуется при этом чиновник: желанием контролировать денежные потоки или манией человека, отвечающего за все (кстати, одно другого не исключает). *С точки зрения людей*, они сами должны определять, как решать местные вопросы. И не факт, что для этого

нужен мэр. Например, для организации эффективной системы медицинского обслуживания общество изобрело специальный общественный институт — медицинское страхование. Чтобы школьные деньги не растворялись в проблемном городском бюджете, можно создать специальные налоговые школьные округа, как это делается в некоторых странах. А уж система ЖКХ просто должна быть рыночной. Все эти вопросы могут и должны решаться на негосударственном уровне.

Важный вопрос — о возможности исполнения государственных полномочий муниципальными образованиями. *С точки зрения власти*, это было бы очень удобно. Во-первых, можно переложить на местное сообщество ответственность за некоторые труднореализуемые государственные задачи (социальная защита, например). Во-вторых, это было бы хорошим оправданием необходимости создания второго уровня муниципалитетов (мелким поселениям ведь нельзя доверить такие важные функции). В-третьих, будет возможность спросить с мэров за работу. *С точки зрения людей* — функции государства должно выполнять государство. Ведь никому не придет в голову нагрузить госполномочиями жилищное товарищество или дачный кооператив. А если есть функция, которая очевидно удобнее исполняется на местном уровне (запись актов гражданского состояния, например), то почему она государственная? Может быть правильнее изменить законодательство и сделать ее муниципальной?

Все разговоры про полномочия будут бесполезными, если у самоуправления не будет средств для их исполнения. Имеющаяся сейчас система ежегодного закрепления налоговых нормативов за бюджетами муниципалитетов решениями законодательных собраний (а фактически — губернаторов) делает местное самоуправление заложником региональной администрации. Мэры ежегодно клянчат у губернаторов деньги, обещая взамен политическую лояльность. Бюджеты муниципальных образований невозможно прогнозировать даже на год вперед, что не способствует нормальному развитию. Нет стимула к развитию налоговой базы, нет стимула к повышению эффективности управления и сокращению расходов. *С точки зрения власти*, ситуация нормальная: мэры становятся управляемыми, социальная справедливость торжествует — можно отобрать деньги у богатых муниципалитетов и отдать их бедным. *С точки зрения людей*, местная община должна рассчитывать на конкретные доходы. Это должны быть не налоги с предприятий (налоговая база везде разная, есть «спальные» города, где никаких предприятий нет вовсе), а налоги с жителей — подоходный, на имущество, включая землю, плюс налоги с малого бизнеса, так как именно от местных властей зависит его развитие. Очевидно, что налоги должны закрепляться надолго (в идеале — навсегда) решением федеральных властей, поскольку именно обеспечение финансовой независимости и есть главная гарантия существования местного самоуправления.

Какая модель местного самоуправления будет создана в России? Решающее слово – за президентом, который либо оставит все как есть, либо – проведет институциональную реформу, реально отделив муниципалитеты от государства, создав новый элемент нашего общества – местное самоуправление

Неожиданно широкий резонанс получила идея авторов реформы ввести институт наемных управляющих на верхнем муниципальном уровне. Сама по себе идея неплохая, считается, что это самый передовой управленческий опыт. В США, например с каждым годом становится все больше муниципалитетов именно такого типа. *С точки зрения властей* – удобно, если по всей стране

внедрить этот передовой опыт. И менять таких мэров легко. Одна закавыка: в Конституции РФ написано, что население определяет структуру органов местного самоуправления самостоятельно. *С точки зрения людей,* именно так и должно быть: мы объединились, выбираем нужных нам людей, сами решаем, как они будут называться, и что именно они будут делать. Чем больше муниципальное образование, чем больше денег в его бюджете, тем сложнее (*с точки зрения людей*) должна быть система органов местного самоуправления. Кроме представительного органа и мэра понадобится счетная палата. Выборный казначей тоже не помешает. Органы территориального общественного самоуправления, бюджетные комитеты, общественные комиссии и другие формы гражданского участия — все это позволит сверять решения местной администрации с интересами жителей.

Что же получится из намеченной реформы? Какая модель местного самоуправления будет создана в России? Решающее слово — за президентом, который либо оставит все как есть, создавая видимость реформы, решив некоторые частные проблемы власти и получив некоторые политические дивиденды, либо — проведет институциональную реформу, реально отделив муниципалитеты от государства, создав новый элемент нашего общества — местное самоуправление. Выбор простой: реформа в интересах власти или реформа в интересах людей. Понятно, что реформа невозможна без оценки политических рисков. Наверное, поэтому авторы новой редакции закона предложили установить длительный переходный период: реформа объявлена, но до выборов ее не будет. На вид мудрое решение — *с точки зрения власти.*

Переходный период должен заключаться не в откладывании решения, а в реализации возможности ненасильственного, плавного перехода из одного состояния в другое. Принятие закона о порядке создания (ликвидации, слияния и разделения) муниципальных образований с одновременной гарантией достаточной финансовой базы путем закрепления за муниципалитетами налогов и налоговых нормативов позволит создать условия, при которых имеющаяся сейчас территориальная «нарезка» муниципальных образований изменится сама собой в процессе осознания местными сообществами своих интересов. Право дается каждому, воспользуется тот, кто захочет.

Все это выгодно как *с точки зрения людей,* так и, по большому счету, *с точки зрения власти.* Конечно, для этого потребуются и некоторые дополнительные шаги: уточнение предметов ведения и полномочий различных уровней власти, в том числе, принятие закона о муниципальной милиции (охрана общественного порядка закреплена Конституцией за местным самоуправлением). Потребуется урегулировать особенности местного самоуправления в городах федерального значения. Потребуются изменения базового закона, уточняющие его, исходя из реальной правоприменительной практики.

Надо признать — реформа задумана и реализуется властью. По разным оценкам пока лишь от 15 до 25 процентов наших граждан понимают, что такое местное самоуправление, и осознают себя хозяевами в своем населенном пункте. Эта ситуация требует высокой ответственности нынешней власти. Соблазн проводить реформы в ее собственных интересах велик. Но не менее велик и соблазн творить великие дела, используя власть в интересах общества. Еще недавно наше государство регулировало все. Пятнадцать лет назад нам трудно было даже представить, что может быть по-другому. Сейчас нам кажется естественным, что хозяйственные объединения граждан самостоятельны и не зависят от государства. Настанет время, когда мы все поймем, что такие же отношения должны быть между государством и муниципалитетами.

Сегодня у нашей страны есть уникальный шанс создать систему местного самоуправления, не отягощенную грузом исторических компромиссов. Выбирая *точку зрения людей* и последовательно реализуя этот взгляд в системе законодательных актов о местном самоуправлении, мы имеем возможность создать эффективный механизм развития общества.

Юрий Кобаладзе,
Управляющий директор инвестиционной компании «Ренессанс Капитал», член Президиума Совета по внешней и оборонной политике, ветеран Службы внешней разведки РФ

Спецслужбы в демократическом обществе

В 1995 году эксперты Службы внешней разведки (СВР) совместно с парламентскими комитетами работали над выработкой законодательства в области разведки. Выяснилось, что в Англии, например, нет никаких законов, которые бы регламентировали деятельность разведки. Так что российский закон «О внешней разведке» был и, думаю, остается, самым продвинутым правовым актом, регламентирующим деятельность особого и совершенно закрытого учреждения, каким является разведка.

Никогда раньше в истории нашей страны ничего подобного не было. Одной строчкой в советском законе «О КГБ» было сказано, что в рамках Комитета действует внешняя разведка. Нынешний же закон, наверное, близок к совершенству, поскольку не только описывает права и обязанности разведки, но и регламентирует ее отношения с институтами государственной власти, с общественностью, с парламентом. В нем учитывается передовой опыт зарубежных стран, особенно США и Германии, где уже существовали подобные законы. Но он лучше, поскольку новее, совершеннее.

Положение спецслужб в демократическом обществе волнует не только общество, но и сотрудников спецслужб. Хорошо было жить до 1991 года. Я нашел забавную характеристику того периода в комментариях советского специалиста к книге одного английского автора. «Что же представляет разведка империалистической державы? – спрашивал он. – И каковы ее основные принципы? Это, прежде всего, деньги, страх, голый расчет, отсутствие глубокой идейной убежденности и высоких моральных устоев у тех, кто работает на разведку. Коммерческая в широком смысле слова основа ее существования. Каким же резким контрастом противостоят ей яркие, гуманистические, глубоко идейные образы наших советских разведчиков». Все было просто и ясно, когда был понятен враг: белоэмиграция, троцкисты, фашисты, Соединенные Штаты и блок НАТО.

И неожиданно все растворилось, исчезло, превратилось в мираж. Оказалось, что надо приспосабливаться к новым реалиям. К нашей чести, такой институт, как разведка, оказался более готовым адекватно реагировать на вызовы времени. Мы быстрее перестроились, так как, очевидно, потребность в перестройке вызревала в нас давно. Мы первыми заговорили о том, что с окончанием «холодной войны», то есть глобального противостояния, надо искать точки соприкосновения. Например, в борьбе с терроризмом. Россия была инициатором постановки этой проблемы. Наши новые союзники на словах с нами соглашались, но на деле сохранялось недоверие, готовности, по большому счету, не было.

Положение спецслужб в демократическом обществе волнует не только общество, но и сотрудников спецслужб

Я был в составе первой официальной делегации российских разведчиков в США. Тогда было много разговоров о возможном сотрудничестве, но затем случилось дело Эймса, и контакты были свернуты. Потом нас — и Россию, и разведку — постоянно втягивали в надуманные проблемы. Началось это все в связи с якобы невозможностью России управлять своим ядерным арсеналом. Как только этот миф был развеян, появилась новая тема «красной ртути», которую возят через границы и хотят отравить ею весь мир. Потом выяснилось, что такого вещества в природе вообще не существует. Появилась тема русской мафии, которая-де заполонила весь мир. Никогда не забуду статью на первой полосе респектабельной английской «Times» с заголовком «Рейс 757» (номер рейса Москва-Лондон). В ней говорилось, что каждый рейс встречает чуть ли не половина агентов "Скотланд-Ярда" и "Сикрет Интелидженс Сервис", поскольку из России летят одни шпионы и бандиты, а у англичан нет других забот, кроме как за ними следить. Потом появилась другая долгоиграющая тема — продажа радиоактивных компонентов. Все это отвлекало от сотрудничества, мешало созданию атмосферы доверия.

Конечно, сейчас всех волнует терроризм. В этой связи я вспоминаю интервью, которое дал Путин немецкой газете, и выдержки из которого опубликовала «Комсомольская Правда». Он говорил: «Но вы понимаете, какой был подход на Западе? Я приезжаю в США и говорю, что проблема Чечни — это не только наша проблема, что у нас есть конкретная информация о действиях международных террористов, о том, откуда идут деньги, поступает оружие, что надо совместно бороться». На что Клинтон разводил руками, мол, мы ничего не можем сделать. Для Путина Чечня — это тема, которая будет небезразлична, наверное, во весь период его правления. И, когда он сталкивался с таким отношением, более того — с враждебным отношением к нашему пониманию терроризма, это не создавало атмосферы доверия. Когда я готовился к одному из выступлений по проблеме терроризма, я «поднял» открытые публикации российской и иностранной прессы. Я был потрясен тем, что писала пресса об Усаме бен Ладене и о террористических организациях! По сущест-

ву, пресса знала все! А если уж она знала все, то наверняка спецслужбы знали еще больше. Тот факт, что 11 сентября застало всех и, в первую очередь, американцев врасплох, говорит о том, что шанс наладить сотрудничество, чтобы противостоять терроризму, был упущен.

Каждая страна и каждая спецслужба имеет свои возможности. Потенциал нашей разведки настолько высок, что, по крайней мере, в ближайшие годы, даже при сохранении нынешнего финансирования, она будет на уровне. Наши возможности в некоторых странах лучше, чем у американцев. Потому и необходимы совместные усилия, обмен информацией. Я не допускаю мысли, что какая-то из разведок, в том числе российская, зная о готовящихся террористических актах, не предупредила бы американцев.

На первых порах после 11 сентября были призывы политиков, уверения в готовности сотрудничать, а сейчас, мне кажется, все стало уходить в песок. За прошедший год не создан ни один международный орган, который координировал бы антитеррористическую работу: ни внутри разведок, ни вне разведки. Поэтому я еще раз возвращаюсь к принципиальному вопросу о доверии и необходимости международного сотрудничества. Ведь есть проблемы, которые представляют одинаковую угрозу для всего мира: и для нас, и для американцев, значит, нужно работать сообща.

Я не случайно выделяю проблему терроризма, поскольку она стала универсальной, иллюстрируя, в том числе, и тот факт, что в процессе диалога спецслужб с прессой нам важно установить доверие. Очень важно, чтобы мы сумели выработать общий язык, который позволит нам вести дискуссию.

Единой международной разведки, конечно, в обозримом будущем не будет, разведки останутся национальными организациями, но чрезвычайно важно, чтобы они сумели, опираясь на общественное доверие, договориться о выполнении каких-то совместных функций. И, кстати, ничего нового в этом нет. Ведь во время второй мировой войны существовало сотрудничество, напри-

мер, в том числе и с нашими английскими партнерами по антигитлеровской коалиции. Но опять же, возвращаясь к проблеме взаимного доверия, нам нужно преодолеть еще очень многое из наследия прошлого. Когда Россия действительно станет не на словах, а на деле частью Европы и мирового сообщества, тогда, наверное, и разведки смогут часть своих полномочий делегировать в какой-то наднациональный орган. Но пока, разведка – сугубо национальный инструмент, и я здесь не могу не согласиться с англичанами, которые говорят: «Есть дружественные страны, но нет дружественных разведок».

Еще одна очень важная тема, которая постоянно дискутируется: о слиянии всех спецслужб. Я убежденный, «оголтелый», если хотите, сторонник их размежевания. Что касается разведки, это очевидно, так как она не правоохранительный орган и, скорее, нарушает закон в тех странах, где работает.

Так что внутри правоохранительной системы, особенно, в нашей стране с ее традициями, собрание всех под один «колпак», создание «нового КГБ» чревато негативными последствиями. Прежде всего, из-за соблазна, перед которым не смог устоять ни один бывший руководитель советских времен: концентрируя у себя всю информацию, препарировать ее как угодно.

Вопрос воссоединения спецслужб остается живучим не только в России, но и в Соединенных Штатах. Как только они столкнулись с таким беспрецедентным явлением, как «атака на США», то стали реагировать явно неадекватно, ущемляя порой гражданские права. Но там есть гражданское общество, существуют институты, которые противостоят антидемократическим соблазнам. У нас же эти институты в зачаточном состоянии. Вот почему это особенно опасно. В самих спецслужбах, которые обвиняют нередко в том, что они только спят и видят, как бы объединиться, на самом деле настроения не таковы, тем более, в разведке, где люди прошли хорошую школу за рубежом и понимают, насколько важно, чтобы спецслужбы выполняли присущие им функции.

Спецслужбы должны находиться категорически вне политики. Любое их вмешательство в политику, и вся наша история об этом свидетельствует, приводит к проблемам, которые, в конечном счете, бьют бумерангом по самим спецслужбам. Великая заслуга Е.М. Примакова, который возглавил разведку в 1991 году, в том, что ему удалось вывести ее из политики. Указ о департизации разведки – первый правовой акт СВР – гласит, что сотрудник разведки не может принадлежать ни к какой партии. Это единственный цивилизованный путь для любой спецслужбы. Попытки изменить этот подход были. Примаков в своей книге рассказывает, как в 1993 году Ельцин задал ему сакраментальный вопрос: «С кем вы, господа разведчики?», призывая тем самым разведку выступить на стороне власти. Примаков ответил, что готов лично приехать и пойти с автоматом на баррикады, но разведку трогать не надо. Конечно, разведка и вообще спецслужбы – это государственные институты, и, тем не менее, их ни в коем случае нельзя использовать для решения политических задач.

В нашей стране, к сожалению, работает система маятника. От прославления к полному отрицанию. На мой взгляд, тезис начала 90-х годов «избавления от КГБ» был ошибочным, потому что любая власть все равно будет иметь свой КГБ, как бы он не назывался. Говорить надо о том, какими должны быть спецслужбы. В нашем случае «избавление» привело к тому, что мы оказались не готовы к вы-

зовам сегодняшнего дня: не готовы адекватно противостоять терроризму, к негативным явлениям в межнациональных отношениях, ко многим другим факторам. И это естественно, учитывая хотя бы постоянную смену руководства. Я считаю, если даже в прачечной менять директора каждый год, то и там порядка не будет. Чего же требовать от такой деликатной службы, как ФСБ?

Тайная полиция или тайный сыск будет всегда. В частности, в Англии существует MI-5 — подразделение, которое занимается внутренней разведкой; этим же заняты некоторые подразделения Скотланд-Ярда. Вопрос в контроле и соблюдении законов, регламентирующих деятельность спецслужб. Но сам по себе закон также недостаточен, должны быть цивилизованные отношения в обществе. Сейчас маятник в очередной раз качнулся, и отношение к спецслужбам в обществе сменилось со знака «минус» на «полуплюс». В этих условиях особенно важно, чтобы спецслужбы не скатились в сторону беззакония, действовали в рамках закона и жесткого контроля со стороны общественности, парламента, прессы и так далее.

Я считаю, что свободная пресса — это чрезвычайно важно для самого существования разведки. Мы — я был первым руководитель пресс-бюро СВР — сделали все для того, чтобы максимально открыть разведку. Я, например, был убежден, что к 1991 году сложилась позорная ситуация, когда в любой цивилизованной стране можно было зайти в книжный магазин и купить десяток книг о советской разведке, но написанных не советскими авторами, а перебежчиками. Лучшая антология советской разведки была написана О. Гордиевским — предателем. Мы сделали все для того, чтобы эту ситуацию изменить. Не понимая и не зная роли разведки в истории международных отношений, на мой взгляд, вообще невозможно ничего понять. Я знаю, нынешнее пресс-бюро тоже делает очень много для раскрытия документов, создания фильмов, публикаций. Это очень важно и должно быть продолжено.

Сергей Недорослев, президент группы компаний «КАСКОЛ»

Бизнес и политика: культура взаимодействия

Политика и бизнес — совершенно разные направления человеческой деятельности. В России их роднит лишь то, что ни в политику, ни в бизнес в наших условиях люди не приходили сознательно. Я, например, физик по образованию (и знал, что буду физиком со второго класса), но уже 14 лет — в бизнесе. Как это случилось — до сих пор не понимаю. И то же самое, я думаю, произошло с большинством сегодняшних российских бизнесменов и политиков. Мы окунулись в новую жизнь, не имея никакой специальной подготовки, никакого опыта за плечами и даже каких-то внятных мыслей. Поэтому для нас эти годы были жесточайшей революцией в жизни.

У нас бизнес и политика родились вместе, но это не близнецы, а двойняшки: в одно время рожденные от одной матери, но совершенно разные. Бизнес, прежде всего, это жесточайшая конкурентная среда. И еще несколько лет назад участию в этой среде помогал, в том числе, и доступ к власти, но сегодня это уже не является определяющим фактором. В том смысле, что место, которое та или иная компания занимает на рынке, и то, как долго она его сможет удержать, все больше зависит от конкурентоспособности самой компании. Одним из условий развития любого человека, будь он политиком или бизнесменом, является успешная конкуренция в нормальной среде, где условия равные. В политике существование такой среды, на мой взгляд, пока остается под вопросом.

Второе отличие бизнеса. Вроде бы у нас в России все утряслось, и мы уже бежим не стометровку, а нормальный марафон. Сегодня наш бизнес все меньше характеризуется теми чертами, которые отдаляли его от мирового бизнеса в 90-е годы. Происходит мощное проникновение западной культуры бизнеса и кадров — носителей этой культуры в отечественный бизнес. Все больше российских компаний заботится о том, чтобы походить на западные компании в своих отраслях. Самый яркий пример — компания «ЮКОС», в которой Михаил Ходорковский делает все для соответствия мировым стандартам. Между тем, трудно сказать, что в

политике происходит то же самое, что мы ориентируемся и в этой области на лучшее, что достигнуто мировым сообществом.

Третья особенность: в российский бизнес была вовлечена наиболее динамичная и предприимчивая часть общества, которая пошла на риск и преуспела. В политику же шли в основном не самые предприимчивые люди, а скорее те, что не хотели рисковать и попытались устроиться в жизни, используя для этого политическое пространство.

И еще одна особенность. Почему многие из нас, несмотря на все трудности, а порой и смертельную опасность, занимались и продолжают заниматься бизнесом? Я думаю, потому, что, прежде всего, стремились к реализации себя и свободе, хотя осознали это лишь позже. Бизнес не имеет национальных границ, которые есть в политике. Например, ни один россиянин никогда не станет президентом Соединенных Штатов Америки, но может стать Биллом Гейтсом — президентом огромной корпорации. Но дело не только в этом. Чем выше пост (говорю о себе, исходя из собственного опыта), тем яснее чувствуешь, что ты делаешь что-то для всех, для своих коллег, друзей, для рабочих всех твоих заводов. Очень хочется, чтобы они тоже жили достойно, потому что они становятся частью тебя. Если спросить президента «Кока-Колы», я уверен, он скажет, что он смог стать президентом, так как его интересовала судьба каждого его работника, интересовал каждый потребитель, который хоть раз в жизни попробовал кока-колу. Готов ли сказать нечто подобное российский политик?

Что на самом деле объединяет (или скорее может объединять в наших условиях) политику и бизнес, как виды деятельности, так это понятия управления, успеха и ответственности. Учитывая, что политика, как и бизнес, невозможны без профессионального менеджмента и бессмысленны без успеха, являющегося их движущей силой и оценкой работы. И, конечно, предполагают при этом ответственность, которая напрямую связана с самой сутью политической деятельности.

Но есть и другие черты сходства, которые в общепринятых понятиях, на мой взгляд, еще не характеризуют положительно ни бизнес, ни политику. Например, в России часто говорят о конкурентности, но, говоря «конкурентный продукт», что имеется в виду? Очевидно, прежде всего, что он лучший? Ведь вы покупаете одежду потому, что считаете ее лучшей? И голосуете за кандидата, который лучше других?

Однако на практике и в жизни оказывается, что с точки зрения конкурентоспособности важнее быть не лучшим, а первым. Разве «Кока-Кола» производит лучший напиток в мире? Нет, но она занимает первое место по реализации продукции. «Пепси-Кола» с этим долго боролась, но так и остается второй, а остальным производителям они вообще оставили 10 процентов рынка. Хотя многие были лучше. Или — второй пример. Первым перелетел на самолете через Атлантику Ч. Линдберг; он широко известен. И практически никто не помнит имени человека, совершившего второй перелет. А между тем он преодолел три бури, потратил меньше топлива, и сделал все блестяще. А Линдберг просто летел и случайно перелетел. Но об этом сегодня не говорят, и второго не помнят. Зато помнят третьего, потому что это была женщина. Она «открыла» свою нишу и тоже стала первой. Так сказать, бизнес меньше, но в нем ты первый. К сожалению, восприятие — это и есть реальность. Глобальный рынок существует по законам массового восприятия. Также и в политике. Здесь, как правило, и чаще всего выбирают не тех, кто лучше, а тех, кто первый.

Бизнес и политика взаимозависимы. Самая заметная и самая примитивная форма

этой взаимозависимости такова: бизнесмены дают деньги на выборы, политики, избравшись, дают бизнесменам больше возможностей для повышения конкурентоспособности. Но это все на уровне вегетативной системы размножения, начальная стадия развития. Наверное, ее нельзя было миновать.

Следующая стадия — «перетоки» кадров из бизнеса в политику. Культура бюрократии в России, мягко говоря, не высока, и исполнительская дисциплина почти отсутствует. Когда в правительство пришел Владимир Потанин, я лично многого ждал от него, как от человека системного. Но было глубокое разочарование: ничего изменить он не сумел. Говорили, что Потанин просто решал свои коммерческие проблемы, но не все так просто. Когда человек идет из бизнеса в государственное управление, часто оказывается, что у него нет кадровых ресурсов. Его команда — 10–20 человек, а надо 2 тысячи...

Другой характерный пример — Борис Березовский, который превратился из бизнесмена в политика. Он человек из науки, системно мыслящий, достаточно жесткий, все вроде понимал. Но попал он на это поле и его — медицинский факт — съели. Я не знаю, кто съел, правильно ли съели, надо ли этому радоваться или огорчаться. Но факт — съели. Значит, недостаточно иметь высокоорганизованный офис, чтобы добиться успеха. Политика — более серьезное дело, туда одним прыжком, чтобы добиться успеха, не заскочишь.

Иногда говорят, что политика в наши дни становится бизнесом, а бизнес — политикой. Я не могу с этим согласиться полностью. На мой взгляд, политика сейчас как раз становится в меньшей степени бизнесом, чем раньше. А вот бизнес действительно политизируется. Конкуренция в нем выходит за рамки экономических понятий, в связи с чем и встает вопрос о его социальной ответственности.

Взаимоотношения политики и бизнеса неизбежны, и они должны быть близкими. Но не в смысле «ты — мне, я — тебе». Работая в Нижнем Новгороде, я ни одному губернатору — ни Склярову, ни Ходыреву, ни другим кандидатам, — не давал денег, но я всегда взаимодействовал с ними. И они хорошо понимают, когда я говорю: «Мы с вами делаем общее дело, а потому должны взаимодействовать, чтобы говорить на одном языке». Губернатору в долгосрочной перспективе нужно, чтобы на его территории был работающий завод. Тем более, такой завод нужен и моему бизнесу.

Значит, мы должны вывести взаимодействие политики и бизнеса на совершенно новый уровень. Научиться говорить на одном языке; разделять одни и те же культурные ценности. И результатом такого взаимодействия должна быть не отдельно взятая компания, процветающая за счет объединенных усилий одного политика и одного бизнесмена, а все общество. Если наша страна и наше общество поднимутся — это будет успехом, который нужен и политикам, и бизнесменам — всем.

Сегодня мы готовим профессиональных менеджеров для бизнеса, и, конечно, хорошо бы, чтобы нечто подобное появилось и в сфере политики. Не только в смысле усвоения знаний, но и с точки зрения, если можно так выразиться, профессионального очищения организма и души. Одно из самых важных наших предназначений — создать благоприятную среду свободы, которая будет одним из базовых, краеугольных элементов конкурентоспособности политика.

Южный региональный ресурсный центр

Михаил Савва,
доктор политических наук,
менеджер грантовых программ

Юг России консервативен. Кто-то оценивает это как положительное явление, кто-то — как отрицательное. Для нас это просто факт, который предполагает следующее: любое новшество приживается у нас медленно и трудно. Но после того, как новшество вошло в структуру «южного бытия», мы будем охранять его от любых перемен так же упорно, как раньше сопротивлялись. Так, в Гражданскую войну казачество Юга до последней возможности пыталось защитить привычный уклад жизни с верой, царем и отечеством. Через несколько десятилетий, когда советский строй стал частью жизни южан, потомки тех же казаков упорно держатся за привычный социализм. Когда ценности либеральной демократии станут «нашими», жители Юга России будут так же рьяно сопротивляться любым попыткам что-то изменить в устоявшейся картине мира.

Но пока демократия не стала привычкой, в регионе идет очень сложный процесс изменения общественного сознания.

Роль негосударственных, некоммерческих организаций, непосредственно ориентированных на развитие гражданского общества, в таких условиях объективно возрастает. Развитие демократии не может оставаться в регионе монополией власти. Этот процесс не станет органичной частью жизни без поддержки его гражданами, прежде всего на уровне социально ориентированных общественных организаций.

Таким образом, Юг — это сегодня модель не самой простой, но, я думаю, типичной для многих регионов России ситуации.

Общее количество некоммерческих организаций (НКО), действующих на Юге России, по официальным данным составляет более десяти тысяч. Из них свыше 1300 опираются в своей деятельности на одно «плечо» — Южный региональный ресурсный центр (ЮРРЦ) — Краснодарскую общественную организацию, которая была создана в 1997 году. Как записано в нашем уставе, миссия Центра — способствовать становлению гражданского общества посредством развития, укрепления и поддержки общественных организаций Юга России. (Часть наших сотрудников до этого работала в рамках американского проекта, который также был направлен на поддержку гражданских инициатив.)

Организация работает как ресурсный центр. Что это значит?

Известно, что некоммерческие объединения бывают разного типа. Одни из них занимаются, как правило, решением конкретных социальных проблем. А есть объединения, которые можно назвать инфраструктурными, их задача — оказание финансовой, в виде грантов, и иной помощи всем общественным организациям. Кроме того, ресурсный центр — это площадка, на которой они могут консолидироваться, обсуждать то, что их волнует. Место встречи — это тоже очень важно.

Южный региональный ресурсный центр осуществляет свою деятельность через сеть региональных ресурсных центров в городах Ставрополе, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Таганроге, Сочи, Новороссийске, Армавире, Пятигорске, а также в Республике Адыгея. На основе Договора о сотрудничестве и принципов, изложенных в «Кодексе этики и практики взаимодействия региональных ресурсных центров ЮРРЦ». Ресурсные центры сети осуществляют поддержку НКО в 26 малых городах и населенных пунктах на постоянной основе. С 2002 года ЮРРЦ действует через партнерские некоммерческие организации также в городах Астраханской и Волгоградской областей, республиках Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Северная Осетия.

Выполнение этой миссии невозможно без постоянного взаимодействия гражданских инициатив, а также без конструктивных отношений с властью. Поэтому такое важное направление, как взаимодействие некоммерческих организаций с органами власти, было выделено нами в отдельную программу. Она реализуется с 1998 года.

Уникальность миссии нашего центра состоит, на мой взгляд, в том, что, поддерживая некоммерческий сектор, он способствует привлечению ресурсов для финансирования проектов из такого источника, как местный бизнес. Люди, которые сумели стать сильными экономически, я считаю, не должны забывать, что они живут и трудятся на территории, где проживают их сограждане и растут их дети. В этом году мы запустили пилотную программу «Социальное измерение в бизнесе», в которой участвуют представители бизнеса г. Краснодара.

Сошлюсь также на успешный пример сотрудничества ЮРРЦ и Краснодарского филиала Росбанка в осуществлении грантовой программы «Новый день», которая направлена на поддержку усилий общественных организаций, оказывающих помощь детям. Начиная с 1997 года, нашим центром был осуществлен целый ряд конкурсных программ по оказанию финансовой помощи проектам некоммерческих организаций южно-российского региона. Цель конкурсов — содействие решению острых социальных проблем, повышение активности граждан в общественной жизни, развитие некоммерческих объединений. В 2001 году такие программы включали два направления: конкурс проектов некоммерческих организаций, решающих социально значимые проблемы местного сообщества, и конкурс для организаций, решающих проблемы молодежи. Было профинансировано 44 проекта на общую сумму около трех миллионов рублей. Это позволило оказать реальную помощь более чем десяти тысячам жителей региона: инвалидам, престарелым, женщинам, детям, семьям военнослужащих, безработным, лицам, находящимся в заключении, беженцам и вынужденным переселенцам. Мы учим общественные организации эффективно помогать людям и сами учимся вместе с ними.

Важным направлением деятельности ЮРРЦ являются обучающие программы: многоуровневая школа «Устойчивая и эффективная организация», школы по связям с общественностью, семинары для некоммерческих организаций региона по управлению персоналом, финансовой устойчивости, стратегическому планированию, управлению проектами, фандрайзингу, связям с общественностью, навыкам общения, лидерству и принятию решений в организации. Большой популярностью у лидеров общественных организаций пользуются клуб бухгалтеров, существующий при ЮРРЦ, и компьютерные курсы.

Естественным направлением работы является развитие связей с общественностью. Взаимное недоверие власти и гражданско-

го общества из-за плохого знания друг друга, непонимание многими людьми, для чего существуют и что могут НКО — все это серьезнейшие проблемы Юга России. Для их решения в ЮРРЦ разработаны и внедрены социальные технологии по продвижению имиджа некоммерческих организаций среди населения региона, укреплению их связей со СМИ, развитию социального партнерства с представителями государственных и коммерческих структур. По инициативе и при организационной поддержке ЮРРЦ в регионе проходят общественные и имиджевые кампании некоммерческих организаций, акции взаимодействия по конкретным социальным проблемам, конкурсы для журналистов, другие события, пропагандирующие идеи гражданского общества.

В настоящее время общественные организации выходят на новый уровень развития. Многими из них разработаны и успешно применены эффективные технологии в области развития связей с общественностью. Обмен новыми идеями, технологиями по продвижению имиджа общественных организаций потребность времени. С этой целью в этом году мы провели конкурс PR-проектов для некоммерческих организаций «Хрустальный колокол» и семинар «Формирование представления о деятельности некоммерческих организаций в местном сообществе». Если на колокольне ударить в колокол, то начнут звучать и другие колокола — такой была главная идея конкурса. Конкурс проводился второй раз. Первый Всероссийский конкурс и семинар был проведен ЮРРЦ в 2001 году в Анапе. В текущем году в финале конкурса участвовало 30 проектов из 24 городов России и СНГ (Азербайджан). На семинаре были представлены новые, эффективные и проработанные способы взаимодействия со СМИ, формы привлечения общественного внимания к своей организации. Особенностью этого конкурса и представленных на нем проектов является практический выход на сами некоммерческие организации, органы местного самоуправления, и что самое главное, вовлечение населения в конкретные социальные программы.

Для более широкого освещения деятельности некоммерческих организаций региона и продвижения их имиджа наш центр издает журнал для общественных организаций «Идеалист» (тираж — 999 экземпляров), ежемесячную газету «Новая реальность» (тираж –1500 экземпляров). Кроме того, нашим центром уже издано более 40 справочных и методических пособий.

Нельзя не сказать и о наших информационных ресурсах. Наши клиенты, некоммерческие организации, имеют постоянный доступ в Интернет. У нас есть свой веб-сайт http://www.srrc.ru; базы данных более чем по 1300 НКО региона, источникам финансирования, местным СМИ. Библиотеки для НКО в десяти городах Юга России включают более 1500 единиц хранения.

Мы сотрудничаем со многими российскими и международными общественными структурами: «Коалицией «Мы — граждане!», международной сетью оценщиков, международной миротворческой виртуальной сетью, международной виртуальной сетью «Advocates of the Millennium», Клубом бухгалтеров и аудиторов (Москва), Форумом переселенческих организаций (Москва), Датским Советом по беженцам, межрегиональной общественной организацией консультантов и профессиональных тренеров «Intertraining», фондом «Стратегия», региональным представительством программы TASIC, ИСАР, Агентством социальной информации. Слова особой благодарности — Московской школе политических исследований, которая замечательно умеет открывать новые горизонты...

Гражданское общество в южном регионе развивается далеко не в тепличных условиях. Но каждый год в нашей консервативной социальной среде появляются новые «точки роста» демократии. Мы рады, что способствуем этому.

Мал городок, да дорог

Ассоциация малых и средних городов России

Ирина Кораблева,
пресс-секретарь мэра г. Углича

В сентябре исполнилось два года Ассоциации малых и средних городов России.

Решение о создании ассоциации было принято на экстренной сессии Конгресса муниципальных образований России в июне 2000 года. К этому времени самые впечатлительные муниципалы оплакивали судьбу местного самоуправления. Краски сгущались в связи с расформированием управления администрации президента по местному самоуправлению, а также тем, что новый состав комитета Госдумы тогда только выбирался из межфракционных дебатов.

В этой ситуации Конгресс решил усилить свой состав руководителями небольших городов. Что неудивительно: 929 малых городов (а это 85 процентов всех городских поселений страны) — фундамент российской экономики, да и жизни вообще. В них живет каждый пятый россиянин, а если учесть, что большая часть таких муниципалитетов одновременно еще и районные центры, где сосредоточена базовая инфраструктура для окружающих поселений и сел, то число сограждан, вовлеченных в орбиту «малогородских» проблем, вырастает до 40 миллионов человек.

А проблем за десятилетия реформ накопилось ничуть не меньше, чем у столичных центров. Если не больше. Ведь значительная часть малых городов — моноориентированы, то есть строились во времена монолитной советской экономики вокруг крупного градообразующего предприятия. Естественно, в новых условиях многим из них пришлось заново искать свою нишу и способы выживания. В результате производственная сфера на этих территориях фактически начала сворачиваться. Если в 1990 году на долю малых и средних городов приходилось 25 процентов промышленного производства, то в 2000 — только 17 процентов. За последние пять лет в таких городах закрылось каждое третье предприятие (в то время как в целом по стране их число выросло на 70 процентов). Самое страшное последствие — потеря рабочих мест. Занятость уменьшилась на 2 миллиона человек (почти на 60 процентов). Люди стали просто уезжать со своей малой родины в поисках не то что лучшей жизни, но хотя бы работы. 160 малых городов превратились в села или вообще исчезли с российской карты. В 518 резко уменьшилось число жителей. Не стал панацеей малый и средний бизнес: в крупных городах ларьки на каждом шагу, но в небольшом городке не так много покупателей. Сегодня в малых городах 1300 малых предприятий, или по полтора на каждый город.

Картина, что и говорить, неприглядная. Хотя, конечно, есть и те, кому удалось вырваться из прорыва. Как правило, это исторические центры с многовековой историей, а не созданные искусственно советские поселения. Ну и, конечно, непременное условие — расторопность местной власти. Например, старинный Покров Владимирской губернии привлек крупного инвестора — немецкий концерн «Штольверк». На месте недостроенной карамельной фабрики с многомиллионными долгами открыли шоколадную. Сегодня покровским шоколадом завалены прилавки по всей стране. А

сама «шоколадка» дает почти 60 процентов районного бюджета, тем самым выведя Покров из прорыва в доноры.

Или российская Швейцария — город Углич: леса, Волга, часовой завод «Чайка» (один из крупнейших в СССР), знаменитые НИИ сыроделия и маслосырозавод. Углич сполна испил чашу распада. Но несколько лет назад новый мэр Элеонора Шереметьева не побоялась превратить город, где сокращенные рабочие часового завода митинговали под зданием дирекции, а в самой мэрии во время дождя с потолка капала вода, в оффшорную зону. В результате Углич стал донором, а сама Шереметьева — лауреатом конкурса «Российский мэр-95». Неудивительно, что именно Элеонору Михайловну лидеры малых городов избрали президентом своей ассоциации.

Ассоциация уделяет огромное внимание обмену опытом. В ней создано несколько тематических секций, в которых собираются не только мэры, но и те, кто отвечает, скажем, за жилищно-коммунальную сферу, и обсуждают общие проблемы. Например, сможет ли население небольших и небогатых городов платить 70 процентов стоимости коммунальных услуг, к чему призывает правительство? В малых городах это просто нереально, люди могут заплатить максимум 40 процентов. Есть секция муниципальных юристов, секция для работников муниципальных финансовых органов. На собраниях секций, как и на встречах в самой ассоциации вырабатываются коллективные решения, которые затем отстаивают на самом верху. К примеру, тот самый вопрос об оплате коммунальных услуг. Кто обоснует правильность снижения доли платы жителей малых городов, как не представители этих самых городов?

Голос ассоциации сегодня звучит весьма уверенно на сессиях Конгресса муниципальных образований, в рабочей группе комиссии Дмитрия Козака, разработавшего реформу местной власти и межбюджетных отношений. В мае в Москве прошел Всероссийский форум малых и средних городов России, организованный совместно с Российским союзом товаропроизводителей (РСТ). В работе форума приняли участие председатель Госдумы Геннадий Селезнев, президент РСТ Николай Рыжков. Делегацию форума принял спикер Совета Феде-

рации Сергей Миронов. Столь представительный состав гостей и участников вселяет надежду на то, что проблемы небольших поселений будут учтены при выработке государственных решений.

– Мы должны активно создавать себе союзников во всех ветвях власти, среди политиков, коммерсантов. Эффективный союз с сильными представителями власти и экономики будет возможен тогда, когда мы сами будем представлять силу – для этого мы и объединились в Ассоциацию. Но формального объединения недостаточно. Теперь нам необходимо проявить способность слаженно работать, научиться договариваться о решении общих вопросов и главное – действовать скоординировано в защиту интересов населения муниципальных образований. Нам нужен единый, мощный голос муниципалов, поэтому мы и стремились консолидировать усилия всех мэров. Этого единства действий до сих пор не хватало существующим объединениям муниципальных образований. Чем скорее мы это поймем, тем лучше сможем решать наши проблемы. Причем мы должны не просто говорить «ах, как плохо» или «помогите», а отрабатывать те решения, которые надо принять на федеральном уровне, – вот что важно. Я думаю, что уже на сегодняшний день Ассоциация малых и средних городов заняла свою нишу в общественно-политической жизни и главное, чтобы такая активность мэров сохранилась и впредь, – говорит Элеонора Шереметьева.

По мнению президента Ассоциации, России необходима государственная программа поддержки и развития малых и средних городов страны. По причинам, описанным выше, им самим со своими проблемами справиться довольно трудно. Нужен комплексный подход, нацеленный на создание условий для социально-экономического развития таких территорий. Нужна эффективная государственная политика поддержки малого и среднего бизнеса, в первую очередь – финансово-кредитная и лизинговая поддержка. Восстановление производственной сферы малых и средних городов должно стать делом общенациональным, считают члены ассоциации.

Примечательно, что новая организация сразу поняла необходимость работы со средствами массовой информации. «Сколько ни стучись в двери кабинетов федеральной власти, не привлечешь внимание к малым городам России, если о них не будет писать пресса», – объясняет Шереметьева. По инициативе исполнительного директора Ассоциации Игоря Бабичева (выпускник Школы, секретарь Конгресса муниципальных образований), год назад при этой организации был создан пресс-клуб «Российская провинция» – едва ли не единственный в России, объединяющий журналистов центральных СМИ, готовых писать о проблемах российской глубинки. В пресс-клуб входят журналисты «Известий», «Аргументов и фактов», «Российской газеты», «Коммерсанта», «Времени новостей», журналов «Огонек», «VIP», «Наша власть», «Власть на местах» (ИТАР-ТАСС), «Российская Федерация сегодня», «Муниципальная власть». Это не просто перечень изданий – это конкретные люди, регулярно пишущие о нелегкой судьбе провинции.

Последний пример – двухдневная проблемная поездка в знаменитые своими лаковыми миниатюрами Палех, Мстеру, Холуй. Именно благодаря работе пресс-клуба читатели крупнейших изданий узнали, что эти известные во всем мире центры народных промыслов переживают далеко не лучшие свои времена. Оказалось, что они с трудом приспосабливаются к условиям рынка. В результате поездки члены Ассоциации поставили своей задачей поднять тему сохранения традиционных народных промыслов этих мест на государственном уровне, поскольку проблему возрождения этого искусства на местном уровне решить невозможно. Готовится соответствующее письмо Президенту России. Пресс-клуб планирует в ближайшее время еще несколько поездок по малым городам страны. В этом Ассоциация видит реальную информационную поддержку провинции.

Алексей Клешко: «В жизни всегда должно быть место вопросам...»

В школе Леша был активистом. И абсолютно искренно верил в комсомол. Его, старшеклассника, избирали и членом бюро райкома, и членом обкома комсомола. Но дело не в этих постах, конечно. Леше казалось, что комсомол занимается очень важным делом: организацией жизни. Клешко и сегодня не видит в этом ничего смешного.

«Прикинь, — говорит он мне, — наше отчетно-выборное собрание в десятом классе длилось четыре часа. Всё — на полном серьезе, без обмана, фальши, демагогии. Наш комитет комсомола был настоящей творческой лабораторией. Первые среди школ города Абакана мы ввели День самоуправления. Старшеклассники преподавали в младших классах — и с таким успехом, что сами учителя ахали. Все школьные конфликты разрешал комитет комсомола. То есть в обычные вещи мы вносили что-то необычное. На 9 Мая 1987 года организовали праздник для всего города. И не дежурно, не формально, не лишь бы отметиться перед ветеранами, а нашли талантливых хакасских художников и организовали выставку их работ о войне на площади прямо у Вечного огня. Звучали песни Высоцкого, Окуджавы. Получился не просто праздник со слезами на глазах, а «праздник изнутри». Это было классно, поверь мне. Ветераны растрогались, тем более что для них старались пацаны по собственной инициативе, никто нас не заставлял».

Еще в школе Леша Клешко увлекся журналистикой. Вел детскую передачу на абаканском телевидении «Подарки для Робинзона». Простая такая была передача, незатейливая: о том, как научиться фотографировать, какой подарок сделать маме на 8 Марта.

«Знаешь, в моем детстве до поры до времени все было очень правильно — пионер, комсомолец... Я искренно во все это верил, но неизвестно, чем могло бы кончиться и как далеко зайти, если бы однажды к нам не при-

ехала Мира Сергеевна Савельева, основательница отделения журналистики Красноярского университета. Такая пожилая, полная дама, но — другая, совсем другая, чем взрослые люди в моем родном городе. Средь коричнево-серой толпы вдруг появилась женщина в белом платье, красном пиджаке, свободная, яркая, независимая, талантливая... У меня уже вырисовывалась такая партийно-комсомольская стезя, я был очень правильным советским мальчиком, а тут — стихия, и все так непонятно, интересно, захватывающе, что я не просто выбор сделал, а понял, может быть, самое главное: в жизни всегда должно быть место вопросам...».

В 1987 году Леша Клешко поступил на отделение журналистики Красноярского университета. Но после I курса Лешу забрали в армию. Как ни странно, армия для интеллигентного Леши оказалась хорошей школой жизни.

«Нет, меня не били. Более того — я сам боролся с дедовщиной. И эта моя дурацкая принципиальность меня спасала».

1989 год. Клешко вернулся в университет. Перестройка в разгаре. Одни идолы низвер-

гаются с пьедесталов, для других там же, на пьедестале, освобождаются места. Но саму перестройку Леша переживал очень лично. Именно *переживал* — и осмыслял, продумывал...

Лешиного деда раскулачивали три раза, на третий — расстреляли, и прадеда-священника — тоже расстреляли... Однажды 5 марта, в день смерти Сталина, Леша Клешко в университете устроил поминки по всем сталинским жертвам. Были свечи, фотографии погибших поэтов, писателей, художников...

В 1992 году Лешины родители ушли на пенсию, он перевез их к себе в Красноярск, время было трудное, цены росли... Леша взял в университете академический отпуск, работал на четырех работах. На радио вел передачу «Канал межнационального общения», собирал в эфире людей разных национальностей — латышей, литовцев, греков, немцев, короче, всех тех, кого в годы сталинщины ссылали в Сибирь, и кто остался жить в Красноярском крае. Рассказывал истории этих людей, они сами говорили о себе. А потом в эфире Леша просил их сказать что-нибудь на родном языке. Цензура была в ужасе: «Откуда мы знаем, что они говорят? Может, нас проклинают?». А на краевом телевидении Клешко делал первые ток-шоу, вел «Ночные новости», детские и молодежные передачи.

В 1996 году в Красноярске состоялись выборы в городской совет. Алексей Клешко победил и представлял в горсовете блок молодежных организаций «Доверие — молодым». Было ему тогда всего 26 лет, но в городе он давно уже завоевал авторитет и популярность. Особенно, конечно, у молодых. В то время государственную политику по отношению к молодым можно было бы сформулировать словами Жванецкого: «А чт*о* — молодежь! Чт*о* — молодежь! Да мы захотим — и у нас вообще молодежи не будет». Жизненной задачей Алексея Клешко было эту госполитику изменить. Не криками на баррикадах, не уходом в глухую оборону или непримиримую оппозицию, а сосредоточенной работой.

За четыре года Лешиной работы в городском совете финансирование целевых программ для молодых увеличилось в 18 раз! Цифра, конечно, впечатляющая, но еще более впечатляет то, что за ней стоит. Клешко и его коллегам удалось профинансировать мастерскую для детей-инвалидов, а на следующий год заняться финансированием клуба для родителей этих детей, тоже, кстати, инвалидов. Или еще пример: создать военно-спортивный клуб для подростков, в который собрались почти тысяча ребят из трудных семей.

Леша убежден: «Если работать не на конфронтации, а на объединительном ресурсе, то все получится. И помощники обязательно найдутся, и подвижники, и волонтеры. Главное — не в пустоту свои усилия направлять, а помогать тем, кто уже что-то делает. Чтобы было движение, развитие...»

Как-то Леша узнал, что в одной красноярской школе дети мечтают о рояле. Новый рояль — сегодня безумно дорого стоит. Но Леша нашел спонсоров, затем — старый рояль, который замечательно отреставрировали...

Может быть, кому-то это покажется мелочью, смешной «теорией малых дел», но Леша верит в спасительную силу добра.

Говорит мне: «Не думать надо за людей, а привлекать к сотрудничеству. Например, когда мы в горсовете начали работать с бизнес-ассоциациями, нас все пытались остановить: мол, предприниматели никогда вам правду о себе не скажут, пустая трата времени. Но мы этих советчиков не послушались, и оказались правы. Результатом нашей работы с бизнес-ассоциациями стало вот что: от трех до шести раз снизили сбор за право торговли — непомерно высокий сбор. И, знаешь, поступление физических денег в бюджет по этому налогу увеличилось. То есть мы этот налог сделали небольшим, и его начали платить. Люди не стали скрываться. Все прямо, как в той рекламе: «Заплати — и спи спокойно».

В 1997 году Алексея Клешко признали лучшим телерадиожурналистом края. А в 1998-м губернатором в Красноярском крае был избран Александр Лебедь. О мертвых, конечно, или хорошо, или никак. Но Лебедь для Клешко это отдельная тема, без нее никак не обойтись, поэтому обозначу хотя бы коротко, пунктиром.

«Понимаешь, я не был в оппозиции к Лебедю. Мне вообще слово «оппозиция» не нравится. Не оппозиция, а — другая позиция. Не опыт «против» — другой опыт».

Леша задумывается и продолжает: «Позиция у меня и моих единомышленников была такая: не боятся критиковать Лебедя. А людей критиковавших его тогда, поверь мне, оказалось немного. Поэтому мы не столько боролись с Лебедем, сколько просто старались выжить при нем — не дать уничтожить себя и то, что ценим, во что верим. Поэтому у нас если и была борьба, то именно политическая, — не с личностями, а с идеями. И когда Лебедь предлагал дело, мы его поддерживали, не зацикливались на борьбе. Но мне и сегодня кажется: не давать другим разрушать — это тоже созидание».

Когда пришел Лебедь, Клешко стал работать в горсовете на постоянной основе. Государственное телевидение пришлось покинуть. («И хорошо, что ушел до того, как героями гостелевидения у нас в Красноярске стали криминальные авторитеты».)

В 1999 году Леша вернулся на телевидение, но уже на частное. Вел аналитическую передачу «Территория».

А в декабре 2001 года были выборы в Законодательное собрание Красноярского края. И Алексей Клешко на этих выборах победил в округе, где живет. Теперь осваивает работу в новом масштабе. Краевом.

В Законодательном собрании края Алексея Клешко избрали председателем комиссии по государственному строительству, местному самоуправлению и развитию институтов гражданского общества. Смеется: «Знаешь, народ поначалу одно понял: «О, строительство!». И побежал ко мне за кирпичами». А если серьезно, то Клешко и его коллеги по комиссии занимаются устройством власти в крае, законодательным обеспечением управления. К примеру, много работают по совершенствованию законодательства о госслужбе. Поясняет: «Ужесточаем требования к государственным и муниципальным службам: к образованию, к отчетности, к финансам. Сокращаем льготы госслужащим».

Леша убежден: депутаты должны работать так, чтобы люди поверили, что на местном уровне можно что-то решать. Иначе будет местное управление, а не местное самоуправление.

«Кстати, мы остановили объединение трех районов в единое муниципальное образование. Потому что нельзя объединять просто ради управляемости, нельзя отделять власть от людей. Знаешь, люди уже сами не позволяют власти быть к ним пренебрежительной».

Поселковых советов в Красноярском крае — 600, городских и районных — 42. И Леша Клешко с коллегами стараются научить их делать программы развития территорий. («Мы хотим доказать администрации края, что ее личных мозгов на всех не хватит, надо развивать мозги на территориях, на местах, в поселках и так далее».)

Сейчас Леша работает над законопроектом об инвестиционной деятельности в крае. Четыре месяца пишет Закон о молодежной политике, который идет тяжело, потому что все упирается в деньги, а денег нет...

Работать над законопроектами приходится долго, кропотливо, но Леша считает, что это очень важная часть его депутатской деятельности.

«Я только в этом году «вел» двадцать четыре закона, которые уже приняты, а десять будут еще приняты до конца года. И верю, что в процессе работы над законами люди проникаются проблемой, и если ты грамотно ведешь эту работу — то у тебя будет много сторонников, и среди чиновников тоже. Работая над законами, мы создаем правовое поле. Без которого нет и не может быть гражданского общества».

Молодой политик Алексей Клешко и сегодня уверен: в жизни должно быть место вопросам. И вопросов в его жизни больше, чем ответов. Но он продолжает задавать себе вопросы, и сам ищет ответы. Потому что понимает: вскрыть сущность нельзя, подходя со стороны, сущность вскрывается только сущностью, изнутри — внутрь...

Леше Клешко не нужен просто успех. Он хочет глубокого и удачного опыта. Того, которого добиваются только сущностью, только изнутри — внутрь...

Зоя Ерошок

Федерализм

I. Федерализм как философская идея

Термин «федерализм» («*federalism*») происходит от латинского «*foedus*» («соглашение»). По мнению Даниэла Элазара, одного из наиболее авторитетных исследователей проблем федерализма, латинский «*foedus*» близок по смыслу древнееврейскому «*brit*» — фундаментальному библейскому понятию, означающему соглашение с Богом и, одновременно, соглашение между людьми, которые строят свои отношения на основе договора, выполнения взаимных обязательств.

Политический федерализм вырос фактически из «федеральной теологии», зародившейся в недрах католического социального учения (принцип субсидиарности). Другим источником «федеральной теологии» был европейский протестантизм, перенесенный переселенцами — прежде всего, пуританами и кальвинистами — на почву североамериканского континента. Основой теологии была идея ненасильственного соглашения, выступающего необходимой предпосылкой прочности гражданских институтов.

Таким образом, с философской точки зрения, выражением глубинной сути федерализма являются принципы соглашения (договора или ковенанта), доверия (родственным «*foedus*» выступает «*fides*» — «доверие»), добровольного согласия, партнерства, компромисса. Это идея, выражающая политическую справедливость, формирующая политическое поведение людей и направляющая их к гражданскому союзу. Федерализм имеет непосредственное отношение к правам личности; он утверждает, что нет большинства без меньшинства, защищая тем самым права меньшинств. Федерализм выступает мощным средством сохранения небольших сообществ, федерализм — одна из ипостасей плюрализма. По мнению Винсента Острома, он является идеологией подлинно самоуправляющегося общества, альтернативой централизованной властной вертикали, гомогенному обществу, а Престон Кинг рассматривает федерацию в качестве одной из разновидностей демократического правления.

II. Федерализм как политический принцип. Федерализм и демократия

Среди специалистов нет единодушия по вопросу о том, как соотносятся друг с другом федерализм и демократия. В России связь между этими феноменами нередко ставится под сомнение; при этом предполагается, что федеральное устройство может быть присуще не только демократическим, но и авторитарным государствам. С подобными рассуждениями можно согласиться только в том случае, если под федерализмом понимать исключительно юридическую формулу, позволяющую центральным и региональным чиновникам делить власть и собственность. Между тем, в федералистских установлениях не менее важна культурная, человеческая составляющая. Федерализм как политический принцип адресован не к территориям государства, но к людям, кото-

рые их населяют. Федералистская политика — это, прежде всего, определенный тип взаимоотношений между людьми.

При таком взгляде соотнесение федерализма с демократией предстает вполне бесспорным. Федеральное устройство плохо согласуется с авторитарными методами управления. Столь же прочным кажется и обратное соотношение: почти все традиционные демократии (за исключением, вероятно, Франции) в той или иной мере практикуют федералистские подходы, порой даже не являясь федерациями в классическом смысле слова. Иллюстрациями к последнему тезису служат Италия, Испания, Великобритания.

Иначе говоря, демократия и федерализм повсеместно стимулируют и укрепляют друг друга. Элазар совершенно справедливо обращает внимание на то, что «федералистская революция», преобразующая политическую карту мира в последние десятилетия, развивается параллельно с демократизацией, то есть «демократия» и «федерализм» символизируют один и тот же вектор социальных перемен. Будучи федералистом, нельзя не быть демократом, причем обратное столь же верно. Именно поэтому готовность того или иного общества к реализации федеративных рецептов можно считать довольно точным индикатором его демократической зрелости. И наоборот, государства, демократически еще не состоявшиеся, не в силах реализовать федералистские проекты даже в тех случаях, когда последние сулят им немалые выгоды.

III. Федерализм и федерация

Важно понимать, что федерализм нетождествен федерации. Взаимоотношения между этими понятиями можно рассматривать, по крайней мере, в двух плоскостях. С одной стороны, если *федерализм* является идеологией и в то же время нормативным политическим принципом, то *федерация* — это дескриптивное (описательное) понятие. Федерация говорит о существующей реальности в форме конкретного институционального дизайна. Федерация, таким образом, есть конкретное воплощение федеративного принципа.

Несколько иной подход к выявлению характера взаимоотношений федерализма и федерации предложил Элазар. В его трактовке и федерализм, и федерация представляют собой дескриптивные понятия; основное различие между ними лишь в масштабе. По его мнению, *федерализм* – родовое понятие, обозначающее тип политической организации, в то время как *федерация* представляет собой основной (то есть наиболее распространенный) подвид федерализма. В качестве других подвидов выступают конфедерация, федератизм, ассоциация, союз, лига, консоциация, кондоминиум, конституциональная регионализация и, наконец, конституциональное местное самоуправление.

IV. Классификация федераций

В настоящее время в мире насчитывается около трех десятков федеративных государств. Список включает в себя как крупные (Бразилия, Россия, Канада), так и небольшие государства (Федеративная Исламская Республика Коморских островов, Объединенные Арабские Эмираты), расположенные во всех частях света. Для того чтобы считаться федерацией, государство должно отвечать трем критериям. *Во-первых*, одна и та же территория государства и проживающие на ней граждане одновременно пребывают под юрисдикцией двух

(или более) уровней власти. *Во-вторых*, каждый из этих уровней располагает самостоятельной компетенцией. *В-третьих*, ни один из упомянутых уровней не имеет права упразднить другой. Классифицировать федерации можно по разным признакам. Исходя из способа их создания, различают *договорные* и *конституционные* федерации. Первые возникают на основе соглашения, заключаемого между самостоятельными государствами, вторые — путем внутригосударственных преобразований и принятия соответствующей конституции. Далее, в мире есть *симметричные* и *асимметричные* федерации. (В последнем из этих случаев составные части федеративного государства характеризуются разным правовым положением.) Наконец, следует выделить *федерации, созданные на основе национально-территориальных начал* (предусматривающие закрепление за этносами конкретных участков территории), и *территориальные* федерации, не предполагающие административного самоопределения этнических групп. Границы, задаваемые всеми этими критериями, не абсолютны, поскольку существуют многочисленные переходные и промежуточные формы, размывающие описанное деление.

V. Федерация и конфедерация

В отечественной литературе конфедерация традиционно противопоставлялась федерации; в этой паре понятий видели что-то вроде антиномии, полагая, что лишь один из двух подходов сочетается с понятием «федерализм». Конфедерация считалась неполноценной, неразвитой формой федеративного устройства, промежуточной отметкой на шкале «унитарное государство — федеративное государство». Подобные воззрения вполне соответствовали утверждаемому вестфальской системой возвеличиванию национальной государственности.

Федерация и конфедерация изначально представляли собой две самостоятельные разновидности одного и того же социально-политического феномена. Главной особенностью обеих форм, несмотря на все их различия, остается сочетание самоуправления с разделенным правлением, исключительной компетенции — с совместной компетенцией. В эволюционном смысле взаимосвязь между этими способами организации политии отнюдь не носит линейного характера; развитие может идти как от конфедерации к федерации, так и в обратном направлении; о «прогрессе», «регрессе», «вырождении федерации в конфедерацию» рассуждать бессмысленно. Уместно также напомнить, что в эпоху оформления классических федераций федерализм ассоциировался именно с конфедеративным устройством. Гегемония нации-государства, под знаком которой прошли XIX и XX столетия, не способствовала популярности конфедерации: на фоне базовой дихотомии «унитаризм — федерализм» конфедеративная идея терялась.

Одна из черт глобализации заключается в том, что давление, которому она подвергает федеративные государства, способствует их превращению в конфедерации. В первую очередь сказанное верно в отношении федераций, организованных по национально-территориальному принципу. Как правило, ведущим поборником конфедеративных преобразований в пределах устоявшихся федераций выступают национальные меньшинства, компактно проживающие на определенной территории и обладающие (благодаря федеративному устройству страны) зачатками собственной государственности. Сущность решаемых ими задач обусловлена «промежуточным», «переходным» статусом

национально-территориальных федераций. Как показывает мировая практика федеративного строительства, в отличие от классических федераций, опирающихся на безусловный приоритет территории над этничностью, государства данного типа изначально тяготеют к одной из двух эволюционных альтернатив — к превращению в конфедерацию или же к преобразованию в такую федерацию, где составные части юридически лишены этнической самобытности. Глобализация, в натиске которой малые нации не без оснований видят угрозу собственному выживанию, нередко подталкивает современные многонациональные федерации к реализации первого сценария.

VI. Федералистские принципы в Европейском Союзе

Идея, дух и принципы федерализма используются также при территориально-государственном строительстве на наднациональном уровне. Прекрасной иллюстрацией этого является Европейский союз (ЕС). Единая Европа, «вырастающая» из ЕС, не может быть унитарным объединением, но должна следовать федералистскому принципу «единства в разнообразии», признавая целостность и автономию своих составных частей — государств-членов и регионов. Принципы и сам дух федерализма — доверие, взаимное уважение сторон, добровольность принимаемых обязательств — всегда были частью европейской конструкции; они более всего соответствует сложному развитию европейских сообществ.

Идеи федерализма играют важную роль, начиная с самых первых этапов европейского объединения — с проектов Мишеля Дебре 1949 года и Ассамблеи *ad hoc* 1953 года. Однако в то время размах федералистского проекта объединения оказался чрезмерным; интеграция пошла по пути постепенного секторального объединения («функционалистский подход»). Поворот к евро-федерализму произошел в 1980-е годы и был связан с именем Жака Делора, убежденного федералиста.

В конце XX века Единый европейский акт, Маастрихтский и Амстердамский договоры становятся основополагающими документами европейского строительства, что свидетельствует о развитии федералистской концепции интеграции. ЕС постепенно превращается в гибридную систему, сочетающую начала конфедерализма и федерализма (наднациональный подход) и межправительственный подход. Дальнейшее развитие ЕС лежит в переходе от практики договоров к принятию единой конституции.

Нынешний ЕС, безусловно, далек от классической (кон)федерации. Тем не менее, договоры ознаменовали явный сдвиг от экономической по преимуществу конфедерации к более полному (кон)федеральному союзу, который не является статичным, но находится в постоянном развитии. По-видимому, эволюция ЕС будет проходить в границах так называемого «конфедеративно-федеративного континуума». Европейская федеративная традиция предполагает, что ЕС станет союзом государств и граждан, имеющим свою конституцию, где полномочия, в соответствии с принципом субсидиарности, разграничены между наднациональными институтами, государствами-членами и составляющими их регионами.

Ирина Бусыгина,
Андрей Захаров

«The National Interest»

The National Interest — ежеквартальный журнал по проблемам американской и мировой политики был основан в 1985 году видным идеологом американского консерватизма Ирвингом Кристолом. Проблемы внешней политики журнал трактует в расширительном смысле, если учесть, что на поведение и взаимодействие государств влияют история, культура, экономика, технология, философия, религия. Круг, обсуждаемых на его страницах проблем, простирается от исследований о китайском национализме времен «Опиумных войн» и роли религии в американской внешней политике до анализа расширения НАТО. Как говорится в редакционном заявлении на сайте журнала (www.nationalinterest.org): «Мы решили, что *The National Interest* не должен ограничиваться «внешней политикой» в узком, техническом смысле, но должен уделять особое внимание идеям и направлениям, в которых культурные и социальные различия, технологические новшества, история, религия влияют на поведение государств». «Мы там, где начинаются большие дебаты».

На страницах *The National Interest* велись и ведутся острые дискуссии по проблемам мирового развития после холодной войны. Именно в этом журнале в 1989 году была опубликована знаменитая статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории?». Бывший министр обороны США Джеймс Шлезинджер назвал *The National Interest* «самым внимательным и прозорливым журналом о международных делах».

Высокую оценку *The National Interest* давали и другие выдающиеся люди Америки и Европы. По мнению Маргарет Тэтчер, — это «обязательное чтение для всех, кто занимается международными делами. Он убедителен, авторитетен и стимулирует мысль: полон идей и аргументов, которые не только информируют читателя, но и бросают ему вызов». Известный писатель Марио Варгас Льоса назвал *The National Interest* «интеллектуально захватывающим».

Среди авторов журнала крупные исследователи и политики, включая ряд высокопоставленных сотрудников нынешней администрации президента Дж. У. Буша: Государственный секретарь США Колин Пауэлл, его заместитель по контролю вооружений и международной безопасности Джон Болтон, заместитель министра обороны Пол Вулфовиц, торговый представитель США Роберт Зелик и другие.

Редакционный совет журнала возглавляет Конрад Блэк — канадский издатель и британский лорд. Сопредседатель совета — выдающийся дипломат и историк, бывший государственный секретарь США Генри Киссинджер. Среди руководителей журнала — известные политологи Ричард Перл, Роберт Такер, Фрэнсис Фукуяма, Самюэль Хантингтон. Редактором журнала является Адам Гарфинкль, политолог и публицист, автор книг по проблемам международной безопасности.

The National Interest неизменно уделяет большое внимание проблемам посткоммунистических стран. Еще в самом начале 90-х годов вышел специальный номер журнала, озаглавленный «Странная смерть советского коммунизма», авторами которого были Роберт Конвкест, Ричард Пайпс, лауреат Нобелевской премии по литературе Сол Беллоу. В дальнейшем, посвященные проблемам посткоммунизма работы Андерса Ослунда, Алена Безансона, Збигнева Бжезинского, Роберта Легволда, Анатоля Ливена, Джека Мэтлока, Адама Улама и др. Среди авторов *The National Interest*, занимающихся проблемами России и Восточной Европы, есть и эксперты Московской школы политических исследований: Эрнест Геллнер, Ричард Перл, Ричард Пайпс, Джеффри Хоскинг.

*О том, чем может быть НАТО**

До и после Праги

Чарльз Гати,
профессор университета Джонса Гопкинса (США)

ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ ведущие американские политики по понятным причинам сосредоточились на войне против терроризма, приковывающего их внимание к Ближнему Востоку, Центральной Азии, террористическим гнездам в Европе и Юго-Восточной Азии и к проблемам обеспечения внутренней безопасности. Но мы все еще озабочены и тяжкой проблемой последних шести (или около того) лет, когда посткоммунистические истории успеха превратились в повесть с более сложной сюжетной линией. Действия и надежды перестали гармонировать друг с другом. Так что путь к Пражскому саммиту НАТО в ноябре 2002 года вымощен благими пожеланиями — и несбыточными надеждами.

Целью ставится приглашение целых семи стран — Эстонии, Латвии и Литвы (Балтия), Словакии и Словении (Центральная Европа), Болгарии и Румынии (Черноморский регион) — вступить в организацию. Вместе с Польшей, Венгрией и Чехией, принятыми в 1999 году, они составляют своеобразную «горячую десятку» посткоммунистического мира. Эти страны достигли гораздо большего, чем их соседи на Балканах и в небалтийских частях бывшего Советского Союза, и, что не удивительно, находятся среди первых кандидатов на вступление в Европейский союз.

Что и говорить, не все спокойно в «Mitteleurora» — в широкой и бесконечно очаровательной полосе земель, когда-то входивших в состав Габсбургской империи, и ее окрестностях. Ожидания 1990-х годов были чрезмерными. Многие из тех, кто должен бы лучше понимать, сделали вывод, что история и цивилизация неизбежно связывают их страны с Западом, и они быстро достигнут подлинной демократии и станут искренними союзниками. Так не произошло. Рост национализма приглушил интенсивность стремления региона к верховенству права и духу терпимости. После присоединения к НАТО Чехия и Венгрия часто игнорировали западные рекомендации. Так что пока не найден подходящий метод дисциплинировать членов союза за их прегрешения, полезность НАТО, как инструмента западного влияния в Центральной и Восточной Европе будет снижаться с принятием каждой из этих стран.

По этой причине сторонники вашингтонских планов расширения НАТО в конце этого года, к которым относится и автор этих строк, должны действовать с учетом последних тенденций в Польше, Венгрии и Чехии и с ясным по-

* *Charles Gati. All that NATO can be. – The National Interest, № 68. Summer, 2002. – pp. 79–87.*

ниманием того, что представляют собой новые кандидаты, и чего от них можно ожидать. Главная проблема состоит в том, что при успешном переходе *от* однопартийной диктатуры и плановой экономики все еще нет уверенности, что этот переход ведет *к* демократии и свободному рынку западного образца. Широко распространенная коррупция чиновников разрушает народное стремление к капиталистическому предпринимательству, а ностальгия по скудным благам государственного собеса сохраняется. Стремление к национальной идентичности, культуре и традиции, отвергавшихся, извращавшихся и преследовавшихся при советском господстве, всерьез соперничает с привлекательностью интеграции в состав НАТО и ЕС. Во власти умеренных консерваторов, либералов и социал-демократов теснят демагоги с обеих сторон политического спектра — особенно антиамериканисты, антиевросоюзовцы и антисемиты крайне правого толка, — своими резкими выпадами и контрвыпадами пробуждающие старые предрассудки, восходящие к историческим прецедентам, мифам, стереотипам и неприязням.

Такие негативные аспекты посткоммунистического опыта внушают народам Центральной и Восточной Европы более мрачный взгляд на повседневную жизнь и на их будущее, чем это свойственно западной прессе. И это касается как мрачных венгров, так и оптимистичных поляков; бедных румын и относительно процветающих чехов; исторически пророссийских болгар и крайне антироссийских балтов. Именно поэтому во всех этих странах (за исключением маленькой Словакии) избиратели отказали в доверии всем правительствам в 1989 году, а затем скинули и тех, кто пришел им на смену. После восстановления независимости Латвии в 1991 году правительства там меняются почти каждый год. Во многих странах, включая самые многонаселенные государства региона — Польшу и Румынию, — сейчас у власти социалисты и социал-демократы. Те, кто голосовал за них, поступали так отчасти потому, что верили: социалисты лучше понимают нужды большинства в надежной работе, недорогом транспорте, гарантированном всеобщем здравоохранении и образовании. Но социалисты не могут обеспечить эти услуги без развитой экономики и правительственных институтов, способных собирать налоги и эффективно их использовать. Поэтому, несмотря на свое прошлое, большинство социалистических партий энергично поддерживает рыночные реформы — часто превосходя в этом своих номинально несоциалистических оппонентов.

Неудивительно, что опросы общественного мнения отражают растерянность и двойственность. Последний «Барометр Новой Европы», обозревая ситуацию в десяти восточноевропейских и центрально-европейских странах, выявил в них весьма слабую поддержку демократического политического порядка: 2 процента респондентов «вполне удовлетворены» и 37 процентов «скорее, удовлетворены» тем, как работает демократия, в то время как 43 процента «скорее, не удовлетворены» и 18 «совершенно не удовлетворены» этим[1]. Но при этом подавляющее большинство — свыше 80 процентов — отвергает возможность возврата к коммунистическому однопартийному государству. В терминах Исайи Берлина, они ценят негативную свободу, отсутствие неправовых государственных ограничений, но в то же время находятся в поиске позитивной свободы, чтобы эффективно пользоваться своими новообретенными вольностями. Что они, скорее всего, обретут и как это повлияет на перспективы политики США в этом регионе?

---

[1] *См.: R. Rose. Advancing into Europe? Contrasting Goals of Post-Communist Countries. – Freedom House, forthcoming.*

Фрагменты, фрустрация и фокус

Постоянные колебания общественного мнения в Восточной и Центральной Европе определяются серьезными экономическими, политическими и внешнеполитическими затруднениями, осложняющими процесс «перехода». Некоторые из этих затруднений относятся к экономической сфере, другие — к политической.

В *экономической сфере* различия между странами и регионами внутри каждой страны представляют как старые, так и новые проблемы. Например, в то время как в одних странах со времени обретения свободы и независимости имел место заметный экономический рост, другие остаются на уровне 1989 года или ниже. В Словении ВВП на душу населения (около 10 тысяч долларов) начинает приближаться к уровню Португалии (самого бедного члена Европейского союза). В то же время, средний ВВП на душу населения трех беднейших стран Центральной и Восточной Европы — Болгарии, Румынии и Латвии — составляет 2 тысячи долларов, то есть всего лишь 20 процентов от словенского. В каждой стране есть еще и другой, более значимый разрыв — между городом и деревней. Если, к примеру, в Варшаве безработица невелика или совсем отсутствует, то в сельской местности на востоке Польши она достигает 30 процентов. Ослепительные торговые центры Будапешта могут создать у приезжих впечатление, что они в стране процветающего Запада, но случайный посетитель Восточной Венгрии обнаруживает там обветшавшие или простаивающие предприятия и рабочих, которые выглядят такими же запущенными и праздно шатающимися. Вид элегантных, хорошо одетых женщин Бухареста разительно контрастирует с сильно потрепанным видом жителей румынских деревень.

Статистический показатель, лучше всего отражающий экономические условия жителей региона — ВВП на душу населения в сравнительной покупательной способности. Цифры, приведенные в таблице, показывают, что за последние десять лет покупательная способность населения Центральной и Восточной Европы впечатляющим образом возросла на 40 процентов (сравним с Евросоюзом, где рост составил 26 процентов, правда, с более высокой отметки). К востоку от Балтии, однако, народы бывшего СССР стали беднее на 15 процентов.

	Центральная и Восточная Европа	*Бывший Советский Союз*	*Европейский Союз*
1992	$ 6 520.06	$ 6 998.72	$ 18 193.61
1993	$ 6 643.04	$ 6 313.87	$ 18 352.27
1994	$ 7 005.47	$ 5 445.31	$ 19 149.28
1995	$ 7 640.37	$ 5 323.95	$ 20 198.97
1996	$ 8 006.11	$ 5 192.22	$ 20 648.54
1997	$ 8 175.71	$ 5 251.27	$ 21 015.21
1998	$ 8 227.02	$ 5 128.63	$ 21 405.04
1999	$ 8 655.46	$ 5 585.44	$ 22 416.54
2000	$ 9 274.87	$ 6 160.35	$ 23 827.10
2001	$ 9 142.08	$ 5 910.01	$ 23 014.62

Источник: World Bank, 2002

* Эстония, Латвия и Литва включены в раздел «Центральная и Восточная Европа», а не в «Бывший Советский Союз».

Но для людей в Центральной и Восточной Европе субъективно не имеет значения то, что они живут лучше, чем граждане Белоруссии, России или Узбекистана, поскольку чехи и поляки не сравнивают свои жизненные стандарты с бывшим Советским Союзом. Они смотрят на Скандинавию, Австрию или Германию и видят, что им понадобится много времени, чтобы догнать своих западных и северных соседей. Это — источник горького разочарования в надеждах, которые люди питали после распада коммунизма, когда они мечтали (а некоторые по-настоящему надеялись), что упорная работа и добрая воля Запада передвинут их регион с периферии Европы в ее процветающий центр. Если эти мечты вообще еще существуют, то реальность последнего десятилетия расколола их на фрагменты.

Разочарование также подогревается распространенным в народе мнением, что почти все экономические выгоды последнего десятилетия были присвоены группой привилегированных предпринимателей и их политическими покровителями: служащими западных компаний, торговцами недвижимостью, коммерсантами и адвокатами, а также чиновниками всех уровней, получавшими «откаты» во время перекошенного процесса приватизации 90-х годов. Если эта группа, составляющая 5–10 процентов населения, приобрела так много, как показывают их дорогостоящие BMW и роскошные дома, а пенсионеры, численность которых не меньше трети населения, много потеряли из-за упадка системы социального обеспечения, то 40 процентов роста покупательной способности для среднего человека скорее видимость, чем реальность. Рабочие в тяжелой промышленности и сельском хозяйстве еще не получили выгоды от свободного рынка. Удвоившаяся в этом году безработица в шести странах региона из десяти — Словакии, Болгарии, Польше, Словении, Литве и Румынии — прибавила миллионы людей к тем, для кого более конкурентная экономическая среда означает непроходимую нищету.

Весьма неравное распределение нового богатства сильно усугубляется коррупцией чиновников. По данным «Transparency International» самая коррумпированная страна региона — Румыния; за ней идут Латвия, Словакия, а четвертое место делят Болгария и Чехия. Опрос за опросом показывает, что коррупция присутствует повсеместно и везде является *самой* главной проблемой. Коррупция не только дискредитирует свободное предпринимательство, но также подрывает концепцию верховенства права, превращая оптимистов и идеалистов конца 80-х — начала 90-х в циников начала XXI века.

Благодаря деятельной репортерской работе чешских газет, особенно еженедельника расследований «Respekt», стал доступным большой объем достоверной информации о коррупции в высших эшелонах социал-демократического правительства Милоша Земана, сменившего у власти консервативную Гражданскую демократическую партию Вацлава Клауса в июне 1998 года. Если в рейтинге «Transparency International» Чехия следовала за Бельгией среди «чистых», то три года спустя она сравнялась с Болгарией, ненамного опережая Колумбию и Мексику в позорном списке. Доказательства, упорно отвергаемые правительством, настолько очевидны, что 70 процентов респондентов в опросе 2001 года заявили, что, по их мнению, страной управляет организованная преступность. Оттесненный на обочину и изолированный президент Вацлав Гавел, честный человек, занимающий в значительной степени церемониальный пост, оказался не в состоянии сопротивляться этой тенденции. Его проигранная борьба против Земана, Клауса и министра иностранных дел Яна Кавана — человека с темным прошлым — стала грустным комментарием к случившемуся с посткоммунистической страной, подававшей большие надежды.

Процесс коррумпирования чешской демократии особенно болезненно проявляется в Праге. Но отнюдь не скомпрометированные кадры самая тревожная часть наследия коммунистического прошлого, а память о позоре. У коммунизма всегда было много активных оппонентов в Польше, поэтому не удивительно, что миллионы поляков в 80-е годы поддерживали «Солидарность». Венгры храбро сражались в 1956-м, в Чехословакии была Пражская весна. Но в 70–80-х годах в каждой стране, кроме Польши, на одного Вацлава Гавела приходились сотни тысяч стоящих в сторонке. Они не верили в систему, но, как это свойственно людям любой страны, смирялись с ней, чтобы жить спокойно. Сегодня, много лет спустя, многие требуют решительных действий против коммунизма. В результате возникает посткоммунистическая патология: умолчание о реальном соглашательстве или даже коллаборационизме причудливо соседствует с современными мифами об оппозиции и сопротивлении.

Конечно, *политическая сфера* региона порождает не меньше разочарований, чем экономическая. Отсутствие гармонии между избирателями, философскими идеями и биографиями ведет к широкому распространению фрустрации.

Что касается биографий, то почти все герои прежних лет, храбро противостоявшие коммунизму, либо утратили популярность и ушли из политики (как случилось в Польше с последовательно прозападным «Союзом свободы», возглавлявшимся такими мощными фигурами, как Тадеуш Мазовецкий и Бронислав Геремек), либо сменили окраску и отвергли свои прежние ценности (как венгерская «Федерация молодых демократов», руководимая бывшим премьер-министром Виктором Орбаном).

Поскольку центризм не привлекает достаточно голосов, то происходит поляризация, фрагментация и подъем анахронических партий, чем и характеризуется чрезвычайно сложная внутренняя политика стран региона. По самым существенным вопросам разделительная линия больше не проходит между экс-коммунистами и антикоммунистами; чаще сталкиваются между собой националисты, которые против ЕС, с интеграционистами, которые за ЕС, и экс-коммунисты есть в обоих лагерях. Интересно, что экс-коммунистические социал-демократы в Словении, Венгрии и Польше находятся в первых рядах тех, кто старается подготовить свои страны к интеграции в Запад.

Настоящая политическая проблема, например, Польши в том, что после сентябрьских парламентских выборов на сцене не осталось ни одной значительной проинтеграционистской силы, способной противостоять новому коалиционному правительству во главе с экс-коммунистическим «Демократическим левым союзом» (СЛД). Центристский «Союз свободы» не преодолел пятипроцентный барьер, а умеренно-консервативная «Гражданская платформа» Анджея Олеховского получила меньше 13 процентов. Оппозицию, располагающую четвертой частью парламентских мест, составляют три дремучие партии, отвергающие и вестернизацию, и модернизацию: демагогическая фермерская группа «Самооборона»; «Лига польских семей», католическая фундаменталистская партия, известная своими антисемитскими тирадами; «Закон и справедливость», популистская партия закона и порядка. Все они борются против «непомерных уступок» Польши Европейскому союзу. Всегда обозленные и негативно настроенные, часто иррациональные, они выискивают врагов Польши внутри страны и за рубежом, веря в существование широкого международного заговора, направленного на подрыв польского суверенитета.

Их главная цель — премьер-министр Лешек Миллер. Одни и те же люди нападают на него и за твердокаменное коммунистическое прошлое, и за сегодняшнюю прозападную социал-демократическую политику. Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич также под огнем — в том числе, и за подписание протестного письма против Косовской кампании НАТО в 1999 году, а потом за снятие своей подписи под этим письмом в 2001 году, а чаще за изменение позиции Варшавы на переговорах, приведшее весной этого года к признанию четырех новых глав *acquis communautaire* Евросоюза. Таким образом, у польских избирателей — как и у избирателей других стран Центральной и Восточной Европы — остается неприятный выбор. Они могут поддержать либо политиков с запятнанным прошлым, отстаивающих сейчас респектабельную политику — либо политиков, чье прошлое не вызывает сомнений, но сегодня они защищают позиции, лишенные содержания, соответствующего XXI веку.

Если польская политика сложна и противоречива, то словацкая еще больше. Здесь в крайне фрагментированную прозападную коалицию входит больше полудюжины партий, среди которых такие странные сожители, как христианские демократы и реформированные коммунисты, «зеленые», социал-демократы и этническая Венгерская партия, которая сама по себе является коалицией. Несмотря на это, правительство премьер-министра М. Дзуринды очень постаралось оправдать ожидания НАТО и проделало исключительно эффективную работу по подготовке страны к вступлению в Евросоюз. Но после выборов, назначенных на сентябрь 2002 года (за два месяца до саммита НАТО в Праге), эта громоздкая коалиция почти наверняка развалится, поскольку проведенные необходимые реформы размыли ее политическую базу.

Наихудшая возможность — это возвращение к власти Владимира Мечьяра, авторитарного экс-премьера, чье «Движение за демократическую Словакию» по опросам лидирует (Вашингтон, к его чести, в начале года ясно дал понять, что в случае победы Мечьяра Словакии не будет предложено вступить в НАТО). Несколько больше обнадеживает ситуация, которая, по-видимому, более вероятно, когда Мечьяр получит лишь относительное большинство голосов и словацкий президент поручит сформировать правительство с участием некоторых или большинства партий нынешней коалиции Роберту Фико. Фико — политический хамелеон, возглавляющий невнятную новую партию, название которой в данных условиях звучит иронически — «Шмер» (направление). Он моложе, харизматичнее и, возможно, хитрее Мечьяра, но насколько широкую коалицию он сможет собрать и как долго она проживет, никто не скажет.

Это проблема, важная и для Словакии, и для НАТО. Поскольку, если НАТО предпочитает расширить свои ряды, приняв всю семерку серьезных претендентов, она должна включить и Словакию во главе с Фико, несмотря на его, по-видимому, неуправляемую коалицию. Ведь такая Словакия может и не стать надежным и стабильным союзником, однако исключение одной Словакии на Пражском саммите серьезно подорвет ее шансы на установление демократического правления[2].

В Словакии, как и везде в Центральной и Восточной Европе, внутренняя политика, таким образом, значительно перекрещивается с внешнеполитической сферой. НАТО должна особенно беспокоиться о двух аспектах этого пересечения: региональная стабильность и российское влияние.

Региональная стабильность сейчас представляет уже не такую серьезную проблему, как в начале года, когда правительство Венгрии, проигравшее выборы в апреле, разожгло значительную напряженность с несколькими соседними странами. Проблема заключалась в «законе о статусе», который дал примерно 4,5 миллионам этнических венгров, живущих в соседних странах (прежде всего — в Румынии и Словакии) право проживать и работать в Венгрии в течение трех месяцев. Такие привилегии сами по себе были достаточно невинны, но сопровождавшие их предоставление подстрекательские речи тогдашнего премьер-министра Орбана глубоко задели и румын, и словаков. Когда он говорил о необходимости «воссоединить венгров, живущих за границей, с теми, кто живет в Венгрии» и об «объединении венгерских сил в Карпатском бассейне», то некоторые румыны и многие словаки стали задаваться вопросом: не означает ли это возвращения Венгрии к ирредентистской политике межвоенного периода? Такой угрозы не было, так как Орбан — не Милошевич. Но беспокойство из-за этнических конфликтов и региональной нестабильности в Центральной и Восточной Европе настолько велико, что почти любые встряски и опасности кажутся возможными.

Орбан также возмутил чехов комментарием по другому историческому вопросу — в связи с так называемыми «декретами Бенеша». По этим декретам, названным в честь послевоенного президента Чехословакии Эдуарда Бенеша, из Чехословакии по окончании второй мировой войны были высланы этнические венгры и немцы. Рассматривая их как нацистских пособников, правительство Чехословакии конфисковало их собственность без компенсации. Основанные на идее коллективной вины, эти декреты были несправедливы, но, призывая к

---

[2] *На парламентских выборах в Словакии, состоявшихся 22 сентября, победу одержала правящая коалиция: партия премьер-министра М. Дзуринды и три ее партнера получили 78 из 150 мест; партия В. Мечьяра – 36 и партия Р. Фико – 25 мест. М. Дзуринда остался главой коалиционного кабинета. – Прим. ред.*

их отмене полвека спустя, Орбан открыл банку с червями. Правительство Словакии решило не участвовать в саммите Вышеградской четверки, за ней последовали Прага и Варшава. Встреча была сорвана. Хорошая новость в том, что новое венгерское правительство не флиртует с правыми ультранационалистами, а потому самая отдаленная перспектива столкновения устранена на годы. Но этот эпизод показал, насколько тонок слой региональной стабильности, и как быстро ее могут принести в жертву внутриполитическому оппортунизму.

Вторая проблема для НАТО — постепенное возрождение российских интересов, особенно в странах Балтии, Болгарии, Словакии и Чехии. Богатые российских нефтяные компании — «ЮКОС» и «ЛУКОЙЛ» в частности — приобрели нефтеперерабатывающие заводы и ищут рынки сбыта продукции. Ищут ли они только прибыли или также сговариваются с Кремлем по политическим вопросам, не вполне ясно. В 2000 году польская пресса представила доказательства того, что компания «Газпром» не только прокладывает трубопровод через всю страну, как то предусматривалось контрактом, но и тайно протягивает оптоволоконный кабель. Находящаяся в стороне от нефтяного бизнеса Венгрия с помощью ФБР собрала в конце 90-х годов достаточно доказательств для высылки из страны Семена Могилевича — признанного главу русской мафии в Центральной и Восточной Европе.

Чешская пресса часто привлекает внимание к необычайно большому — приблизительно 15 тысяч — количеству русских, живущих в знаменитом курортном городке Карловы Вары, превратившемуся в чешский Брайтон-Бич. Сюда ежедневно летает авиарейс из Москвы, и русским принадлежит около 40 процентов городской недвижимости. Карловы Вары, находящиеся прямо на границе с Германией, были центром разведывательной работы Варшавского договора. Пражская газета «Mlada Fronta Dnes» обозначила проблему для Чехии, а значит для всего региона и для НАТО, когда писала летом, что члены русской мафии стремятся «проникнуть в экономику, имеют интересы в стратегических секторах, пытаются использовать коррупцию в государственной администрации и влиять на принятие политических решений. Они пытаются внедриться в тело государства и политические партии». Для Латвии и Эстонии, где этнические русские составляют соответственно 30 и 26 процентов населения, проблема стоит еще острее.

Выбор НАТО

Имея такие экономические, политические и внешнеполитические тенденции в Центральной и Восточной Европе, что должна делать НАТО на своем Пражском саммите со странами региона и для этих стран? И что в свою очередь Центральная и Восточная Европа должна делать для НАТО? Ответы на эти вопросы определяются тем, чем стала НАТО, в каких изменениях она нуждается и чем может быть.

ЧЕМ СТАЛА НАТО. НАТО, которая будет принимать в Праге новых членов, это уже не та военно-политическая организация, какой она была до 11 сентября. Особенно в связи с тем, что Вашингтон сразу после 11 сентября решил обойтись без своих союзников, чем понизил ранг НАТО, как полезной в военном отношении. Война против терроризма — это война Америки, в которой европейцы понижены до вспомогательной роли. Притом, что Европа в области военных технологий и ноу-хау все больше отстает от США, а Россия все

теснее сближается с НАТО — организацией, стратегическое значение которой после 11 сентября стало невнятным.

На фоне такого развития событий, Вашингтон еще не выработал новой стратегии и, к сожалению, упустил идеальную возможность перестроить суперструктуру американо-европейских отношений, в то время как интересы и внимание всех партий были сосредоточены на этой задаче. Нужда велика, и для нее есть, парадоксальным образом, относительно быстрое решение. С одной стороны, Соединенные Штаты эффективно контролируют НАТО, и все согласны с тем, что НАТО имеет значение и как способ легитимизировать американское присутствие в Европе (которого все хотят), и потому, что в будущем могут возникнуть серьезные конфликты, которые потребуют совместных действий. Но администрация Буша то ли не может, то ли не хочет эффективно использовать НАТО, которая со временем должна будет уменьшить контроль США над собой и умалить легитимность роли США в Европе.

Мы должны честно признать, что нынешняя агония НАТО в меньшей степени вызвана незаинтересованностью и нападками европейцев, чем решением Вашингтона оставить ее одну. Состояние НАТО также не может объясняться противоречивыми результатами первого раунда расширения. Критики середины 90-х годов ошибались: расширение не остановило улучшение отношений США и России, оно не привело к «разжижению» организации; оно не увеличило наши расходы на НАТО. Но критики были правы, когда предсказывали длительное и упорное сопротивление националистов подлинной интеграции.

НАЧАЛО ВОЗРОЖДЕНИЯ НАТО. В таких условиях второй раунд расширения НАТО может — и должен — стать началом нового определения миссии НАТО. Новая НАТО не будет Альянсом холодной войны, не должна она быть и организацией, которая не может найти себе места после крушения Советского Союза. Это должна быть НАТО, приоритетная миссия которой в сохранении и расширении зоны политической стабильности от Атлантики до Урала.

Опыт расширения доказывает, что это было реалистичной задачей; в конце

концов, вопреки многим препятствиям, ужасные и опасные Балканские войны не охватили Центральную и Восточную Европу. Одна из причин этого счастливого не-события в том, что старые и новые члены НАТО поняли свою ответственность и действовали в согласии. Не только новые члены, но также и претенденты внесли свой вклад в трудное и медленное мирное урегулирование на Балканах. Где бы то ни было, несмотря на суровые предсказания, разногласия между Венгрией и Румынией или Польшей и Литвой не привели не только к войнам, но даже к мелким столкновениям. Рассмотрев некоторые потенциальные источники этнической вражды, Уильям Э. Одом дал хорошее объяснение: «Почему большинство из этих «спящих собак» не лаяли или лаяли негромко? Потому, что вероятные будущие члены НАТО не хотели рисковать своими перспективами вступления. Без этой надежды некоторые лидеры могли бы позволить себе эксплуатировать эти вопросы во внутриполитических целях». Их стремление подать руку создает также перспективу для определенного интереса к общей западной экономической и политической повестке дня. Как сказано в редакционной статья «Washington Post» от 4 апреля, реальная польза расширения «в средствах, предоставляемых им для формирования политического и экономического развития тех европейских стран, где демократия и свободный рынок еще не упрочились... Принятие в НАТО максимально увеличивает шанс на то, что Центральная и Восточная Европа будет, впервые в истории, регионом со стабильным и прозападным управлением».

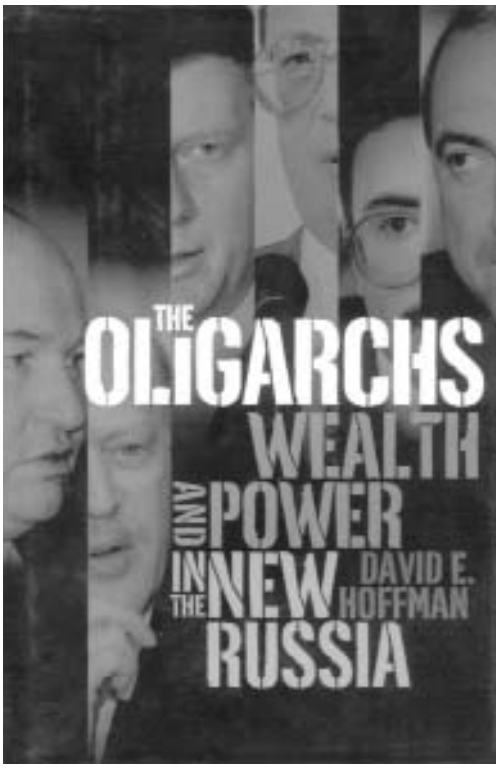
ЧЕМ НАТО МОЖЕТ СТАТЬ. Однако, чтобы это произошло, Вашингтон должен быть реалистичным в ожиданиях того, чего может достичь Запад в Центральной и Восточной Европе. Несмотря на энтузиазм поляков, регион не слишком увеличивает военную мощь НАТО. Но благодаря своему расположению Центральная и Восточная Европа может и должна сыграть полезную роль в продвижении границ стабильности на восток, особенно на Украину. Растущая стабильность, как следствие успешного развития демократии западного образца – это достижимая цель, достойная НАТО. Другими словами, НАТО, чья чисто военная миссия теперь неясна, должна работать для региональной стабильности и долгосрочного демократического развития.

Семи кандидатам, которым в ноябре могут предложить войти в НАТО, Прага должна представляться не спринтерской дистанцией, а началом марафона. Со своей стороны, Соединенные Штаты должны настаивать, чтобы к ним прислушивались – и сейчас, и после расширения. Миссия США в НАТО должна ежегодно докладывать конгрессу, как новые члены выполняют свои обязанности, включая не только количество у них танков и проведенные учения, но и успехи в упрочении верховенства права и гражданского общества. Если члены организации делают то, что большинство НАТО считает нарушениями, их должно изолировать и лишать прав, вплоть до приостановления членства. Пока нет поправки к Северо-Атлантическому договору, устанавливающей приостановление членства или исключение, Соединенные Штаты могут и должны применять соответствующие двусторонние меры наказания и убеждать других союзников следовать своему примеру. С таким механизмом, гарантирующим западное влияние, процесс расширения должен продолжаться. В конце концов, это наилучший способ вычеркнуть Центральную и Восточную Европу из списка мест, где может случиться взрыв.

Перевел с английского
Юрий Гиренко

Олигархи: по ту сторону мифа

David A. Hoffman. **The Oligarchs. Wealth and Power in the New Russia.** — Public Affairs Ltd, Oxford, 2002. — 568 p.



Когда пять лет назад «молодой реформатор» Б. Немцов ввел в российский политический оборот термин «олигархия», специалисты дружно запротестовали. Экономисты и социологи, историки и политологи — все по своим профессиональным основаниям — указывали на несоответствие названия и обозначаемого им явления. Но, как говорил один герой Станислава Лема, «название неудачное — значит, приживется».

Так и случилось. Сам Немцов, во многом стараниями тех, кого он назвал олигархами, был отправлен в отставку, а словечко прижилось, и вокруг него нарос мифологический пласт. С выходом на экраны фильма Павла Лунгина, где образ русского олигарха воплотил брутальный красавец Владимир Машков, миф можно считать окончательно сложившимся.

Но кроме мифа, существует само явление, вокруг которого он сложился. В результате реформ начала 90-х годов в России появилась небольшая группа богатых людей (не более 20 человек), которая оказывала теневое, но определяющее влияние на государственные дела. Назвать эту группу олигархией без кавычек мешают три обстоятельства. Во-первых, ее политическое влияние приобреталось сомнительными средствами и методами. Во-вторых, эта группа не была единой, среди ее участников существовали острейшие противоречия. В-третьих, не все «олигархи» были лидерами бизнеса, и более того, зачастую действовали во вред бизнес-сообществу. Тем не менее, роль и значение «олигархов» в нашей недавней истории и современной политике настолько велики, что смысл и характер последней революции в России не может быть адекватно понят без их изучения.

Изучению русских олигархов посвятил свою книгу журналист *Washington Post* Дэвид Хоффман. Солидный — почти в 700 страниц — том показывает, что автор соединяет острый взгляд репортера и исследовательскую добросовестность, которая могла бы сделать честь любому академику (к примеру, примечания, список использованной литературы и источников занимают 70 страниц — десятую часть объема книги). Благодаря этому сочетанию автору удалось

избежать практически непременных для западного автора, пишущего о России, изъянов: психологического непонимания, черно-белого восприятия (причем, чаще черного, чем белого), избыточной назидательности и разоблачений. У бывшего руководителя московского бюро *Washington Post* получилась беллетристически увлекательная и научно выдержанная книга, читать которую интересно не только соотечественнику автора, но и российскому человеку.

Хотя, разумеется, книга адресована западному читателю, которого Хоффман стремится ввести в курс российской жизни переломных десятилетий. Его интересует не только и не столько олигархическая практика, сколько «происхождение вида». То есть исторический, социальный, политический фон, породивший олигархов; определивший их успех и особенности образа действий. И, надо отметить, что выглядит этот фон, на мой вкус очевидца, вполне достоверно, вплоть до бытовых и культурных деталей, к которым Хоффман испытывает особую привязанность.

В книге рассказывается о шести представителях олигархического вида, «которые помогали управлять Россией во время одного из самых грандиозных и трудных экспериментов в ее истории», стали «лидерами, архитекторами и апостолами новой России» и «отведали огромной власти и/или немалого богатства». Интересен подбор персонажей: Александр Смоленский, Юрий Лужков, Анатолий Чубайс, Михаил Ходорковский, Борис Березовский и Владимир Гусинский. Можно понять, почему среди них отсутствуют «новейшие» олигархи, поднявшиеся в последние годы — Роман Абрамович, Олег Дерипаска, Александр Мамут, Алексей Мордашов. А Владимир Потанин, Михаил Фридман или Владимир Виноградов, видимо, не попали в список потому, что их пути мало чем отличались от путей «шестерки», или каждый из них лично показался автору менее интересным. По той же причине, очевидно, среди «олигархов политического происхождения» рядом с Чубайсом и Лужковым не оказалось и Виктора Черномырдина.

Тем не менее, хоффмановская шестерка вполне может считаться репрезентативной. В конце концов, наиболее знаковые фигуры в ней есть, а писать о Смоленском или Виноградове, как типичном «рухнувшем» олигархе или о Ходорковском или Потанине, как об олигархе комсомольского происхождения — дело авторского вкуса. Жаль, правда, что нет очерка о ком-то из нефтегазовых «генералов», вроде Рэма Вяхирева или Вагита Алекперова. Их политико-экономическая роль вряд ли была меньшей, чем у главных героев книги.

«Олигархи» написаны в двух частях. В первой Хоффман внимательно отслеживает индивидуальный путь каждого из шести к вершинам богатства и власти. В его анализе нет проходных, несущественных вещей. Например, для понимания карьеры Михаила Ходорковского абсолютно необходимо понимать настроения советской молодежи 80-х, обусловившие кризис комсомола и подтолкнувшие партийное руководство к коммерциализации своего молодежного «филиала», а объяснить успех Бориса Березовского нельзя без проникновения в быт и нравы советских научных учреждений. Очень тонко анализирует Хоффман особенности рушащейся советской экономической системы; лазейки, отыскивавшиеся в ней пионерами российского бизнеса; формирование предпринимательского менталитета — далекого от психологии современных западных бизнесменов.

Вторая часть посвящена «олигархам в действии». По сути, это очерк политико-экономической истории России 90-х годов, касающейся сначала становления, а затем зрелой «олигархии». Для американского автора (да и не только для американского) при рассмотрении такой темы возможны

две крайности. Первая — «маккрэйкерский» пафос, когда Большой Бизнес обвиняется во всех мыслимых и немыслимых грехах. Для такого подхода наши олигархи дают не меньше оснований, чем американские «бароны-разбойники» XIX века. Вторая — житийная стилистика, в духе биографий «капитанов индустрии», как называли тех же «баронов» их апологеты. Обе традиции есть не только в американской литературе, но и вполне восприняты отечественной традицией.

Хоффману удалось не «свалиться» ни в одну из сторон. Он, конечно, не избежал преувеличения исторической роли своих персонажей: именно они, по его мнению, «создали новую Россию», со всеми благами свободы и «прелестями» дикого капитализма. Но, во всяком случае, олигархи в трактовке Хоффмана не выглядят ни злобными монстрами, ни благолепными подвижниками. Они разные: амбициозный технократ Ходорковский и изворотливый комбинатор Березовский; грубоватый Смоленский и богемный Гусинский; интеллектуал Чубайс и «крепкий хозяйственник» Лужков. Их всех объединяет деловая хватка, жесткость, лидерская «жилка» и весьма эластичная этика, но конечный выбор у каждого свой и судьба своя.

«Буря и натиск ельцинской эры затихли», — пишет Дэвид Хоффман, подводя итоги шести олигархических карьер. Оказывается, что его герои в основном либо вовсе сошли со сцены, либо отошли на второй план. Разве что Ходорковский, перестраивающий себя и свою компанию в соответствии со стандартами цивилизованного капитализма, играет роль, близкую к прежней. Чубайс погрузился в реформу энергетики, Лужков — в московское городское хозяйство, Смоленский совсем пропал из виду, Гусинский и Березовский насильно удалены из российской политики и бизнеса... Книгу завершает цитата из Владимира Путина, который в ответ на вопрос некоего репортера о Березовском спросил: «А кто это, Березовский?». Надо понимать, что Хоффман считает историю олигархов в России законченной.

Однако, мы олигархию учили не по Хоффману. Эксперты и публицисты в один голос сомневаются в провозглашенной Путиным политике «равноудаленности» и полагают слухи о смерти олигархии несколько преувеличенными. «Эталонный» олигарх Борис Березовский, которого как бы не знает президент, предпринимает титанические усилия для своего возвращения в политику и во власть. Кроме Ходорковского остаются на арене обойденные вниманием американского хроникера Потанин, Фридман, Алекперов. К ним добавились «олигархи второго поколения» (Абрамович, Мамут, Дерипаска). И далеко не все олигархи, старые и новые, спешат, подобно Ходорковскому, сделать свои корпорации нормальными. Так что, «ельцинский капитализм» не ушел вместе с Ельциным. А уж миф об олигархах переживает настоящий расцвет.

В то же время, Хоффман, пожалуй, прав в своем ощущении радикальной перемены в характере российского капитализма. Сейчас трудно представить себе, чтобы какая-то группа финансистов сумела повторить кампанию Ельцина или «информационную войну» 1997 года. Даже самые крупные воротилы стали гораздо более зависимыми от государственных чиновников, чем наоборот. Отношения «богатства и власти» стали меняться — вот только пока неясно, в каком направлении и насколько необратимо.

Юрий Гиренко

Региональное книжное обозрене

***Д. Гусев, О. Матвейчев, Р. Хазеев, С. Чернаков.* Ushi mashut oslom. Современное социальное программирование. —** Пермь: Alex J. Bakster Group, 2002. – 188 с.

Четверка екатеринбургских политконсультантов организовала собственную компанию по проведению кампаний и решила себя хорошенько «отпиарить». Уральские пиарщики пошли своим путем: они написали книжку о своей профессии.

Книжка получилась по-молодому нахальная и пижонская: начиная с заголовка, явно перепевающего «Хвост виляет собакой», и оформления – написание русского названия латиницей, отсутствие инициалов у соавторов, размещение на обложке благожелательных отзывов людей с узнаваемыми именами (типа Глеб Павловский или Максим Соколов – без уточнения, те ли это самые Павловский и Соколов). Такого рода «фишек», направленных на прославление компании «Bakster Group», в книжке великое множество. Авторы ненавязчиво демонстрируют на себе свои профессиональные навыки, как бы намекая читателю: если мы умеем пиарить свою фирму, то сумеем и любую другую!

Но такого рода достоинства «Ушей» представляют интерес, пожалуй, лишь для друзей и потенциальных клиентов «Bakster Group». Для читателя, интересующегося современной российской политикой, но не имеющего намерения нанять пиаровскую фирму для ведения какой-либо кампании, важнее другое. А именно – взгляд политического технолога на окружающую его социальную реальность и свое место в ней.

А место это весьма значимо. В современной России государство с формальной точки зрения целиком зависит от общества: на всех этажах власть формируется через выборы. В то же время, общественный подъем конца 80-х – начала 90-х годов прошлого столетия давно сменился спадом и апатией. Общество, получившее формальное право политического влияния, не верит в него и не хочет им пользоваться. Государственная бюрократия в свою очередь таким отношением масс вполне довольна, и притом предпочитает сохранять формальные демократические процедуры, дающие бюрократической власти демократическую легитимацию.

Таким образом, содержание публичной политики в России сводится к манипуляции обществом со стороны элиты. В такой ситуации ключевой становится роль специалистов по манипулированию: технологов, консультантов, пиарщиков и тому подобных. Именно они работают диспетчерами общественного развития; посредниками между элитой и массой, минимизирующими прямые контакты между этими сторонами. Самим технологам их роль представляется еще более значимой. Они чувствуют себя демиургами социальной реальности, способными конструировать ее так, как им заблагорассудится.

Отчасти технологи культивируют такое представление о себе в рекламных целях, дабы повысить цену на свои услуги. Но во многом они и впрямь так думают.

Авторы «Ушей» не чужды таких взглядов. Они не утверждают, как некоторые столичные спецы, вроде Е. Островского, что за хорошие деньги могут обеспечить успех любому кандидату в любой кампании. Однако, как свидетельствуют собранные в последнем разделе книжки примеры из практики, екатеринбуржцы тоже склонны переоценивать возможности технологии по части влияния на реальность. Буквально каждый случай из жизни, приводимый ими, утверждает: хороший специалист способен развернуть общественные настроения практически в любом направлении.

Все это было бы достаточно старо и неинтересно, если бы не свойственные авторам легкость и самоирония. Ярче всего это проявляется в разделе, посвященном типологии консультантов. Обычно политконсультанты предпочитают классифицировать политиков или избирателей, обрушивая на них весь запас профессионального цинизма и презрения. Гусев, Матвейчев, Хазеев и Чернаков обратили внимание на собственный цех. Надо заметить, что опыта, наблюдательности и язвительности у них предостаточно, и галерея типов получилась сочная и нелицеприятная.

Вряд ли кто-то сможет в действительности узнать, прочитав «Уши машут ослом», как надо заниматься «социальным программированием»: это что угодно, но не учебник. Зато представление о практической работе сегодняшних специалистов по выборам, как и о том, каковы сами эти специалисты, получит вполне адекватное.

Юрий Гиренко

***О.А. Карлова.* Миф разумный. —** Красноярск: Красноярский государственный университет, 2001. — 208 с.

Автор книги заведует кафедрой теории и истории культуры Красноярского государственного университета, одновременно являясь главным редактором муниципальной газеты Красноярска «Городские новости» и членом Союза журналистов России. Занятость не мешает ей также уделять внимание «основам рекламного дела».

Возможно, такой широкий профиль профессиональной деятельности наложил отпечаток и на характер рецензируемой работы, посвященной проблеме мифа. Данный термин понимается автором предельно широко, что позволяет на страницах одной монографии вести речь и о художественной литературе, и об антропологических исследованиях, и о технологии имиджа, и о рекламе, и о деятельности СМИ и даже о результатах выборов в Законодательное собрание Красноярского края. В связи с этим значительная часть повествования вообще не имеет отношения к теме собственно мифологии и скорее демонстрирует авторскую эрудицию. В то же время тезисы, действительно касающиеся мифологического сознания, вызывают серьезные сомнения и даже возражения. Дело в том, что использование О.А. Карловой чрезвычайно ши-

рокой трактовки термина «миф» делает невозможным проведение четкой границы между мифическим и немифическим.

Миф, в понимании автора, является не специфической и вторичной формой человеческого сознания, но «тотальным феноменом», перманентно присущим человеческой ментальности. В книге предлагается следующая характеристика: «Миф — не периферия культуры, а ее фундамент. Мифология не есть отдельно существующая часть духовной жизни, ею пронизаны все стороны человека» (с. 97). А в заключении и вовсе говорится о том, что в проведенном исследовании «миф рассматривается не только как базовый феномен человеческой культуры, но и как тотальный феномен», и что это качество мифа «упраздняет антиномию «мифологично — не мифологично» и заменяет ее антиномией «этот миф — иной миф» (с. 204). Иными словами, автор утверждает, что любое знание мифично, что помимо мифологической формы сознания иных форм попросту нет.

На наш взгляд, такой «панмифологизм» неприемлем. Во-первых, он ошибочен с философской точки зрения, так как базируется на постулате релятивизма, исключающего, в конечном счете, возможность разграничения истины и лжи. Во-вторых, он ущербен с точки зрения эвристической, так как препятствует процедуре спецификации мифа, то есть выявлению его отличительных свойств. Принимая методологию автора, мы не в состоянии определить, что же такое миф. Иначе говоря, основные претензии к работе О.А. Карловой обусловлены тем, что она придает термину «миф» слишком широкое значение.

Прежде всего, нельзя согласиться с тем, что «изобретение мифа и особенно его творение являются результатом деятельности индивида» (с. 100). По мнению автора, миф является продуктом человеческого разума. Подобно артефактам искусства он находится во власти отдельных людей («художников»), которые способны изменять его по своему усмотрению. Между тем, в действительности дело обстоит иначе — миф не творится человеческим индивидом. Эта независимая от личного опыта форма ментальности совершенно не сознается теми субъектами, сознание которых она формирует. Поэтому разговор должен идти о «бессознательной структуре» мифа. Художники не могут быть «мифотворцами», поскольку живут в свете мифа, «плавают в его водах», воспринимая сквозь него и мир, и самих себя. Говорить о «мифотворчестве» художников, идеологов, политиков некорректно; все подобные персонажи являются жертвами и пленниками мифов, но не их творцами.

Кроме того, О.А. Карлова в своей работе не разграничивает понятия «миф» и «утопия». Это позволяет ей говорить о существовании мифологии «западнической», «советской», «православной» (с. 59). При этом автор игнорирует то обстоятельство, что политические теории, именуемые ею мифами, не являются «бессознательными структурами», обусловливающими мышление. Утопии, как разновидность подобных теорий, создаются людьми и всегда могут изменяться, отвергаться и просто забываться ими. Утопия может подделываться под миф, используя мифологическую символику и стилистику.

Формат рецензии не позволяет обстоятельно проанализировать мнение автора, согласно которому «миф является способом самоидентификации нации»

(с. 57). Этому заявлению, однако, необходимо противопоставить убеждение в том, что «национальная идея» не может быть «национальным мифом», так как нация — не кровная, а духовная общность людей. Миф обретается только через родовую связь, от одного поколения к другому. Передача «наследия предков» — процесс, который основан скорее на внушении, нежели на убеждении. Национальная же идея — результат сознательной деятельности, и она свободно принимается либо отвергается человеком на основании собственного разумного решения.

В заключение вернемся к заявлению о том, что миф — «тотальный феномен» и, следовательно, сознание человека не может не пребывать в свете того или иного мифа. К данному тезису можно добавить еще один, также присутствующий в книге: «миф — ложь» (с. 24), «ложный свет». Из объединения этих двух тезисов следует, что всякий человек неизбежно пребывает во лжи, в плену того или иного «мифотворца». Отстаиваемое автором релятивистское воззрение на природу мышления логически равноценно гипотезе софистов о том, что «всё есть ложь». Но логические дефекты рассуждений софистов были выявлены еще Платоном и Аристотелем.

Наряду с мифами существует свободная воля, а также разум, апеллирующий не к «предкам», но к истине. Это тривиальное положение несовместимо с представлением автора о «тотальности мифа».

Александр Капишин,
эксперт Фонда развития парламентаризма в России

***С.Д. Князев.* Российское избирательное право. Учебник.** — Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2001. — 448 с.

Автор книги — ученый и практик, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и административного права Дальневосточного государственного университета, председатель Избирательной комиссии Приморского края. Такое сочетание позволило ему подготовить труд, который будет востребован и в учебном, и в научном, и в практическом плане. Причем — как читателями, изучающими современное российское избирательное право, так и потенциальными кандидатами на выборную должность.

С теоретико-правовых позиций и с учетом современных политических реалий в учебнике представлен большой круг вопросов, связанных с социальной функцией избирательного права, его местом в публично-правовой системе России. Здесь анализируются принципы, источники, субъекты избирательного права как подотрасли конституционного права, процессуальные формы избирательных правоотношений, раскрывается механизм функционирования институтов обжалования и ответственности в электоральной сфере, показана специфика правового обеспечения избирательных прав российских граждан в периоды между выборами.

В учебнике используется основательный понятийный аппарат, достаточно логична сама структура книги. Каждая глава, а их в учебнике десять, начинается с определения понятий. Среди них — понятие собственно российского изби-

рательного права, его принципов, источников, правоотношений и так далее. Изложение материала построено по принципу «от теории – к практике». Особое место в учебнике занимает сравнительно-правовой анализ российского избирательного законодательства трех уровней (федерального, субъектов РФ и местного) в его сопоставлении с зарубежным.

Заслуживает внимания на первый взгляд теоретический, но по сути имеющий практическое значение вопрос о системе принципов избирательного права. Исходя из их целевого назначения, автор выделяет принципы организации и проведения выборов, с одной стороны, и принципы участия в них граждан – с другой. Первая группа обеспечивает избирательный процесс, в то время как вторая определяет избирательную правосубъектность граждан. Эта группа принципов рассматривается в связи с активным и пассивным избирательным правом. Взаимосвязь двух указанных групп проявляется в том, что именно с помощью процессуальных форм гарантируются избирательные права граждан. Вопрос принципов – это вопрос состояния и развития правового режима избирательных отношений. Так, рассматривая принцип обязательности, автор констатирует, что назначение выборов в установленные сроки еще не гарантирует обязательности их проведения, так как практика сталкивается с проблемой переноса и отмены уже назначенных выборов, и приводит в качестве примера Приморский край, где выборы отменялись достаточно часто.

Действующее избирательное законодательство рассматривается в книге с точки зрения его эффективности, выявления пробелов, достоинств и недостатков. Автор отмечает, что усилия, направленные на совершенствование российской избирательной системы и предпринимаемые на различных уровнях публичной власти, зачастую не учитывают рекомендации современной правовой науки. Это сказывается, прежде всего, на качестве законодательства о выборах. По мнению автора, одна из задач конституционного права заключается в том, чтобы на основе комплексного и перспективного прогноза выдвигать отвечающие потребностям избирательной практики и учитывающие достижения правовой науки адекватные варианты теоретического осмысления реальных политических процессов.

Следует иметь в виду, что перед каждыми федеральными выборами, то есть, как минимум, раз в четыре года, избирательное законодательство обновляется, причем, путем не только внесения поправок в действующие федеральные законы о выборах, но и принятия новых законов. Сказанное касается Федеральных законов «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», «О выборах депутатов Государственной думы», «О выборах Президента». В учебнике С.Д. Князева предлагаются пути совершенствования некоторых из этих актов, что придает ему дополнительную практическую значимость.

Не вызывает сомнения, что в ряду научных и учебных работ, посвященных избирательному праву, учебник С.Д. Князева «Российское избирательное право» займет достойное место. Особенно приятно отметить, что подобного рода глубокие работы выходят в свет не только в Москве и Санкт-Петербурге.

Инга Старостина,
доцент юридического факультета МГУ

Контрапункт

Александр Архангельский, «Известия» – специально для «Общей тетради»

КОНЦЕПЦИЯ О «КОНЦЕПЦИИ О КОНЦЕПЦИИ»

О социальной концепции русского православия. Под общ. ред. М. П. Мчедлова; ИЦ «Религия в современном обществе». — М.: Республика, 2002. — 399 с.

Вот предельно краткая формула отношения российской политической и журналистской элиты к проблемам религиозной, прежде всего православной, жизни: *двояковыгнутое.* Поскольку сейчас в равной мере преувеличены и обострены две взаимоисключающие тенденции. Одна часть политического класса все очевиднее обращается к церковному жизнеустройству и православному вероучению — нет, не как к источнику личного спасения, даже не как к многовековому опыту служения истине в царстве лжи, а как к некой идеологической опоре в страшноватом и непредсказуемом современном мире. Другая часть этого же класса все напряженнее, все болезненней и враждебнее реагирует на торжествующее «поповство», на неуклонное (как кажется многим) схождение *прямых* — церковной и государственной. Запросто можно услышать в публичных дискуссиях и на газетных планерках типично обкомовские выражения — «святые отцы», «попы»; противопоставление православия (как негативного полюса) католичеству или протестантизму (как полюсу позитивному) сделалось общим местом. По одной простой причине: современное православие со всеми его противоречиями, вот оно, рядышком, а некое абстрактное «западное христианство» — далеко, а там хорошо, где нас нет.

Такого искрящего, наэлектризованного расхождения по означенной проблеме не было в нашем обществе давно. Быть может — с 70-х, когда интеллигенция, прежде всего гуманитарная, пережив эйфорию НТР и разочаровавшись в ней, начала разворачиваться лицом к Церкви; тогда многие убежденные шестидесятники болезненно, с какой-то дет-

ской обидой реагировали на возрастающий клерикализм коллег, друзей и бывших единомышленников. Потом споры утихли, новое поколение интеллигенции еще активнее потянулось в церковные пределы, а в смутные 1990-е к православному берегу прибились и так называемые народные массы, которые искали в Церкви не только, а подчас и не столько ответов на вечные вопросы, сколько защиты от своих социальных страхов. Теперь пришла очередь политиков; то, что мы наблюдаем сейчас — проекция давнего внутриинтеллигентского конфликта и народных чаяний в политическую плоскость.

Подобно давешним интеллигентам, нынешние политики легко переходят от необузданного богоборчества к столь же необузданному неофитству, к ярости новообращенных; точно так же, едва переступив церковные врата, воздевают горе указательный палец и начинают поучать церковь, как ей следует развиваться и что менять. Но! Есть колоссальное поведенческое отличие. Интеллигенты параллельно вгрызались, врастали в мощный пласт церковного знания и **само**сознания, читали, думали, обсуждали полученную информацию; политики, как правило, довольствуются самыми общими и самыми штампованными представлениями.

Так что современному вменяемому политику, прежде чем решать, в какой из противоборствующих лагерей определяться (и определяться ли вообще), нужно понять, как сама Церковь, изнутри своего мистического и социального опыта, определяет свою роль в сегодняшнем российском обществе в частности и в составе постиндустриальной цивилизации в целом. Что она думает о проблеме политической свободы и как рассуждает о науке, какую согласованную позицию выработала по вопросу клонирования и биотехнологий, как относится к светскому образованию и культуре и в каком ключе намерена строить свои отношения со СМИ. Формулы этой доктрины содержатся в весьма важном документе — в «Основах социальной концепции Русской православной церкви», принятой Архиерейским собором в августе 2000 года. Социофилософский анализ этих «Основ» — практически постатейно — и предложен авторами рецензируемой книги под редакцией М. П. Мчедлова.

Уровень предложенного разговора оценивать можно поразному; кто-то обратит внимание на интересные наблюдения М. Шевченко над тем, как освещался в прессе Архиерейский собор, принявший социальную концепцию, кто-то, напротив, возразит, что многие авторы сборника просто пересказывают положения Основ, сопровождая пересказ собственными комментариями, не всегда вразумительными. «Плывет» и позиция авторского коллектива; одни — как Л. Митрохин — рассматривают церковную позицию как бы извне, сочувственно, но из другого ценностного поля. Другие — как И. Силуянова — подчас оказываются святее Папы Римского, прошу прощения, Патриарха Московского. (Когда Основы чересчур либерально формулируют отношение Церкви к проблеме медицински оправданного аборта, то И. Силуянова солидаризуется с мнением о. Димитрия Смирнова: «мать хочет сохранить свою жизнь за счет дитя — это каннибализм». Я не знаю, кто прав. Может быть, Архиерейский собор, может быть, о. Димитрий Смирнов. Я знаю лишь, что философский анализ предполагает чувство дистанции по отношению к любой рассматриваемой проблеме.)

Но главное в другом. Едва ли не впервые отечественными философами предпринята попытка ознакомиться с существом церковной позиции по ключевым вопросам современности — прежде чем выносить какие бы то ни было суждения о ней. Желаем отечественным политикам последовать этому благому примеру.

СВОБОДА ОТ «СВОБОДЫ ОТ СВОБОДЫ»

Олеся Николаева. **Православие и свобода.** — М.: Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. — 400 с.

Если авторскому коллективу исследования «О социальной концепции русского православия» не хватает единства солидарной позиции, то книга известного поэта и эссеиста Олеси Николаевой как раз отличается завидной цельностью; здесь нет и следа поэтических метаний, здесь все подчинено незыблемой — и неподвижной — шкале ценностей. Если современный политик хочет разобраться, как именно — и почему так — воспринимает проблемы свободы, творчества, цивилизации *образованный человек церковной культуры*, — вот оно, лучшее наглядное пособие, своего рода учебник человековедения.

Свобода для Олеси Николаевой — не политическая категория, а бытийственная; она (свобода) служит для нее (Олеси) примером сочетания несочетаемого — одного из главных Божьих даров человеку и подчас непосильного испытания, выпадающего на человеческую долю. С этих позиций Николаева смотрит на все, что ее окружает — от личных человеческих отношений до современной культуры, российской и мировой. Постмодернизм в ее описании, — а говорит она о вполне конкретных явлениях, прежде всего литературных и — российских, — это не столько социокультурный стиль, сколько идеологическая знаковая модель. И эта модель лишь на словах декларирует отказ от любых ценностных значений, а на самом деле просто утверждает другую ценностную шкалу. Перевернутую, искаженную, по существу — антихристианскую.

Еще раз: ознакомиться современному отечественному политику с книгой О. Николаевой было бы по крайней мере полезно — и во всяком случае интересно; написанная ярко, энергично, даже чуть агрессивно, книга эта фиксирует взгляд, важный для понимания православной среды. Достаточно свободный взгляд — на проблему свободы. Достаточно культуроцентричный взгляд на проблему культуры. Но при этом не боготворящий ту и другую «субстанцию», аккуратно дистанцирующийся от «светского» миропонимания, демонстрирующий свою независимость от него. Другой вопрос, сохраняет ли такую же независимость О. Николаева от внутрицерковных раскладов; судя по всему, не полностью. Вот лишь одна цитата.

«Новое — сдвинутое — церковное время, новое храмовое пространство и новый богослужебный язык призваны разорить церковный космос и создать ту систему координат, в которой либеральное сознание стремится утвердить свою новую религию, новую Церковь: изменение церковного «языкового кода» неизбежно влечет за собой и изменение ментальности».

Ой ли? Так ли уж неизбежно? Стоит ли выдавать позицию одной — пускай более сильной и влиятельной — части церковной общественности за точку зрения всей Церкви, за истину в последней инстанции? Да и разве жесткое (и действительно чересчур идеологизированное) требование православных «реформаторов» об отказе от иконостаса — одно и то же, что мягкое пожелание о *русификации* (не путать с полным переходом на современный русский язык) богослужебного языка? Не ради реформирования как такового, а ради удобопонимания христианского взгляда на мир?..

Все это нужно учитывать, приступая к чтению и осмыслению книги Олеси Николаевой. Но, в любом случае, размышлять над православным пониманием ценностей свободы и культуры — следует. Иначе в самом прямом смысле — век воли не видать.

Первые десять лет

В ЭТОМ ГОДУ МОСКОВСКАЯ ШКОЛА ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОТМЕЧАЕТ СВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ.

Первый семинар Школы состоялся в начале апреля 1993 года.
За эти годы Школа провела свыше 120 семинаров, в которых участвовало около пяти тысяч человек — молодых политиков, работников администраций, предпринимателей, журналистов — из большинства регионов России и ряда зарубежных стран.
Каждый семинар Школы — он продолжается обычно от 4 до 7 дней — завершается обсуждением, во время которого его участники, включая экспертов, подводят итоги проделанной работы, оценивая ее как с содержательной, так и с организационной стороны.

27 мая 1994 г. Голицыно

— Депутаты, как известно, люди занятые, и вроде бы времени у нас не остается ни на какие другие дела. И в то же время – достаточно самоуверенные, поскольку многие считают, что они победили достойных конкурентов и знают о жизни достаточно.
Так вот, я хочу сказать, что, несмотря на занятость и, может быть, на определенную самоуверенность, многим из депутатов стоило бы поучаствовать в таких семинарах, на которых понимаешь, что ты знаешь далеко не все. Всегда полезно знать больше.

(**А.Н.Сергеенков**,
депутат Государственной Думы РФ — г. Балаково, Саратовская обл.)

— У нас уже не заседание, а как бы застолье. И я хочу сказать, что не так давно понял, понял именно в воскресенье, что я являюсь свидетелем и соучастником удивительнейшего события, кое я ранее не наблюдал. Я понял, что мы являемся свидетелями и участниками создания того, что можно было бы назвать невидимым институтом гражданского общества, то есть пока невидимого, поскольку это можно только почувствовать. Когда люди приезжают в Голицыно, говорят и спорят друг с другом и из этого возникает нечто, что объединяет людей, позволяет им сверять свои взгляды, унифицировать язык, на котором они говорят. За что большое спасибо, конечно, Лене.

(**К.А. Бендукидзе**,
главный управляющий корпорации НИПЕК,
председатель совета директоров Промышленно-торгового банка)

– Мы были очень рады вместе с моим коллегой Клаусом Копкой принять участие в этом семинаре. Когда мы вернемся в Германию, в Мюнхен, мы обязательно расскажем о том, что здесь было много молодых людей – депутатов и журналистов,– которые обсуждали вопросы безопасности, российской экономики, политики. Программа «Партнерство ради мира» является важной задачей для нас в Европе, и я с большим интересом прослушал сегодня доклады, а также дискуссию. Я желаю вам дальнейших успехов в вашей работе и хочу заверить, что Германия охотно окажет вам поддержку для мобилизации ваших внутренних ресурсов.

(**Э. Зитцманн,**
председатель президиума Областного совета Верхней Франконии)

– Все ломают сегодня голову, как же подготовить хорошего государственного служащего, хорошего чиновника, хорошего политика. Спорят, как лучше, на каких принципах, с помощью какой идеологии. Я думаю, что все эти подходы, которые сейчас обсуждаются на государственном уровне, уже практически, в миниатюре, находят реализацию, воплощение в этой Школе. Вы, Елена Михайловна, делаете государственное дело. Большое спасибо вам от Администрации Президента, потому что те принципы, которые закладываются при обучении кадров, они заложены здесь: здесь и уважение к правам человека, и плюралистическая демократия, и необходимые знания.

(**С.Н. Иванов**,
Управление Федеральной государственной службы
Администрации Президента РФ)

31 мая 1996 г.

– Я хотела бы сказать несколько слов о Школе. Тот разговор, тот его накал, который возник в конце семинара, очень близок мне; я тоже считаю, что те нравственные искания, которые нас не оставляют, вселяют надежду, что в России тоже со временем политика станет источником вдохновения.

(**Л.П. Мишустина**,
консультант службы помощников Президента РФ)

– У меня после сегодняшнего дня ощущение на душе легкое, я даже не предполагал, что наша дискуссия, вообще говоря, о такой сухой проблеме, как элиты, получит столь мощный нравственный резонанс в душах. Слава Богу, что это происходит с нами циниками-технологами, слава Богу, что это происходит с политиками, здесь сидящими. Дай Бог, чтобы это происходило со всеми гражданами России, потому что, на самом деле, тонкое моральное восприятие, очевидно, единственное, что может помочь нам на этой сложнейшей дороге к выздоровлению от самой страшной чумы XX века – тоталитаризма.

(**М.Ю. Урнов,**
Центр политических технологий, Москва)

— На мой взгляд, Школа, которая была задумана для того, чтобы внедрять идеи и ценности гражданского общества, знакомить с ними, сама стала постоянно действующим и стабильным институтом гражданского общества. И одновременно это образец международного сотрудничества, причем, не только между Россией и Европой, но и между тем, что называют ближним зарубежьем. Это та экспансия России, с которой, я уверен, согласится любая нация.

(**С.Т. Золян,**
профессор Ереванского университета)

— Самое главное – это то, что мы становимся здесь в чем-то похожими на семью. Такая большая, огромная семья, в которой каждый переживает друг за друга, радуется друг другу. Спасибо нашим глубоко уважаемым экспертам, которые не назидательно разговаривают с нами, не учат нас. Это очень важно – не чувствовать себя учеником, которому что-то вдалбливают, а чувствовать себя партнером, на равных.

(**Н.Я. Сычева**,
Алтайская краевая телерадиокомпания, корреспондент)

– Я тоже хочу сказать о солидарности. Она мне кажется важнее, и многие это чувствуют, не важно – коммунист ты или демократ. И мне только остается мечтать, чтобы Школа действительно осталась Школой, без всяких дополнительных эпитетов, потому что этого более чем достаточно.

(**Р.И. Султанов**,
депутат Государственной Думы РФ)

– Уезжая из моего любимого региона, куда переместился призрак, который бродил по Европе, я думала, что есть только два способа реакции на него. Либо не участвовать ни в чем и оставаться, как мы сегодня говорили, «чистым», то есть честной хотя бы перед собой; либо, грубо говоря, продаваться и делать то, чего не любишь и не хочешь. А теперь я окончательно убедилась, что существует еще одна возможность. И благодарна Школе, что здесь единственное, пожалуй, место, где ценят человека не за то, к чему он принадлежит – к партии, к власти или еще кому-то, – а за то, что он есть на самом деле. Так что, возвратившись, я наверняка буду знать, что говорить и как говорить.
И было бы замечательно, если все здесь присутствующие делали у себя в регионах что-то для продвижения наших идей. Чтобы они находили не только отклик в умах и душах людей, но и реализовались бы в самой жизни.

(**И.В. Сербина**,
«Союз студентов Кузбасса и Сибири», г. Кемерово)

26 июля 1996 г. Голицыно

— В Европе есть нации, которые сохраняют ощущение своего величия, есть нации, которые утратили это ощущение, а некоторые нации вообще не хотят и слышать ни о каком величии. Но они сотрудничают и живут вместе – в Европейском союзе.
Как мне показалось, большинство молодых людей в этой Школе тоже готовы думать на эти темы серьезно и созидательно. С моей точки зрения, это нормально, так как проблемы культуры в широком смысле этого слова имеют не меньшее значение, чем экономика и политика.

(**Ж. Нива**,
профессор Женевского университета)

– Московская школа политических исследований, как она сложилась, как она работает и что имеет своим результатом, – это сплав коллективного мыследействия, если использовать такой термин, сплав исторической памяти, всепрощения и наметки общих целей на будущее. В этом, на мой взгляд, и состоит ее уникальность. И мне хотелось бы, чтобы Школа не менялась, а что касается технических вопросов, то, я думаю, опыт подскажет, какие новые формы в ней могут появиться.

(**О.П. Гонжаров,**
депутат Государственной Думы РФ, г. Новосибирск)

— Мы неделю говорили о гражданском обществе, которое немыслимо без формирования новой социальности. И смысл Школы я вижу именно в этом.
Я хочу сказать всем присутствующим спасибо: и экспертам, и организаторам, и переводчикам, ну и, конечно, моим коллегам – участникам семинара. Большое спасибо за вашу открытость, за вашу принципиальность, за способность и готовность к диалогу.

(**С.В. Мошкин,**
Администрация Свердловской области, пресс-секретарь)

– Я благодарна всем присутствующим, кто выдержал эту непростую дистанцию. У меня тоже сложилось ощущение, что это – наши взаимные международные семинары. Школа – это место, где люди обмениваются мнениями, спорят и не забывают, что истина всегда между нами, и никто не имеет права ее приватизировать. Мы обязаны искать общие подходы для ее возможной реализации. Расширять свой умственный горизонт, потому что только прояснение наших общих проблем, касаются ли они Грузии, Армении, прибалтийских стран – все мы вышли из советского пространства – откроет перспективу их решения.

(**Е.М. Немировская,**
директор и основатель
Московской школы политических исследований).

CONTENTS

To out reader 5

Seminar
Problems of Anti-Corruption Activity *Sergey Stepashin* 7
Notes from the Seminar *Yury Girenko* 16

Theme of the Issue
Russia as Nation *Geoffrey Hosking* 18
Russia as Empire *Dominique Liven* 23
Russia as Europe *Dmitry Trenin* 30
Russia as Democracy *Vladimir Ryzhkov* 35
XXI Century: Challenges and Threats
Russia, USA and Challenges of XXI Century *Alexander Vershbow* 43
Geopolitics after September 11 *Lucco Caraciollo* 55
Europe and Democracy *Alain Lancelot* 60

Concept
Social Responcibility of Russian Business 68
Mikhail Khodorkovsky
Kakha Bendukidze

Discussion
Power and People: on Local Self-Government *Vadim Bondar* 73
Special Service in Democratic Society *Yury Kobaladze* 79

Freedom and Culture
Business and Politics: Culture of Interaction *Sergey Nedoroslev* 84

New Practices and Institutions
Southern Regional Resources Centre *Mikhail Savva* 87
The Minor Towns of Major Importance *Irina Korableva* 90

An in dividaualexperience
Alexey Kleshko: "In Everydays Life It Must Be Reserved a Space
for Questions" *Zoya Eroshok* 93

Ideas and notions
Federalism *Irina Busygina, Andrey Zakharov* 96

From Foreign Periodicals
"The National Interest" 100
All That NATO Could Be *Charles Gati* 101

Books
The oligarchs: Beyond the Myth *Yury Girenko* 111
Regional Review of Books. *Yury Girenko, Alexander Kapishin, Inga Starostina* . . . 114
Counter-Point *Alexander Archangelsky* 119

Nota bene
First Ten Years 122

СОДЕРЖАНИЕ
журнала «Общая тетрадь» за 2002 г.

К читателю (№ 1, 2, 3, 4)

Семинар

Веттерберг Гуннар
Общество благосостояния и рыночная экономика (№ 3)

Гиренко Юрий
Заметки с семинара (№ 1, 2, 3, 4)

Степашин Сергей
Проблемы борьбы с коррупцией в России (№ 4)

Ходорковский Михаил
Бизнес и социальная ответственность (№ 1)

Шмидт Гельмут
Сверхдержава Европа? (№ 2)

Тема номера

Гиренко Юрий
Post aetatem nostram (№ 1)

Захаров Андрей
Самоуправление в современной России: попытка диагноза (№ 3)

Клешко Алексей
Основа гражданственности и народовластия (№ 3)

Кожокин Михаил
СМИ, власть и бизнес в современной России (№ 2)

Ливен Доминик
Россия как империя (№ 4)

Ллойд Джон
Тенденции развития современной журналистики (№ 2)

Лювен Роберто
Европейская интеграция и региональная политика (№ 3)

Рыжков Владимир
Россия как демократия (№ 4)

Стенхольм Улле
Практика свободы слова (№ 2)

Тиби Бассам
Самобытность Европы — отсутствие самобытности? (№ 1)

Тренин Дмитрий
Россия как Европа (№ 4)

Хоскинг Джеффри
Россия как нация (№ 4)

фон Штудниц Эрнст-Йорг
Диалог культур в мире завтрашнего дня (№ 1)

XXI век: вызовы и угрозы

Бжезинский Збигнев
Россия в современной геополитической реальности

Брейтвейт Родрик
Права человека и терроризм (№ 1)

Бусыгина Ирина
Что-то случилось: российские версии глобализации (№ 3)

Вершбоу Александр
Россия, США и вызовы XXI века (№ 4)

«Война против терроризма» — взгляд экспертов (№ 1)

Доннелли Кристофер
Мир после 11 сентября: проблемы безопасности (№ 2)

Караччоло Лучо
Геополитика после 11 сентября (№ 4)

Лансло Ален
Европа и демократия (№ 4)

Мертес Михаэль
Новый мировой беспорядок (№ 3)

Ростовский Яцек
О критике глобализации (№ 2)

Концепция

Гавриленков Евгений
Экономический рост и эффективность: история болезни (№ 2)

Косыгина Анна
Инвестиционный климат в российской экономике (№ 1)

Илларионов Андрей, Васильев Сергей
Проблемы роста российской экономики (№ 3)

Ходорковский Михаил, Бендукидзе Каха
Социальная ответственность российского бизнеса (№ 4)

Дискуссия

Бондарь Вадим
Власть и люди: о местном самоуправлении (№ 4)

Бочкарев Данила
Россия — союзник США? (№ 2)

Григорян Степан
О возможности создания системы безопасности Южного Кавказа (№ 1)

Захаров Андрей, Капишин Александр
Государственная Дума и президентство Владимира Путина (№ 1)

Кавешников Николай
Расширение ЕС открывает новые возможности для России (№ 2)

Кобаладзе Юрий
Спецслужбы в демократическом обществе (№ 4)

де ла Куадро Сальседа Томас
Государство автономий в Испании (№ 3)

Рыжков Владимир
Российская модель демократии (№ 3)

Скидельски Роберт
Современная европейская политика и Россия (№ 3)

Свобода и культура

Лайн Родерик
Запад и Россия: проблемы культурных различий (№ 3)

Недорослев Сергей
Бизнес и политика: культура взаимодействия (№ 4)

Шеррер Ютта
Россия и Европа – их представление о себе и друг о друге (№ 2)

Новые практики и институты

Гиренко Юрий
Этюды о власти (№ 2)

Жилякова Екатерина
Как развить парламентаризм в России? (№ 3)

Зеленцова Анна
Демократическое гражданское образование (№ 1)

Кораблева Ирина
Мал городок, да дорог (№ 4)

Лихт Соня
Институциональное развитие и гражданское общество (№ 3)

Неганов Сергей
Развитие политической культуры: пермский опыт (№ 2)

О роли журналистов в международных усилиях по предотвращению и искоренению терроризма

Савва Михаил
Южный региональный ресурсный центр (№ 4)

Личный опыт

Ерошок Зоя
Александр Белгороков:»Деньги – это не то, что в кошельке, а то, что в голове» (№ 2)

Алексей Клешко: «В жизни всегда должно быть место вопросам…» (№ 4)

Жилякова Екатерина
Валерий Сухих: здесь и сейчас (№ 3)

Лосева Наталья
Солдат Школы Сергей Петляков (№ 1)

Идеи и понятия

Барабанов Евгений
«Русский постмодернизм» (№ 1)

Бусыгина Ирина, Андрей Захаров
Федерализм (№ 4)

Дэйтон Энн
Европейский союз (№ 2)

Из зарубежных изданий

«Policy Review» (№ 3)

«The National Interest» (№ 4)

Гати Чарльз
О том, чем может быть НАТО (№ 4)

Джонсон Борис
«The Spectator» (№ 2)

Каган Роберт
Сила и слабость. Почему США и Европа по-разному смотрят на мир (№ 3)

Клавер Нурия
«Claves de rason practica» (№ 2)

Стоун Норман
Османская неимперия (№ 1)

Элорса Антонио
Ислам: множественность культуры и терроризм (№ 2)

Другая страна

Бастеньер Мигель
Испания – первая из вторых (№ 1)

Купер Саймон
Неистовый Фортёйн (№ 3)

Хостад Диса
Швеция: современные зарисовки (№ 2)

Книги

Гиренко Юрий
Понять умом Россию (№ 3),

Олигархи: по ту сторону мифа (№ 4),

Захаров Андрей
Эволюция российского парламентаризма (№ 1)

Пайпс Ричард, Хоскинг Джеффри
Российская империя: взгляд с Запада (№ 2)

Согомонов Александр
«Прагматический плюрализм» (№ 3)

Региональное книжное обозрение
Барабанов Евгений (№ 2)
Гиренко Юрий (№ 4)
Замай Борис (№ 1)
Капишин Александр (№ 1, 2, 3, 4)
Сергеенков Александр (№ 3)
Старостина Инга, (№ 1, 2, 3, 4)

Ведет Александр Архангельский (№ 1, 2)

Контрапункт
Архангельский Александр (№ 3, 4)

Nota bene

Маргарет Тэтчер: политика и жизнь (№ 2)

Отто фон Бисмарк: Своевременные мысли (№1)

Первые десять лет (№ 3, 4)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

МОСКОВСКОЙ ШКОЛЕ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ – ДЕСЯТЬ ЛЕТ

СЕМИНАР

Наши авторы:

Маргарет Тэтчер
Вальтер Швиммер
Катрин Лялюмьер
Кристофер Паттен
Альваро Хиль-Роблес
Доминик Моизи
Михаэль Мертес
Елена Немировская
Владимир Рыжков
Андрей Захаров
Ирина Бусыгина
Дмитрий Тренин
Александр Согомонов
Александр Архангельский
Александр Волков
Алексей Салмин

Подписано к печати 21.11.2002.
Формат 70×108/16.
Бумага мелованная.
Гарнитура NewBaskerville.
Усл.-печ. л. 8.
Тираж 1000 экз.
Заказ №

Московская школа политических исследований
121854, ГСП-2, Москва, ул. Большая Никитская, 44-2.
e-mail: msps@co.ru
http: //www.msps.ru

ЛР №00972 от 14.02.2000.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в Московской типографии № 6 Минпечати РФ
109088, Москва, Южнопортовая ул., 24